

Александр Прилепский

ТУЛЬСКАЯ ГАСТРОЛЬ

исторический детектив

УДК

ББК

**Прилепский А.Ф., ТУЛЬСКАЯ
ГАСТРОЛЬ,**

Исторический детектив - М.:

Январь 1884 года. Началась эта история с того, что частный сыщик, редактор-издатель спортивного журнала Алексей Лавровский зашёл в буфет бегового ипподрома на Нижнем Пресненском пруду выпить рюмку...

Продолжение исторических детективов **«Бега», «Последнее дело «валетов», «Галопом к столбу», «Тёмный фаворит» и «Особый случай».**

ISBN 978-5-905675-96-6

©Прилепский А.Ф.,2017

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Встреча в буфете.....	4
Глава 2	Тульский Робин Гуд.....	10
Глава 3	«Приготовьте тридцать тысяч».....	28
Глава 4	Старые и новые знакомые.....	37
Глава 5	Странная шайка.....	54
Глава 6	1-м классом.....	68
Глава 7	Московские театралы.....	80
Глава 8	Знатный улов.....	93
Глава 9	Некая Тамара.....	106
Глава 10	Баккара.....	116
Глава 11	Не она, а он.....	131
Глава 12	Гостиница Чайкина.....	148
Глава 13	Актёр и адвокат.....	162
Глава 14	Варшавские.....	182
Глава 15	Пирушка.....	194
Глава 16	Оживший покойник.....	205
Глава 17	Нашего полку прибыло.....	225
Глава 18	Охота на Егеря.....	242
Глава 19	Дочь престижджигитатора.....	259
Глава 20	На живца.....	272
Глава 21	В земской больнице.....	292
ОТ АВТОРА (вместо эпилога).....		306

Глава 1

ВСТРЕЧА В БУФЕТЕ

Буфет зимнего ипподрома на Нижнем Пресненском пруду был полон. Редактор-издатель журнала «Беговые и скаковые известия» Алексей Лавровский окинул взглядом небольшой зал. Как говорится, знакомые всё лица. Многие московские спортсмены на зиму уезжают в Петербург, где в это время разыгрываются большие призы. Зато провинциалы устремляются в Первопрестольную. Кубки и медали, взятые во второй столице, у них в почёте. Он увидел знакомых из Орла, Курска, Тамбова. А вот туляки: четверо средних лет мужчин, судя по

раскрасневшимся лицам и чересчур громким голосам, здесь обосновались давно.

Вице-президент Тульского общества охотников конских испытаний Свечин, увидев вошедшего, приветственно замахал рукой:

- Алексей Васильевич! Пожалуйте к нашему столу.

Остальные его дружно поддержали:

- Просим!

- Составьте компанию.

- Вам всегда рады!

Лавровский с удовольствием принял предложение. Нравились ему эти люди: настоящие охотники рысистого дела, не чета тем, кого на бега привели мода и погоня за выгодными знакомствами.

Разливая по рюмкам шутовскую рябиновую, богатый помещик Александр Офросимов, которого приятели за глаза называли «Вот и вот», с лёгкой барственной хрипотцой в голосе сказал:

- В Америке, вот, двухлетки бегут. А у нас призы для трёхлеток, вот, по пальцам пересчитать можно: в Ефремове, Таганроге, да ещё, вот, московская «Зимняя подписка». Неправильно это, вот.

Свечин, подцепив вилкой ломтик сыра, укоризненно покачал головой:

- Ну, кто же швейцарский сыр так режет? Его гофрировать надо... А ты, Сашет, как я погляжу, либерал.

- Кто либерал? - то ли от обиды, то ли от крепкой рябиновки, побагровел Офросимов. - Ты, Фёдор Александрович, слова-то, вот, выбирай.

Лавровский невольно улыбнулся. Чего только не услышишь во время бурных споров на бегах. Надо же, человека считающего, что даже отмена крепостного права, не говоря уж обо всех прочих реформах покойного императора Александра II, принесла России великие беды, обвинили в либерализме. Правда причиной стали не его политические взгляды, а позиция, занятая по вопросу давно волнующему всех рысистых заводчиков и спортсменов, - с какого возраста допускать лошадей на бега.

... Единого мнения не существовало. Одни считали, что с четырёх - пяти лет, не раньше. Иначе, дескать, жеребят изломать можно. Ссылались при этом на такие непререкаемые авторитеты, как граф Орлов-Чесменский и его ученик Шишкин. Цитировали знаменитого российского ипполога Коптева, который писал, что *«убеждён во вреде, происходящем от изнурения сил лошади в то время, когда двухлеток ещё растёт, когда все сухожилия и связки ещё так нежны, когда кости ещё так тонки, когда мускулы ещё не развиты и все части, как*

внутреннего, так и наружного организма не окрепли...».

Другие возражали, опираясь на опыт Северо-Американских Соединенных Штатов. Там в ипподромных состязаниях рысаки уже давно участвуют с двухлетнего возраста. Их здоровью это особого вреда не приносит, зато способствует улучшению резвости. Да и об экономических причинах, убеждали они, забывать не следует. Очень накладно обходится заводчикам каждый лишний год содержания молодняка. Вот поэтому и недокармливают его в большинстве наших заводов. А откуда взяться силе у полуголодной лошади?

Главное управление государственного коннозаводства поддержало тех, кто привык жить по старинке. Согласно его распоряжениям рысаки, бежавшие в трёхлетнем возрасте, не допускались к розыгрышу самых престижных призов - Императорских. А недавно был выпущен ещё один циркуляр, очень порадовавший консерваторов. Он разрешает открытие новых беговых обществ только при условии, что их уставы запрещают испытания трёхлеток...

- Вестимо, либерал, - шутливо погрозил Офросимову пальцем старший член Тульского общества охотников конских испытаний купец Николай Иванович Ливенцов. - Все кто начальству перечат, Сашет, либералы и лица неблагонадёжные... А если серьёзно, судари мои,

давным-давно пора отменить все эти дедовские запреты. Нет никакого вреда в ранней езде! Митрофан Мазурин, царство ему небесное, свою Красу полуторником работать начал, в три года на бега привёл. И как кобыла ехала! На весь мир прославилась. Штук пятьдесят призов выиграла - и у нас и за границей.

- А где от неё достойное потомство? - живо возразил Свечин. - Погубили такую лошадь! Алексей Васильевич, вы моё мнение разделяете?

- Нет, Фёдор Александрович, - отрицательно покачал головой Лавровский. - Красе, как заводской матке, совсем другое навредило. На несколько лет раньше её с ипподрома в завод надо было отправлять, жеребой на Интернациональный приз записывать не следовало... И вообще, друзья мои, в следующем номере журнала читайте статью Серёжи Малинина «Судьбы победителей». Он изучил беговую и заводскую карьеры победителей «Зимней подписки» за двадцать пять лет и пришёл к выводу: у большинства она просто блестящая. Разумеется, за исключением тех лошадей, которые попали в плохие руки.

- Вот и я об этом говорю, - обрадовался поддержке Офросимов. - Какие славные лошади трёхлетние призы брали - Бедуин, Полотёр, Индюк... Вот!

- Ты про рекордиста Потешного забыл, - добавил Ливенцов. - Непременно нам надо у себя в Туле приз для трёхлеток учредить.

- Втроём на одного навалились? - засмеялся Свечин. - Конечно, мне вас не переспорить. Алексей Николаевич, поддержи хоть ты меня.

Высокий, склонный к полноте блондин, с небольшой холёной бородкой - владелец Прилепского конного завода Алексей Добрынин - не участвовавший в споре, встрепенулся:

- Что? О чём ты? Извините, господа, отвлёкся малость - смотрел, кто сегодня бежит.

Лавровский обратил внимание, что беговую афишку при этом Добрынин держит вверх ногами. Похоже, у него неприятности, подумал он. Не удивительно. Угораздило же купеческого сына жениться на красивой, но взбалмошной и, ходят такие слухи, очень любвеобильной генеральской дочке.

Часто зазвонил колокол, призывая наездникам подавать лошадей на старт.

- В первом заезде мой Гармонист бежит, - сказал Свечин, поднимаясь из-за стола. - Пойдемте, посмотрим. Доспорим в другой раз.

Добрынин, тронув Лавровского за рукав, тихо сказал:

- Алексей Васильевич, мне бы с вами посоветоваться.

Нет не в семейных дразгах дело, понял Лавровский и спросил:

- Что случилось-то? Сразу видно, вы сегодня не в своей тарелке.

- Угрожают мне. Завод спалить обещают.

- Это кто же такой отчаянный выискался?

Семейство Добрыниных пользуется в Туле большим влиянием. Отец Алексея вот уже двадцать лет городской голова, со всем начальством, вплоть до губернатора, на «ты». Двоюродный брат - товарищ прокурора окружного суда. Да и у самого много высокопоставленных друзей - тот же Свечин не только вице-президент бегового общества, но ещё и губернский предводитель дворянства. Кому взбрёт в голову с такими людьми связываться?

- Выискался, - тяжело вздохнул коннозаводчик. - Чекан. Слышали, наверное, о нём?

О Чекане Лавровский, конечно, был наслышан.

Глава 2

ТУЛЬСКИЙ РОБИН ГУД

...Сегодня Тула славится на всю Россию самоварами, трёхрядными гармошками, пряниками и, разумеется, берданками, которые делают на оружейном заводе. А когда-то известна

она была своими разбойниками. Об одном из них народ до сих пор поёт:

Жили двенадцать разбойников

И Кудеяр - атаман,

Много разбойники пролили

Крови честных христиан...

Давно это было - ещё при Иване Грозном. А в начале XVII столетия бесчинствовали под Тулой банды атамана Косолапа Хлопка, которые до самой Москвы добирались. Позднее вдоволь покуролесил здесь Василий Ус, сподвижник Стеньки Разина... Но летели годы, десятилетия, века... Всё изменилось к лучшему. По сведениям статистического комитета МВД такие преступления, как грабежи и разбои в Тульской губернии случаются значительно реже чем, например, в Поволжье, Польше или на юге России. Вернее так было, пока в декабре 1881 года, не появилась шайка Чекана.

Лавровский служил тогда репортёром в пастуховском «Московском листке». Однажды вызвал его к себе редактор.

- Почитай-ка, - сказал, протянув номер «Современных известий», где красным карандашом обведена была небольшая заметка.

Тула. Как пишут «Тульские епархиальные ведомости», неделю назад была ограблена церковь Рождества Христова в Чулковой

слободе. Громили отравили двух сторожевых собак, выломали решётку в окне храма и похитили ковчег со святыми дарами, а также иные священные предметы. Кроме того, взломав замок в свечном ящике, они украли около трёхсот рублей. Это уже второе подобное преступление за декабрь месяц. Архиепископ Тульский и Белевский преосвященный Никандр в своей воскресной проповеди с горечью говорил о падении нравов и призвал туляков оказать властям всяческое содействие для поимки кощунников.

- Ну, что скажешь?

- Отчаянные ребята, - покачал головой Алексей. - Ничего не боятся. Ведь за обычную кражу они могли бы получить полтора года арестантских рот. А за похищение со взломом из церкви им светит 221-я статья «Уложения о наказаниях». Это, если, не ошибаюсь, от десяти до двенадцати лет каторги.

- Вот и я о том. Нутром чую: молодчики эти себя ещё покажут, наделают делов. Обязательно надо о них написать! Только мы не «Современка» какая-нибудь! Нам перепечатывать заметки из провинциальных газетёнок и кормить читателей новостями недельной давности неуместно... Отправляйся-ка ты, голубь сизокрылый, в Тулу. Разузнай всё поподробнее, с нужными людьми познакомься. Непременно, найди человека, который нам обо всём тут же сообщать станет. На расходы не скупись. Даю тебе неделю срока.

- Это много, Николай Иванович. Дня в три управлюсь.

- Экий, ты, быстрый, - усмехнулся Пастухов. - Как говорится, не зная броду... Ты в Туле-то, когда-нибудь бывал?

- Нет. А что?

- А то, что в Туле, в отличие от других губернских городов, до сих пор нет ни одной частной газеты. Только две казённые.

- Почему?

- Очень уж не любит тамошний губернатор Ушаков нашу пишущую братию. А каков поп - таков и приход. Поэтому на содействие полиции и прокурорских не надейся. Тихомолком разузнавать придётся.

В Тулу Алексей приехал ближе к вечеру. С Московско-Курского вокзала сразу же отправился в Заречье - промышленный район города, где находится Чулкова слобода. Походил по многочисленным чайным и трактирам.

Для начала угостил водкой и холодцом оборванца, самого трущобного вида, назвавшегося Мухой.

- Ты из каких будешь? - закусывая, поинтересовался тот. - По облицию, будто из господ, а по хваткам...

Лавровский прижал палец к губам:

- Нашёл - молчи, украл - молчи...

- Теперь понятно, - кивнул оборванец. И всё-таки не удержался от вопроса. - С Москвы?

- Нет. Елецкий я, - отвечал Алексей, ничуть не соврав. Юность он действительно провёл в этом городе.

- Елец - всем вора́м отец. Фартовые у вас там ребята.

- Когда это было? - хмыкнул Лавровский, снова разливая водку по стаканам. - При царе Горохе. А сейчас, друг ситный, у нас там тишь, гладь, да божья благодать. Со скуки околеть можно. У вас в Туле и то веселей. Один Чекан чего стоит!

- Это верно... Ох, и хороша наша тульская «Сухарная»! Всякие сми́рновские и шу́стовские, супротив неё, дрянь-дрянью... А ты знаешь, что Чекан, надысь отчебучил? Нет?! Тогда слушай...

Потом попил чаю с несколькими рабочими оружейного и патронного заводов. От них узнал тоже много интересного. Затем оказался в обществе двух разбитных, словоохотливых девчонок из фабричных - Лушки и Шурки.

Молодец, Алексей Васильевич, мысленно похвалил он сам себя, за четыре часа набрал материала строк на сто с лишним, жаль записать нельзя. Но ничего, не забуду, для этого проверенное средство имеется.

В первые месяцы репортёрства он имел возможность убедиться, что при появлении записной книжки доверительные разговоры заканчиваются. Это в лучшем случае. В худшем могут и бутылкой по голове шандарахнуть, а то и заквасить. Поэтому, взял за правило, несколько раз проговаривать про себя, как бы уже написанные заметки. Сейчас для этого выдалась самая подходящая минута - девчонки принялись бурно обсуждать, какая богатая свадьба была у какой-то Таньки из полировочных мастерских... Итак, что мы имеем?

Не будет преувеличением утверждать, что появившаяся в декабре прошлого года шайка разбойников держит в страхе Тулу и окрестные уезды. Ею уже совершён ряд дерзких преступлений. Вот только некоторые из них.

Кража со взломом. Ночью неизвестные, взломав дверь, проникли в магазин рыбопромышленника Платонова, что на Воздвиженской улице. Время для кражи было выбрано не случайно - самый конец Рождественского поста, когда от желающих купить к праздничному столу икры и осетровых балыков, стерлядей, угрей и речных форелей отбоя нет. В такие дни касса от денег ломится. По слухам похищено около трёх тысяч рублей.

Разбой. Накануне Нового года агент «Общества взаимного страхования посевов от градобития» Белобородов возвращался из поездки

по помещикам Крапивенского уезда, имея при себе более двух тысяч рублей, полученных как страховые взносы. В перелеске, недалеко от сельца Прилепы, дорогу его саням преградило сухое поваленное дерево. Когда Белобородов и кучер стали оттаскивать его в сторону, к ним подошли четверо - трое с берданками, а четвёртый с увесистой гирькой на сыромятном ремешке. У агента был револьвер, но воспользоваться им он не решился. Забрав деньги, лошадь и сани, разбойники уехали в сторону Воронежского шоссе.

Грабёж. В первых числах января пятеро грабителей связали сторожей конторы «самоварных королей» братьев Баташовых на Ново-Павшинской улице. Вскрыв несгораемый шкаф они взяли более десяти тысяч государственными кредитными билетами и различными ценными бумагами. На прощанье атаман сказал сторожам:

- Передайте хозяевам, если не прекратят безобразия на фабрике - сверхурочные работы без оплаты, обчёты, штрафы - я снова к ним в гости загляну.

- От кого передать-то? - спросил один из сторожей.

- От атамана Чекана, - последовал ответ...

Молодец, ещё раз похвалил себя Алексей. Вот схожу завтра в городское полицейское

управление, загляну к уездному исправнику, послушаю, как мне врать станут, что на вверенной их попечению территории никаких серьёзных происшествий не случилось, и в Москву можно возвращаться... Нет, к сожалению, не получится. Ведь надо ещё подыскать человека, который согласится писать в «Листок»... А где его взять?

Размышления Алексея прервала одна из фабричных.

- Чёрт няпутёвый! - смеясь, толкнула она его в бок. - Пригласил барышень в заведение, совратил, можно сказать, а сам заснул. Всяво-то кошушку выпили. С чаво сморило-то?

- Бог с тобой, Луша, - стал оправдываться Алексей. - И совсем я не заснул.

- Тады скажи про што мы сейчас говорили?

- Как про что?! Про то какая весёлая свадьба была.

- Вот буровит-то, вот буровит... Я рассказывала Шурке какое приданое Танюшке Чекан дал.

- Чекан? - сразу встрепенулся Алексей. - А ну-ка, милая, ещё разок расскажи. А то я, врать не стану, призадумался малость, размечтался.

- О чём эта? - спросила Шурка.

- О том, лапушки мои, которая из вас меня сегодня ночью приголубит. Признаюсь, обе вы мне по сердцу пришлись, - одной рукой он обнял

за талию Лушку, другую положил на колено Шурке. - Эй, человек!

Тут же подскочил половой:

- Чего угодно-с?

- Пару чая нам ещё и наилучших тульских пряников, - распорядился Алексей. - И, будь любезен, сообрази бутылочку наливочки, чтобы только послаще и покрепче.

- Тогда посоветую-с нашу тульскую «Малиновую» завода братьев Тимофеевских. Дорогая-с, но уж больно хороша! Золотые медали имеет-с, её даже в Париж продают-с.

- Тащи малиновку! Да графинчик «Сухарной» прихвати - больно уж она мне понравилась.

Под наливку разговор оживился. Вскоре ещё не написанная корреспонденция пополнилась двумя абзацами:

Возглавляющий шайку неизвестного звания человек, называющий себя: то Дмитрием Яковлевым, то Моисеем Чениным, то Григорием Николаевым, но более известный под именем «атаман Чекан» пользуется у зареченцев большим уважением. Говорят, что он дал по двадцать пять рублей каждому из пятидесяти рабочих накануне Рождества неожиданно уволенных с Императорского Тульского оружейного завода в связи с очередным сокращением. Слышал я и о старом бездетном

мастере - самоварищике, которому разбойник устроил достойные похороны. А фабричные девчонки с восторгом рассказывали историю о том, как атаман Чекан наделил богатым приданым несколько девушек на выданье из бедных семей.

Напрашивается вывод: в Тульской губернии появился опасный разбойник, подражающий легендарному английскому Робин Гуду. А полиция для его поимки, как я выяснил, сделала пока очень мало...

К их столу подбежал давешний оборванец Муха, зашептал:

- Слышь, елецкий, уходить тебе надо... На Старо-Дворянской добрынинский дом горит... Сказывают Чекан запалил... Пристав облаву затеял. А ты, поди, без бирки. Заметут!

Документы у Лавровского имелись, опасаться облавы ему было нечего. Но разве может репортёр пропустить пожар? Тем более если его связывают с атаманом разбойников?

Алексей, с сожалением, посмотрел на раскрасневшихся от малиновки Лушку и Шурку:

- Не судьба, видать, девчонки. Ладно, бог даст, ещё свидимся.

Потом спросил Муху:

- Где тут у вас извозчика взять можно?

- Да где его в Заречье ночью найдёшь? Только у Ряжского вокзала.

- Подскажи дорогу.

- Как сейчас выйдешь, так направо. Дойдешь до Демидовской - ещё раз направо. Увидишь церковь - налево сворачивай на Арсенальную. А там вокзал уже рядом... Не, я лучше тебя сам провожу. Места у нас здесь нехорошие.

Когда Лавровский приехал на Старо-Дворянскую улицу, вместо дома купца Петра Добрынина была дымящаяся груда развалин. Пахло гарью. В дыму факелов блестели каски пожарных. Несмотря на ночное время зевак, как и всегда в таких случаях, собралось много: прислуга из соседних домов, припозднившиеся прохожие, извозчики, даже несколько гимназистов. Алексей прислушался к разговорам. Оказывается, многие считали, что хозяин сам устроил пожар. Дескать, не раз слышали, как он сетовал, что при его положении в обществе и многочисленном семействе нужен дом поболее этого, да денег не хватает. Вот, мол, он без всяких затрат и расчистил место для постройки, а теперь ещё и страховую премию получит.

- Страсти, какие! - всплеснула руками старушка в потёртом салопе. - Ведь соседние дома загореться могли.

- А ему до этого, какое дело? - зло бросил хмельной мастеровой. - Им, мироедам, только бы свою выгоду соблюсти.

Его поддержал извозчик:

- Правду говоришь, все они такие... А страховку получит полностью - у него везде друзья - приятели сидят, да родственнички. Сам посуди, родной брат - городской голова, старший сын - товарищ губернского прокурора, один племянник мировым судьёй служит, другой - судебным следователем.

- Языки-то у вас без костей! - возмутилась толстая немолодая баба. - Я у Добрыниных третий год в кухарках живу. Хорошие господа, на церковь завсегда жертвуют... А вы знаете, сколько добра у Петра Никитича сгорело? Комод красного дерева, два ковра персидских, три шубы...

- И укладочка его сгорела? - ехидно спросил гимназист.

В толпе послышались смешки.

- Что за укладочка такая? - поинтересовался Лавровский у стоящего рядом черноусого господина лет сорока пяти.

- Сразу видно, что вы приезжий, - дружелюбно улыбнулся тот. - Любой туляк знает, что Пётр Никитич Добрынин человек не современный. Банкам он не доверяет, акции разные не признаёт. Поэтому часть своего состояния держит в наличных - хранит их в

сундуке, окованном железом, который ему от деда достался.

- А не боязно большие деньги дома держать? - удивился Алексей.

- В купеческих кладовых и амбарах места много. Поди, узнай, где он свою заветную укладочку спрятал... Подождите молодой человек. Давайте послушаем, что Дарья рассказывает.

- Это проклятый Чекан наш дом спалил, - уверяла всех кухарка. - Надеялся, что кинется хозяин укладочку спасти, а он тут, как тут...

Черноусый поморщился:

- Врёт. Насколько мне известно, пожар начался с конюшни. Три рысачка сгорели. Чекан бы на это никогда не пошёл. Он настоящий лошадиник. Недавно погнался за ним крапивенский исправник на тройке, так разбойник запретил своим стрелять, чтобы ненароком в лошадей не попасть.

К пожарищу лихо подкатила «пара с отлётом»: коренник - крупный вороной рысак, а справа, свернув шею кольцом, такой же масти пристяжная орловско-ростопчинской породы. Из санок неторопливо вылез невысокий полный румяный блондин, в накинутой на плечи шинели с пушистым бобровым воротником.

- Наш полицмейстер Тришатный Александр Александрович, - пояснил черноусый. - Народ его Триштаным прозвал.

К полицмейстеру тут же подбежали частный пристав и брандмейстер. Стали докладывать. Порывы ветра доносили обрывки разговора:

- Несомненно, поджѣг...

- Полагаю... Чекана работа...

- Нет, господа... он скорее человека...чем лошадь... помните...

- Но Петр Никитич...

- Мне доказательства... пустые слова...

Сколько нужных людей в одном месте! Упустить такой случай Лавровский не мог. Решительным шагом он направился к полицейскому начальству.

- Александр Александрович, ходят слухи, что дом подожгла шайка Чекана. Что думает по этому поводу полиция?

- А вам какое дело? - неприязненно поинтересовался полицмейстер. - Господин пристав, распорядитесь немедленно удалить с места происшествия всех посторонних.

- А я не посторонний. Позвольте представиться, корреспондент газеты «Московский листок».

Полицмейстер поморщился, словно от зубной боли:

- Пока ведутся розыск и дознание никаких сведений я вам дать не имею право. К частным приставам обращаться не рекомендую, они всё равно направят вас ко мне.

- А в уездную полицию?

- Не тратьте время напрасно. Исправник не станет с вами разговаривать без разрешения старшего советника губернского правления Левкоева, а он сейчас в отъезде.

- А если...

- А если вы будете совать свой нос, куда не следует, я распоряжусь выслать вас из города!

- Понятно, - невозмутимо кивнул Лавровский. - Тогда разрешите откланяться.

Концовка для корреспонденции была найдена:

Полицмейстер, которому похвастаться явно не чем, напрочь отказался со мной разговаривать. А тем временем город полнится слухами. Всё, что случается, приписывают неуловимому разбойнику Чекану. Например, пожар в доме брата городского головы. Но, справедливости ради, следует сказать, что в этом случае Чекан скорее всего невиноват. Пожар начался в конюшне. По мнению сведущих людей не мог разбойничий атамакн. известный своей любовью к лошадям, поджечь её, рука бы не поднялась.

Немного цветасто получилось, подумал Алексей, ладно, когда буду писать, всё лишнее уберу. А сейчас надо какую-нибудь гостиницу найти, замёрз как собака.

- Подождите!

Обернувшись, увидел, что его нагоняет черноусый.

- Это правда, что вы из «Московского листка»?

- Правда.

- Замечательно, просто замечательно. Я давно хочу предложить своё сотрудничество какой-нибудь московской газете.

Захарий Михайлович Кобылинский, так звали черноусого, когда-то был довольно известным варшавским репортёром.

- Честно скажу, в восстании участия я не принимал. Поплатился за свои заметки в «Польской газете», которые жандармы признали крамольными, - рассказывал он Алексею, сидя в крохотном номере гостиницы на Томилинской улице, недалеко от Московско-Курского вокзала. - В 1864 году сослали меня в Омск, хорошо хоть без лишения прав. Через пять лет разрешили переехать в Воронеж. Приняли на службу. Потом перевели в Тульскую губернскую контрольную палату, где и состою по сей день в должности

младшего ревизора. Жалование не плохое. Семьёй обзавелся. Вроде бы всё нормально... Только очень уж часто снится, как я по городу ношусь, сведения собираю, пишу, а потом свежую газету разворачиваю... Вы сами репортёр, должны меня понять.

Алексей, молча, кивнул.

- Хотел было я свою газету издавать, нашёл компаньонов с деньгами, программу благонамеренную написал: «Наше издание будет заниматься, преимущественно, местными вопросами и, не вдаваясь в отвлечённости и обобщения, постарается служить органом местных нужд и потребностей». Даже название уже придумал - «Тульско-Калужская газета»... Не дал губернатор Ушаков разрешения... Сотрудничаю сейчас безвозмездно в «Губернских ведомостях». Но разве это газета? Сборник циркуляров и обязательных постановлений. Им репортажи не нужны. А материала интересного вокруг не счесть!

- Съездили бы в Москву. Зашли в любую редакцию.

- В прошлом году попробовал. Редактор «Московских ведомостей» меня даже не принял. В «Русских ведомостях» и «Современных известиях» сказали, что их провинциальная уголовная хроника не интересует. Слышал я, что из всех московских редакторов только один

Пастухов репортёров ценит. Но говорят, он всех поляков терпеть не может.

- Врут. Николаю Ивановичу без разницы, кто ты - русский, поляк, еврей или татарин. Был бы человек надёжный.

В общем, в ту поездку выполнил он и второе поручение редактора - обзавестись корреспондентом в Туле.

Кобылинский его не подвёл. До сих пор регулярно сообщает обо всех значительных происшествиях в Тульской губернии. В том числе и о проделках Чекана.

Последняя, и самая громкая из них, случилась в мае прошлого года. Добрались все-таки разбойники до заветной добрынинской укладочки. Однажды под утро, когда все спали, они подпоили ночного сторожа, взломали дверь кладовой в новом просторном доме Петра Никитича и утащили небольшой оранжевый сундучок, окованный железом. В нём, как выяснилось, хранились государственные процентные бумаги, золото и бриллианты на сумму свыше 150 тысяч рублей.

А через несколько дней потерпевший получил письмо из Москвы. В нём Чекан писал: *«Кража сделана нами с благотворительною целью. Ты, купчина - кулак, и изверг, копишь деньги непроизводительно. А бедный люд, трудясь в поте лица, голодает. Передай*

остальным тульским богатеям, эксплуатирующим рабочих, что мы скоро наведаемся в гости и к ним».

Прокурорский надзор усмотрел в письме социалистическую пропаганду, о чём и было экстренно доложено в Петербург. После этого шайку стали ловить не только тульская и московская полиция, но и жандармы. МВД прислало им в помощь из Петербурга несколько сыщиков.

Месяц спустя, в ходе одной из облав, на постоялом дворе Никулина были задержаны братья Антон и Матвей Лягушкины и ещё трое участников шайки. Сейчас все они содержатся в губернском тюремном замке в ожидании суда. А сам атаман Чекан, вместе с добрынинской укладкой бесследно исчез. Поговаривают, за границу бежал...

Глава 3

«ПРИГОТОВЬТЕ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ»

- Наслышан я о Чекане, - кивнул Лавровский. - Даже сам писал о нём когда-то. Только говорят, он прошлым летом за границу бежал, не то в Австрию, не то в Румынию.

- Выходит, вернулся, - вздохнул Добрынин. Потянулся было к бутылке, но передумал. - Совсем настроения никакого, кусок в горло не лезет. Лишила меня душевного покоя эта треклятая барышня.

... Добрынин приехал в Москву вчера вечером. На перроне Курского вокзала его окликнули:

- Алексей Николаевич!

Обернувшись, увидел молодую, лет двадцати, высокую стройную брюнетку в бордовом бурнусе и кокетливой серой меховой шапочке.

- Вы меня?

- Да, да... Только не сегдитесь, бога ради... - слегка картавя, зачастила она. - Я не виновата... Меня заставили...

- Ничего не понимаю, милая барышня. В чём вы не виноваты? Кто заставил?

- Чекан. Он велел передать, чтобы вы приготовили тридцать тысяч. Во втогник он за ними к вам придёт. Не дадите денег, грозился красного петуха пустить, как вашим соседям Кривцовым.

- Да вы думаете, что буровите? Я сейчас жандармов кликну! - Добрынин цепко ухватил её за руку. - Эй! Сюда!

- Ой, не надо! Если меня сейчас задежат. Чекан обещал сжечь ваш завод.

Алексей Добрынин был не робкого десятка. Не раз на медведя с рогатиной ходил. Но в этот момент испугался. Не за себя - за лошадей.

Несколько лет назад сгорели две конюшни рысистого завода Оболенского в Шаховском. В огне погибли около пятидесяти лошадей, в том числе знаменитый производитель Железный и весь его приплод, которому специалисты пророчили великое будущее. С тех пор Шаховской завод и захирел. Такой судьбы для Прилеп Добрынин не хотел:

- Вот, что я тебе скажу, - с трудом сдерживая желание наброситься на барышню с кулаками, прошипел заводчик - Нет у меня причин тебе верить. Вас, прохиндеек, в Москве не счесть. Сегодня одной тридцать тысяч, завтра другой... На всех не напасёшься.

- Но поймите, сударь, Чекан, это, же чудовище! Его вся полиция поймать не может.

- С разбойником мне ругаться, резона нет никакого. Может и договоримся. Только с тобой я лясы точить не намерен. Пусть он сам ко мне приходит... Пошла вон! И объясни этому идиоту, что сейчас у меня всё равно нет столько наличных, а быстро такую сумму не соберёшь.

- Хорошо, хорошо... Я всё передам. Только, умоляю вас, не следите за мной. Заметят люди Чекана - быть большой беде...

Лавровский представил себя на месте Добрынина. Что делать? Заплатить вымогателям? Ни в коем разе! Почувствуют слабинку и будут доить постоянно. Уехать куда-нибудь подальше?

Нет, всю жизнь прятаться не станешь. Да и имения, конного завода с собой не возмёшь. К властям за помощью обратиться? Толку мало. Прошлым летом, какие огромные силы были задействованы! А результат, честно говоря, ничтожный: атамана упустили; специалиста по вскрытию несгораемых шкафов и сейфов, к услугам которого несколько раз прибегала шайка, не нашли. Даже кому именно сбывалось награбленное до сих пор не выяснили.

- Ну и что вы теперь делать намерены? - спросил Лавровский.

- Хочу встретиться с разбойником и пристрелить его как бешеную собаку.

- Похвальное решение. Только рисковое.

- Я понимаю. У него целая шайка... Мне бы товарищей надёжных. Таких как вы с господином Малининым.

Коннозаводчик с надеждой посмотрел на Лавровского. Ну вот, так всегда и бывает, подумал тот, и не откажешь ведь. Да и деньги, сейчас, позарез нужны.

... Настя, сестра заведующего конторой редакции журнала «Беговые и скаковые известия» Семёна Гирина, собралась замуж. Жених, души не чаял в своей избраннице, приданым не интересовался. Зато его родители, имеющие свою скобяную лавку на Таганке, оказались людьми старозаветными и упёрлись.

- Невместно, дескать, им в свой дом бесприданницу брать, - вздохнула сваха. - Я уж к ним и так и эдак подходила. Девушка, говорю, уж очень хорошая, такую сейчас не найдёшь. И у брата её, мол, знакомства большие, а в нынешнее время это поболее любых денег стоит. А они ни в какую... Вы бы, Семён Петрович расстарались, да и выделили сестрице тыщёнку рублёв.

Гирин помрачнел - не было у него запаса. Лавровский и Малинин, присутствовавшие при этом разговоре, переглянулись. Алексей понимал, сваха запрашивает с запасом, значит и рублей на пятьсот - шестьсот родители жениха согласятся. Но не любил он торговаться, не такая натура. Да и не хотелось, чтобы свекор со свекровью всю жизнь попрекали девушку бедным приданым, ведь это единственная родственница Семёна, который за них с Сергеем готов, как говорится, в огонь и воду. Вместе «червонных валетов» и «пятёрку Адвоката» ловили, вместе «дядю Фрица» брали.

- А с чего это вы, Фёкла Ивановна, взяли, что наша Настасья Петровна бесприданница? - деланно удивился он. - Брат за ней не тысячу, а три тысячи даёт.

- И не процентными бумагами, при размене которых неизбежны потери, а государственными кредитными билетами, - поддержал друга Сергей.

- Тогда совсем другое дело! - обрадовалась сваха.

Договорились сыграть свадьбу на Красную горку.

- Три тысячи... Где же я такие деньжищи возьму? - вздыхал Гирин. - Три сотни это еще, куда ни шло, а вот...

- Успокойся, друг мой, - улыбнулся Лавровский. - У нас три месяца с лишним впереди. Что-нибудь, да придумаем.

Правда, на сегодняшний день совместными усилиями друзья набрали пока только около тысячи...

- Хорошо. Я согласен. Только такса у нас с компаньоном высокая.

- Не имеет значения. Сколько скажите - столько и заплачу.

- Три тысячи.

Добрынин улыбнулся:

- Да, не цените вы себя, Алексей Васильевич. У нас в Туле, насколько мне известно, полиция запрашивает с потерпевших до трети суммы, о которой идёт речь.

- У московской полиции расценки примерно такие же. Только не хочется нам с Сергеем всем этим хапугам уподобляться... Алексей Николаевич, барышня в бордовом бурнусе сказала, что Чекан придёт к вам за деньгами во вторник. Так?

- Совершенно верно.

- А куда придёт?

Добрынин задумался:

- Время встречи она назвала чётко, а место... Нет, про место ничего не говорила.

- Замечательно. Если сегодня разбойник не придёт к вам, то завтра с утра мы отправляемся в Тулу, а оттуда в Прилепы. Думаю, там разобраться с ним будет попроще, чем в городе.

- Господин Малинин поедет с нами?

- Нет. Сергею найдутся дела и в Москве... Как бы нам сделать, чтобы Чекана мой приезд не насторожил? Придумал, кажется. Вы сегодня в членскую пойдёте?

Членской называлась комната беговой беседки, в которую допускаются только действительные члены Московского императорского общества любителей конского бега.

- Желания особого нет, но придётся. А то Колюбакин обидится.

- Обязательно скажите там, что надумали продать несколько маток. Сразу появятся желающие попасть к вам в гости. Вот я среди них и затеряюсь.

Прилепский конный завод был известен на всю Россию своим превосходным составом маток - Арабкой, Догоняихой, Чародейкой, которые отличались как красотой, так и

«фешенебельностью» происхождения. Но особо славилась серая Добрыня. Прошлым летом её сын Ратник в очень резвые секунды выиграл так называемый Воейковский приз для жеребцов шести лет - «Приз Общества, учреждённый на вечное время в память бывшего вице-президента и почётного члена Петра Петровича Воейкова». В побитом поле остались очень сильные соперники, в том числе Крутой - полубрат знаменитого дурасовского рекордиста вороного Полкана. Помимо Ратника Добрыня дала целый ряд хороших лошадей. Желающих купить их было много. Но, ни одной из них Добрынин не соглашался уступить, всех предназначил в свой завод.

- Продать маток?! - возмутился заводчик. -
Ни за что!

- Алексей Николаевич, можно ведь и не продавать, а только пообещать продать.

- Нет, это не совсем порядочно... Впрочем, Подругу я, действительно, могу уступить. Да и Догоняиха меня в последнее время стала разочаровывать...

Вдруг Добрынин вздрогнул и стал нервно озираться по сторонам.

- Что случилось, Алексей Николаевич?

- Понимаете, у меня такое впечатление, что с самого утра за мной постоянно следят.

- Вы просто переволновались, - попытался успокоить его Лавровский...

В буфет вернулась оживлённая компания тульских спортсменов.

- Это, вот, Герасев виноват! - возмущался Офросимов. - Напился опять, вот и не рассчитал силы жеребца. Давно говорю тебе, Фёдор Александрович, смени наездника.

- Нет, Сашет, ты не прав, - возражал ему Свечин. - У Герасева руки золотые. И, между прочим, сегодня он ни в одном глазу. Но этот Котиков, похоже, талант.

- Да уж, - согласился с ним Ливенцов. - Бег сложился, как он хотел.

- Что случилось, Фёдор Александрович? - поинтересовался Лавровский у Свечина. - Неужели ваш Гармонист проиграл?

- Да, остался вторым.

- А кто приз Открытия взял?

- Непобедимый.

Алексей развернул афишку:

Непобедимый, вор. жер. от Гранита и Злодейки - А.А.Котикова. Род. в 1876 г. в заводе г-д Борисовских. Едет владелец.

Завод Борисовских Алексею, разумеется, был знаком. А вот имя жеребца, тем более фамилия владельца ему ничего не говорили.

Глава 4

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Когда Добрынин объявил в членской, что намерен обновить маточный состав, то желающих посетить в ближайшие дни его завод оказалось мало. Почти все солидные заводчики находились сейчас в Петербурге или собирались туда. А большинству оставшихся покупка знаменитых кобыл была не по карману.

Первым, к радости Лавровского, вызвался его давний приятель граф Георгий Рибопьер. В сентябре он вышел в отставку, всю осень провёл в своём харьковском имении, а сейчас возвращался в Петербург. Но по дороге заглянул на пару дней в Москву, да так и застрял здесь.

- Рад принять ваше предложение, - учтиво обратился граф к Добрынину. - Знающие люди считают, что тому, кто учится коннозаводскому делу непременно надо побывать в Прилепах. Кроме того, скрывать не стану, меня очень привлекают дочери знаменитой Буянки. А лучшая из них, Арабка, как раз, в вашем заводе.

Купец Добрынин был польщён словами аристократа и лейб-гусара:

- Сочту за честь, граф, видеть вас своим гостем... Но разве вы не едете в Петербург? Ведь ваш непобедимый Витязь бежит на Императорский приз.

- Вчера мне телеграфировали, что жеребец не в порядке. Я распорядился снять его с бега.

Жаль Витязь разладился, подумал Алексей, а вот то, что Георгий поедет в Прилепы, просто замечательно. Однажды им довелось вместе побывать в опасной переделке и с тех пор он не сомневался - на Рибопьера всегда можно положиться.

Вторым желающим оказался 1-ой гильдии купец Никанор Борисовский.

- Я бы со всем нашим удовольствием, - сказал он. - Да серьёзные дела не позволяют сейчас из Москвы отлучиться.

Алексей знал, что это за дела такие.

... Никанор Мартемьянович Борисовский, вместе с братьями и племянниками, владел громадным лесным имением и прославленным конным заводом в Екатеринославской губернии, бумагопрядильной фабрикой в Переславле и сахарорафинадным заводом в Сокольниках. Последний и стал причиной его бед.

В позапрошлом году киевский «сахарный король» Бродский, через подставных лиц, ловко подсунул Никанору долгосрочный многомиллионный контракт на поставку сахарного песка. Борисовские радовались, что теперь их предприятие на пять лет обеспечено дешёвым сырьём. Но вскоре цены на сарар стали стремительно падать. В результате, вместо

ожидаемой сверхприбыли - огромные убытки. Пришлось влезть в долги. Накануне Нового года Борисовские попросили об отсрочке платежей. На днях кредиторы должны были «собратся на чашку чая» - так у купцов называются встречи всех заинтересованных лиц, на которых решается судьба должников...

- Сам не смогу, но такую редкую возможность упустить нельзя. - продолжал Борисовский. - Человека своего пошлю.

- Племянника? - не без ехидства в голосе поинтересовался Алексей.

Женька, племянник Никанора Мартемьяновича, рысиками не интересовался. Зато был известен, как большой любитель «клубнички». По этой самой причине как-то стал он жертвой мошенников, забравших у него дорогого жеребца Эммин-Варвара. Из неприятностей выпутался только благодаря Лавровскому и Малинину.

- Нет, сына. Мой Мартемьян в лошадях толк знает, в меня пошёл.

Алексей усмехнулся.

... Мартемьян, как лошадиник, был не лучше своего двоюродного братца. А вот по части скандальных любовных похождения мог дать ему фору.

Однажды приехала к Борисовским в гости девица из очень порядочной семьи. Мартемьян

предложил ей прогуляться по городу, посмотреть на Москву с высоты птичьего полёта. Поднялись они на колокольню Ивана Великого, где, как позднее записали в полицейском протоколе, «вступили в плотскую связь». Отцу пришлось раздать немеренно взятки, чтобы замять скандал. Многие тогда поживились - и полицейское начальство, и духовное, и вездесущие репортёры...

Впрочем, в коннозаводческие способности сына Борисовский-старший, похоже, и сам не очень верил. Отозвав в сторону Лавровского, которого зауважал после истории с Эммин-Варваром, спросил:

- А вы в Прилепы поедете?

- Само собой.

- Тогда подскажите Мартемьяну, кого из кобыл брать следует, у вас глаз намётанный.

- Хорошо. Конечно, в ваш завод подошла бы Арабка, да только не уступит её Добрынин.

- И ещё, Алексей Васильевич, просьба к вам у меня имеется: присмотрите там за моим «обломом».

- Да разве мои слова для него указ?

- А я ему накажу вас, как отца родного, слушать. Станет своевольничать, так...

- Ладно. По крайней мере, волочиться за женой хозяина я ему не позволю, - засмеялся

Алексей. - А скажите-ка мне, Никанор Мартемьянович, что это за Непобедимый? Просматривал я недавно опись вашего завода - не указан в ней такой жеребец.

- Да никакой это не Непобедимый, а Злодей. По прямой женской линии он происходит от шишкинской Купчихи, матери многих призовых рысаков, а по отцовской... Да, что я вам про Гранита рассказывать буду?! У вас в прошлом номере статья хорошая о нём напечатана была. Сами, поди, и писали?

- Сам.

- Очень хорош по себе Злодей, выдающиеся формы имеет. А масть! Вороной, большая звезда во лбу, а все ноги по путовый сустав белые. Одна беда - нрав строптивый.

- Это он, очевидно, от деда наследовал - толевского белого Добрыни. Тот, как мне рассказывали, в два года от рук отбился.

- Правильно говорите, - уважительно посмотрел заводчик на собеседника. - Из-за строптивости я, в своё время, Злодея и продать не смог, и на бега приводить не стал. Хотел приспособить для городской езды. Подумывал и в заводе производителем оставить - у меня, ведь, много кобыл добронравных линий. А тут в ноябре, как раз покупатель хороший нашёлся - Адам Адрианович Котиков. Уступил я ему Злодея. Не ожидал, что он так быстро его

обломает, и призы брать начнёт. Кличку только зачем-то сменил, да это его законное право.

- Котиков говорите? Не слышал о таком охотнике.

- Он в Москве совсем недавно. Его отец когда-то в моём заводе старшим наездником служил. До сих пор я его добрым словом вспоминаю. А сынок - весь в него удался. Способный молодой человек.

Колокол возвестил, что скоро начнётся следующий заезд.

В партере Лавровский нашёл полицейского надзирателя управления Московской сыскной полиции Соколова, который дежурил сегодня на бегах.

- Алексей Васильевич! Наше вам с кисточкой, - обрадовался ему маленький, вихрастый, вечно улыбающийся сыщик.

- Саня, у меня к тебе просьба.

- Чем услужить могу?

Алексей указал взглядом на Добрынина:

- Видишь вон того полного господина в собольей шубе? Надо понаблюдать, не следит ли кто за ним.

- А должны?

- Не исключено.

- А если следят?

- Попробуйся выяснить кто, только без задержаний и доставлений в полицию. Вполне возможно, следит барышня лет двадцати. Высокая, стройная брюнетка. Слегка картавит. Одета в бордовый бурнус и серую меховую шапочку.

- Не взыщите, Алексей Васильевич, но если эту особу увижу. то сразу заарестую.

- Почему?

- Больно уж она похожа на одну воровку.

Появился ещё один сыщик - здоровяк, косая сажень в плечах, Алексей Рабинович. Он сиял как новый пятиалтынный.

- Ты, тёзка, никак саму Соньку Золотую Ручку поймал, а сейчас награды ожидаешь? - пошутил Лавровский.

- Нет, Алексей Васильевич. Просто мы с Санькой пятёрку на Непобедимого поставили. А знаете, сколько за него дали?! Тридцать пять с полтиной на рублёвый билет.

- Да вы, друзья мои, большими знатоками стали. Даже я не предполагал, что Злодей-Непобедимый приз Открытия возьмёт.

- Это мне дядька подсказал, - объяснил Соколов свою удачу. - Жеребец на его конюшне стоит.

Старый наездник Александр Иванович Соколов, держащий общественную конюшню, доводился сыщику родным дядей. Кстати, был он таким же маленьким, вихрастым и вечно улыбающимся, как и племянник.

- Передай Александру Ивановичу, от моего имени, что у него золотые руки, - сказал Лавровский. - За два месяца обломать такого строптивного жеребца, как этот борисовский Злодей, мало кто сумеет.

- Обязательно передам. Руки у дядьки, в самом деле, золотые. Пятнадцать больших призов взял: Императорский, Цесаревича, четыре Государственного коннозаводчества... А разных именных, подписок и закладов штук пятьдесят, не меньше... Только Непобедимого не он работал. а владелец.

- Да ну? - изумился Лавровский.

- Правду говорю. Сам видел.

Алексей решил, что сегодня же надо познакомиться с восходящей звездой рысистого спорта Котиковым.

Розыгрыш «Зимней подписки» - главного приза первого бегового дня - оказался, сверх всяких ожиданий, неинтересным. Перед самым стартом были сняты вначале захромавшая Мерцеда, а потом и, считавшаяся «фаворитом», Деловая.

- Знатоки посмотрели кобылу на проезде и сказали, что у неё блестящее будущее, - не мудрствуя лукаво, заявил её владелец нижегородский миллионщик Рукавишников. - А побежит сейчас, так ей дорога на Императорский приз заказана будет.

В результате, бежали только две лошади. Офросимовская Амбиция 4-я, крупная, красивая белая кобыла, заскакала сразу после старта. Пока она «толкалась на сбою», малютинская Звёздочка оторвалась от неё на полкруга.

- Похоронный сбой, - вздохнул Офросимов.

- Большие у тебя, Сашет, Амбиции, а толку от них мало, - посочувствовал ему Свечин. - Не советовал я тебе в завод моего Милого брать, но ты никогда меня не слушаешь.

- Не прав ты, Фёдор Александрович. Милому в моём заводе самое место. Согласись, насколько хорош приплод от него - совершенно белой масти, без единого тёмного пятнышка.

- Приплод красивый, только не призовой, - заметил Ливенцов. - Надо менять производителя.

- А на мой взгляд, уважаемому Александру Павловичу, следует сменить не производителя, а наездника, - неожиданно вступил в разговор смуглолицый, кареглазый брюнет среднего роста, лет тридцати.

Свечин спохватился:

- Извините господа, забыл представить вам спортсмена, который сделал моего Гармониста, как хотел. Прошу любить и жаловать - Адам Адрианович Котиков.

- И чем же вам мой Козин не глянулся? - обиделся Офросимов. - Конечно, до Ивана Кочеткова и Егора Московкина, которым платят жалование поболее профессорского, ему далеко. Но ведь не хуже десятков других!

- К сожалению, вы правы, - согласился Котиков. - Таких как Кочетков, Московкин, Полянский мало, их по пальцам пересчитать можно. Кстати, один спортивный журнал назвал их «профессорами бегового дела». Заслуженное сравнение! Что же касается прочих... Но не буду обо всех, скажу только о вашем Козине. Подъезжая к месту, от которого предстоит сделать приём, ездок обязан подготовить как лошадь, так и себя самого. Во-первых, вожжи заранее нужно было взять равномерно, тогда не пришлось бы уравнивать их после приёма. Во-вторых, следовало сделать лёгкий перехват вожжами, чтобы положить на место удила, которые могли стянуться в сторону. В-третьих, ...

Несколько минут занял подробный разбор всех ошибок офросимовского наездника.

- Бездарная езда, - подвёл итог Котиков. - А в хороших руках Амбиция легко бы взяла приз. Честно скажу, замечательная лошадь. Только настоящим заводчикам удастся отвести таких.

Помрачневший было Офросимов, расцвел улыбкой:

- Вот, что значит настоящий спортсмен - всё по полочкам разложил... Козина завтра же рассчитаю. А позвольте, Адам Адрианович, пригласить вас в гости. Посмотрите, как у меня молодняк работают, может ещё чего дельного присоветуете.

- Действительно, - поддержал его Свечин. - Мы, как раз собирались в Прилепы к Алексею Николаевичу, а потом к Сашету в Солосовку. Поедьте, не пожалеете. Увидите, что в провинции веселиться умеют не хуже чем в столицах.

- Море шампанского, цыгане, - мечтательно улыбнулся Ливенцов. - Тульский хор Михаила Шишкина знаменитому соколовскому не уступает. А как Сашет романсы поёт!

- В Тулу? Но у вас там, говорят, пошаливают. Читал вчера в «Русских ведомостях» что снова какой-то Чекан объявился, грабит, имения жжёт, - сказал Котиков.

В разговор вступил ещё один тульский коннозаводчик, член Московского окружного суда Кривцов:

- Последнее не соответствует действительности. Панические слухи пошли после случившегося на днях пожара в имении моего отца. Сегодня утром мне телеграфировали, что

причина пожара не поджѣг, а неосторожное обращение с огнѣм.

Стоявший рядом с Кривцовым молодой сероглазый блондин в николаевской шинели - длинном пальто с пелериной почти до пояса и роскошным бобровым воротником - усмехнулся:

- Давно заметил, современное общество ни дня не может прожить без разговоров о страшных происшествіях и жутких злодеях. Нет таковых в наличии? Не беда - сами сочиним. Вначале придумали Ваську Чуркина, бесконечный роман о котором в «Московском листке» печатается. А кто такой этот Чуркин? Рвань, портяночник, мелким вымогательством занимался... А теперь Чеканом себя стращаем...

- Мишель, ты не прав, - возразил ему Кривцов. - Ряд его преступлений вполне доказан. Притом, дерзких преступлений.

- Не стану спорить. Чекан, пожалуй, потолковее Васьки будет. Но, как всем известно, он давно уехал за границу. Блаженствует сейчас где-нибудь в Ницце, листает на досуге московские газеты и веселится: «Экого я там шороха навѣл! До сих пор забыть не могут».

Тут Сашет вспомнил, что они до сих пор не обмыли победу жеребца их нового приятеля, и вся компания отправилась в буфет.

- Алексей Васильевич, задержитесь на минуту, - шѣпотом попросил Добрынин.

- Что ещё случилось?

- Выхожу я из членской, подходит ко мне служитель общества и говорит, что какая-то дама попросила напомнить мне про наше свидание во вторник в десять вечера на Площадной улице возле гостиницы Чайкина.

- Замечательно! Как эта дама выглядит, выяснили?

- Не догадался.

- Напрасно. А служителя запомнили?

- Да, солидный такой, усатый с бакенбардами большими, как у покойного императора... Что теперь делать?

- Для начала выпейте пару стопок хорошего коньячку и успокойтесь. Потом езжайте в гостиницу... Вы как всегда в «Славянском базаре» остановились?

- Да. В 25-м номере.

- Идите в номер и ложитесь спать. Пусть наши противники удостоверятся, что с условиями их вы смирились, в полицию обращаться не намерены... Да чуть не забыл... У вас в Туле найдётся приятель, у которого всегда можно перезанять тысяч пять?

- Да. Мы с Петей Сушкиным постоянно друг друга выручаем.

- Тогда отправьте ему телеграмму: «Выезжаю завтра скорым №1. Издержался.

Срочно надо 5000 руб.». Только сами на телеграф не ходите, коридорного пошлите.

- Почему?

- Так надо, Алексей Николаевич.

Усатого служителя, дежурившего у входа в членскую, Лавровский знал давно, ещё с тех пор, когда тот был унтер-офицером Московского жандармского полицейского управления железных дорог. Надёжный человек, такой с мошенниками путаться не станет. Поэтому, не мудрствуя лукаво, расспросил его и выяснил: о свидании Добрынину напоминала красивая, невысокая полная брюнетка лет тридцати. Бывший жандарм пояснил, что шуба у неё дорогая, из черно-бурых лис, и сшита, похоже, у хорошего скорняка, да только с чужого плеча:

- Маловата она ей будет. Даже верхняя пуговица оторвалась.

Алексей обошёл весь ипподром, но брюнетку эту нигде не нашёл. Увидел он её только при разъезде публики с бегов. Номер извозчика, на котором уехала дама, он запомнил - 1145-й. А вот проследить за ней не сумел.

- Ты, что же это, голубь сизокрылый, даже не здороваешься?

Обернувшись, Алексей увидел редактора «Московского листка» Пастухова, а рядом с ним

незнакомого широкоплечего тёмноглазого господина с длинными висячими усами.

- Извините, не заметил вас, Николай Иванович.

- Да это понятно. Видел я, как ты чернявую дамочку глазами-то ел. Такие пышечки всегда в твоём вкусе были, - засмеялся Пастухов. Потом представил своего спутника. - Это наш коллега, редактор «Киевского листка» Константин Николаевич Милевский. Большой любитель бегов, между прочим.

- Замечательно! - обрадовался Алексей. - «Киевское общество испытания лошадей» пять лет как распалось. А бега, говорят, до сих пор идут. У меня, к глубочайшему сожалению, корреспондента в Киеве нет. Может напишите, что-нибудь в мой журнал?

- Моя выучка, - одобрительно улыбнулся Пастухов. - Как только познакомится с кем, так сразу прикидывает: какую пользу для своего журнала извлечь можно?

- Почему бы и не написать? - с едва заметным малороссийским акцентом сказал Милевский. - Бега у нас, в самом деле, почти круглый год идут: зимой на льду Днепра, а летом и осенью на бесхозном ипподроме на Лукьяновке. Правда, это не правильно организованные соревнования, а езда «на спор» - чья лошадь резвее. Но заклады бывают, порой, поболее

столичных призов. Рысаков хороших у нас много. И ездоки не хуже московских имеются.

- А вот в этом сомневаюсь, - возразил Лавровский. - Кроме Гриши Кушныра из Полтавы в ваших краях настоящие наездники отродясь не водились.

- Неужели? - глаза Милевского насмешливо сверкнули. - А кто сегодня в призе Открытия всех москалей сделал, как хотел? Наш Котиков.

- Разве Котиков из Киева? - живо заинтересовался Лавровский.

- Судари мои, что-то я замёрз, - сказал Пастухов. - Поехали-ка к Егорову. Не знаю уж, как там, насчёт ездовых, а вот таких блинов, как в Москве, в Киеве точно нет.

В трактире Егорова в Охотном ряду, за неторопливой беседой и толстыми румяными блинами с самыми разными начинками, Лавровский узнал много интересного о «восходящей звезде бегового спорта».

... Котиков появился в Киеве года три назад. Был он человеком тёмного происхождения, никто не знал, чем он занимался ранее и откуда приехал. Сперва лошатники относились к нему с большим подозрением. Но потом увидели в нём настоящего знатока рысаков. И перед Котиковым открылись двери лучших киевских домов.

Миллионщик Фёдор Терещенко предлагал ему место старшего заводского наездника, а «сахарный король» Бродский звал в управляющие своей конюшни. Солидное жалование обещали. Но Котиков отказался. С молодости, мол, служил, теперь хочется вольной жизни, а всех денег не заработаешь.

Впрочем, деньги у него водятся, и, частенько, не малые. Он постоянно держит двух-трёх рысачков, чаще всего их тех, которых заводчики признали к бегам непригодными. Сам готовит их и сам ездит на них «на заклады».

Лошади не единственная страсть Котикова. Не менее их любит он карты и вино...

- Закормили вы меня, господа, - сказал Милевский, устало отваливаясь от стола. - Я хоть и патриот своего города, но сознаюсь - в нашем Киеве таких блинов нет.

- А я должен признать, что хорошие наездники у вас имеются, - Алексей полез за сигарой, но вспомнил, что в трактире Егорова не курят. - Значит, Котиков безвыездно живёт в Киеве?

- Нет, конечно. Наши охотники давно опасаются соревноваться с ним на равных, большую фору выпросить норовят. Вот и приходится ему на гастроли ездить по городам, где его не знают. Иногда на месяц-два исчезает. В Одессе, говорит, был, в Смоленске...

Надо выяснить, совпадают ли эти отлучки с грабежами в Тульской губернии, подумал Лавровский. Только как это сделать, он пока понятия не имел.

Глава 5

СТРАННАЯ ШАЙКА

Закинув руки за голову, Лавровский вальяжно разлёгся на диване в своём редакционном кабинете.

- Ох, и намотался я сегодня, ноги просто гудят... Дельце, неожиданно, подвернулось весьма интересное. Притом, друзья мои, денежное.

Выслушав его, Семён Гири́н осуждающе покачал головой:

- Зря вы в эту историю влезли, Алексей Васильевич. Из-за Настиного приданого с настоящими разбойниками связались.

Но Малинин его не поддержал. Он чувствовал себя виноватым перед другом: тот весь день делом занимался, а сам он в это время с барышней на коньках на Патриарших прудах катался:

- Не только из-за приданого, Семён. Мы для Добрынина оказались последней надеждой. Думаю, на месте Алексея, любой из нас не смог бы отказаться... Следующий номер у нас, практически, готов. Завтра, с утра пораньше,

отвезу его цензору... Думаю, к субботе мы успеем из Тулы вернуться.

- Нет, Сергей. Тебе с Семёном пока придётся в Москве остаться. Отчёт о сегодняшних бегах в Петербурге, в лучшем случае, придёт завтра вечером. Сами понимаете, не можем мы журнал выпустить без рассказа о розыгрыше Воронцовского и Голицынского призов. Но главное в другом. Первый подозреваемый, а это у нас Котиков, едет в Тулу. Там я за ним присмотрю. А вам здесь надо собрать побольше сведений о двух его сообщниках, вернее сообщницах.

- Ты уверен, что Котиков это Чекан? - спросил Калинин.

- Не знаю. Честно скажу, хочется, чтобы он был ни при чём. Симпатичен он мне. Но факты, друг мой, факты... О прошлом Чекана и Котикова никто ничего не знает. Котиков постоянно уезжает из Киева на несколько месяцев. В Одессу, Смоленск? Может быть. А может и в Тулу. Оба они лошатники.

- Настоящий лошатник никогда не станет жечь конный завод, - возразил Калинин. - Рука не поднимается.

- Мы не знаем, намерен ли Чекан выполнить свою угрозу.

Неожиданно Лавровского поддержал Гирин:

- Ещё поговорка такая есть: «Обещать - не значит жениться».

Алексей рассмеялся:

- Экий ты, Семён, ловелас... Ладно, давайте о том, что делать надо. Без помощи сыскаго нам не обойтись. Сергей, загляни с утра в управление. Прежде всего, узнай у Саньки Соколова, удалось ли ему установить, кто следил сегодня за Добрыниным на бегах. Потом поинтересуйся у него и у Васи Степанова, молодой картавой воровкой, на которую похожа барышня, встречавшая вчера Добрынина на Курском вокзале.

- А чего дело в долгий ящик откладывать? Сейчас и поеду. Сыщики по воскресеньям с дежурства ближе к полночи возвращаются. А Степанов, наверняка, на службе допоздна засиделся. Ведь он опять исправляет должность помощника начальника управления.

- А Николас где? - удивился Лавровский. - Неужто снова заболел? Или в отпуске?

- Вместе с начальником охраны Скандраковым он временно откомандирован в распоряжение Департамента полиции. Мне по секрету шепнули, что это связано с убийством Судейкина.

... В декабре, на конспиративной квартире на Невском проспекте, во время встречи с агентом, был убит инспектор секретной полиции,

начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, подполковник Судейкин. МВД бросило на поиски преступников лучшие силы. Затребована была помощь и из Москвы...

- Министр настаивал, чтобы сам Муравьёв поехал, - продолжал Малинин. - А Константин Гаврилович отказался. Политика политикой, мол, только и жуликов в Москве кто-то ловить должен. Генерал-губернатор его поддержал.

- Да, припомнят когда-нибудь это Муравьёву. Не любит высокое начальство, когда его воле противятся... А для тебя, Семён, особое задание. Помнится мне, кто-то из твоих знакомых в «Славянском базаре» служит?

- Ага. Лизавета, подружка Настина, горничная там, а её брат старший - швейцар.

- Попробуй осторожно выведать у них, не проявлял ли кто интереса к постояльцу из 25-го номера.

Прислуга «Славянского базара», где останавливается самая солидная публика, вышколена и приучена языки за зубами держать. Но если, что-то было, то разговоры среди своих всё равно идут.

- И ещё, Семён. Интересует нас невысокая полная брюнетка в шубе из чернобурок. Через неё сегодня Чекан сообщил Добрынину о месте и времени встречи. Упустил я её. Она с бегов на

извозчике уехала, - Алексей достал записную книжку. - Номер его 1145-й.

- Так это приятель мой Ванька Горячев! - обрадовался Гирин. - Да вы его знаете - тот самый, который «хвост» заметил, когда летом жандармы Сергея Сергеевича заарестовали. Он сейчас, поди, у «Яра» стоит. Поеду я к нему, пусть расскажет, куда барыню эту отвёз. А он мужик наблюдательный, глядишь, и ещё чего интересного за ней приметил.

Когда друзья уехали, Лавровский стал просматривать макет номера. Говоря, что он, практически, готов Сергей несколько приукрасил действительность. Оказалось, что нет, не только отчёта о бегах в Петербурге, но и двух последних полос. А ещё на трёх, опытный глаз заметил это сразу, при вёрстке обязательно будут «дырки». Скинув надоевший за день сюртук, Алексей закурил и принялся за работу.

Уже глубоко за полночь, закончив с номером, достал из нижнего ящика стола заветную зелёную папку. В ней лежал его наполовину написанный роман из жизни бурлаков. Полистал и, вздохнув, убрал обратно. Нет настроения. Вот напечатать бы первую часть, увидеть, что читателям нравится, тогда и азарт появится. Но напечатать никак не удавалось. Попросил было Пастухова, а тот в ответ:

- Роман-то большой?

- Первая часть - шестнадцать глав.
- А вторая?
- Ещё не закончена.
- Тогда и разговаривать пока не о чем. Ишь, какой Дюма-отец выискался - написал главу и сразу в номер.

А своего «Чуркина» именно так и печатает. И Пазухину, пишущему романы-фельетоны из мещанской жизни это позволяется, и Опочинину, и Мясницкому. Под эти грустные мысли он и заснул.

Титулярный советник Степанов, действительно был ещё на службе.

- Никак не могу картотеку до ума довести, - сняв очки и потерев уставшие глаза, посетовал он.
- Давненько она так не пополнялась.

Во время коронационных торжеств, проходивших в мае 1883 года, в Москву устремился уголовный люд со всех уголков империи. Полиция, разумеется, не дремала. Одних только карманников было задержано более двухсот, в том числе свыше семидесяти приехавших из Петербурга, Варшавы, Одессы, Вильны и даже из-за границы. А летом и осенью обстановка стала ещё более напряжённой - по амнистии, объявленной Александром III по

случаю коронации, на свободу вышли тысячи уголовников.

- Вася, я к тебе по делу, - сказал Малинин.

- Это по твоему виду заметно. Ты в последнее время унылый, скучный. А как только начнёте вы с Лавровским какое расследование, так сразу преображаешься.

- Неужели так заметно?

- Очень даже. Надо тебе, Сергей, в сыскное возвращаться. Поговори об этом с Муравьёвым, он обрадуется.

- В другой раз. А сейчас, ей-богу, не до того. Обратился к нам за содействием тульский коннозаводчик Добрынин, у которого вымогают тридцать тысяч...

Выслушав приятеля, Степанов задумался:

- Чекан, говоришь? Сомневаюсь... Он грабитель, настоящий разбойник. Такие деньги отнимают, а не вымогают... С чего это он вдруг стал себя вести словно «жорж» какой-нибудь?

- Не соглашусь с тобой. Гуслицкий разбойник Васька Чуркин постоянно приходил к местным фабрикантам и требовал у них деньги, угрожая в противном случае красным петухом.

- Вот именно, сам приходил! Притом не один, а с Костей, Саввой и ещё десятком подельников. У всех как на подбор рожи самые звероподобные. Чуркин силу показывал,

убедитесь, мол, что таким орлам лучше не перечить... А с Добрыниным, что получается? Сперва подослали к нему молоденькую барышню, потом дамочку в шубе с чужого плеча... Неужели в шайке мужиков не осталось? Театральщина какая-то.

Малинин не нашёл, что возразить.

- А теперь о вашем главном подозреваемом. Котиков, как ты говоришь, смуглый кареглазый брюнет, среднего роста, лет тридцати. А Чекан..., - Степанов водрузил на нос очки и стал перебирать карточки. - Вот она... Атаман Чекан, он же Григорий Николаев, Моисей Ченин, Дмитрий Яковлев: на вид около тридцати лет, роста выше среднего, волосы светлые, глаза серые. Кроме возраста никаких совпадений.

- А что про Чекана у тебя ещё имеется?

- Особые приметы: рубцы на спине. Очевидно это следы наказания кнутом. Никогда не расстаётся с револьвером, ночью кладёт его под подушку. Лошадник: хорошо правит тройкой, но предпочитает «пару с отлётом»... Вот, пожалуй, и всё. Не занимались мы Чеканом. Ведь единственное противоправное деяние совершённое им в Москве это написание письма с угрозами в адрес тульского купечества. Но так как в нём было усмотрена социалистическая пропаганда, разработку поручили не нам, а жандармам.

- Вась, заодно уж посмотри карточку на молодую картавую воровку, которую вы сейчас ловите. Больно похожа она на барышню, встречавшую Добрынина на Курском вокзале.

- А вот об этой особе, Серёжа, я тебе и без карточки расскажу. Она наша первейшая головная боль...

... Московский генерал-губернатор князь Долгоруков имел привычку, перед обедом, переодевшись в статское, прогуливаться по Тверской и Страстному бульвару. Адъютант держался обычно на почтительном отдалении. Бояться террористов Владимир Андреевич считал ниже своего достоинства. К тому же его всегда сопровождал огромный сенбернар Барри, которого дрессировщик Владимир Дуров приучил при звуке взводящегося курка револьвера бросаться на человека, валить его на землю и хватать за горло.

Во время одной из таких прогулок Долгоруков увидел молодую, лет двадцати, высокую стройную брюнетку в ватерпруфе - длинном, непромокаемом пальто. Когда они почти поравнялись, барышня неожиданно схватилась рукой за сердце и пошатнулась. Князь, не смотря на преклонный возраст, оставшийся галантным кавалером, бросился ей на помощь: подбежав, приобнял за плечи и не дал упасть.

- Что с вами, мадмуазель?

- Не знаю... В груди кольнуло... И голова кружится....

Долгоруков помог ей дойти до ближайшей скамейки.

- Вы присядьте. Это пройдёт... Вы где живёте?

- На Агбате.

- Сейчас извозчика возьмём. Он вас до дома довезёт.

- Ой, не надо... Я сама дойду...

Несмотря на все возражения, генерал-губернатор велел адъютанту найти извозчика получше. Сам посадил барышню в пролётку.

- Я вам так благодагна, так благодагна, - смущённо щебетала она. А потом обняла Долгорукова за шею и чмокнула в щёку.

Вернувшись домой, генерал-губернатор обнаружил пропажу своего золотого брегета.

Это был первый, но далеко не единственный подвиг картавой воровки. Сегодня на её счету уже десятки похищенных часов, портсигаров, бумажников. Она прикидывалась то московской барышней, которой вдруг стало дурно; то наивной провинциалкой заблудившийся в незнакомом городе; то искательницей приключений, жаждущей познакомиться с солидным порядочным мужчиной. Внешность её

постоянно менялась: брюнетка, блондинка, рыжая, бледная, румяная, с небольшой соблазнительной родинкой. Неизменным оставалось только легкое грассирование: не выговаривала она «р», если за ней шла согласная буква.

- А в уголовной хронике об этом не писали,
- сказал Малинин.

- Долгоруков строго-настрого запретил рассказывать репортёрам обо всех её похождениях. Боятся, как бы ни узнали, что и он стал её жертвой.

В это время вернулись с дежурства сыщики.

- Разрешите доложить, Василий Васильевич,
- затараторил Сашка Соколов. - Согласно вашего указания, до самого разъезда публики находились на бегах, после чего проследовали к Немецкому клубу, а оттуда к Малому театру. Никаких существенных происшествий не произошло.

- Замёрзли только, как собаки, - пробасил Лёшка Рабинович. - Обидно, полный карман денег, а рюмку водки выпить нельзя.

- Это откуда у вас вдруг деньги завелись? - подозрительно поинтересовался Степанов.

Соколов охотно объяснил:

- Поставили мы пятёрку на Непобедимого, как мне дядька посоветовал. А он взял, да и

пришёл первым. Хорошо за него дали. Удачу грех не обмыть. Заскочили мы в Столешники к Лёве, прихватили бутылочку рома, настоящего ямайского, как вы любите.

Судя по объёму свертков в руках сыщиков, бутылку купили они отнюдь не одну.

- Саня, сколько тебе говорить, что пить на службе... - начал было Степанов, а потом махнул рукой. - Уговорили. Присутственное время давно кончилось. А в такую погоду лучше чашки чая с ромом ничего и быть не может.

- Лёша, помоги Василию Васильевичу на стол накрыть, колбаску порежь, сыр, - распорядился Соколов. - А я пока Сергею Сергеевичу доложусь. Выполнил я задание Алексея Васильевича. Была слежка за господином в собольей шубе. Следил за ним старик один. Притом он даже особо не таился, так и норовил на глаза попасться.

- Кто он такой выяснить не удалось?

- Обижаете, Сергей Сергеевич, - Соколов давно перенял у Малинина его любимое словечко. - Всё узнал. Зовут его Низовский Эраст Егорович. Артист Императорских театров, трагик. Не... Бывший артист. Его в прошлом году за пьянство со службы выгнали. Живёт на углу Моховой и Воздвиженки, в «Скворцовых номерах».

- Саня, но каким образом?!

- Да всё просто, Сергей Сергеевич. Низовский этот, как только «соболья шуба» с бегов уехал, в буфет отправился. Сперва пил, потом буянить начал. Как смеешь, мерзавец, кричит, мне вместо настоящей шустровской поганый самопляс подавать? Прибежала на шум полиция. Урезонивать его стали. А он городского в морду. Забрали его в участок. Там я всё и узнал.

Надо же, актёр, подумал Малинин, действительно странная шайка. Прав Вася, театральщина какая-то получается.

- Пойдёмте чай пить, - позвал их Рабинович. Потом перешёл на шёпот. - Сергей Сергеевич, вы уж попросите Василия Васильевича, чтобы позволил нам по стаканчику чистого рома принять.

- Попрошу, - засмеялся Малинин. - Заслужили.

Удалось узнать кое-что интересное и Гирину. Швейцар «Славянского базара» долго мялся и отнекивался. Но сообразив, что Семён в следующий раз может не подсказать «верную лошадку», сдался:

- Был такой разговор. Барыня одна интересовалась постояльцем из 25-го номера. Видать жена его или полюбовница ревнивая...

- Ну, а вы?

- Мы-то? Ты, Семён, об этом никому ни-ни.

- Само собой. Нашёл - молчи, украл - молчи, потерял - молчи.

- Коридорный Фирс ей всё доложил: во сколько возвращается, кто в номер приходит, про телеграмму, которую в Тулу отбил. Красненькую за это Фирс с неё требовал.

- Какая она из себя?

- Сдобная баба, в теле. Росточка не очень большого, но и не маленького. Шуба на ней дорогая, из чернобурок, а только маловата ей, не иначе в чужое переделась, чтобы в случае чего муж не признал.

Потом Семён отыскал своего приятеля - извозчика Ваньку Горячева. Тот тоже запомнил красивую, невысокую полную брюнетку. С бегов он отвёз её в гостиницу «Лоскутную», потом к «Славянскому базару», а оттуда в меблированные комнаты «Англия», что в доме Шаблыкина на Тверской, возле Английского клуба. Барыня расплатилась и велела заехать за ней завтра, к одиннадцати часам:

- Скажи швейцару, чтобы позвал Анну Александровну из 17-го номера.

Горячев пообещал Семёну подробно рассказать обо всех завтрашних поездках брюнетки. Он всегда был рад помочь давнему приятелю. А Гири́н предложил:

- А может тебе, Ваня, отдохнуть завтра? Я бы вместо тебя денёк покатался.

Горячев с минуту подумал и согласился:

- Ладно. Кому другому я своего Арнаута не доверил бы, а тебе можно.

Глава 6

1-М КЛАССОМ

Скорый поезд № 1 «Москва - Курск» отправлялся в половине первого. Лавровский приехал на вокзал заблаговременно. Купил билет и отправился в буфет. Газеты постоянно ругают вокзальные буфеты за скудный набор закусок. Но когда с утра макового зёрнышка во рту не было, привередничать не станешь.

С аппетитом уплетая винегрет и тёплые пирожки, он перебирал в уме сведения собранные накануне друзьями. С одной стороны - узнали много, а с другой - почти ничего. Какой прок, что известно о причастности к шайке молодой картавой воровки? Её вся московская полиция давно ловит, да поймать не может... Бывший артист Императорских театров Эраст Низовский. Порасспросил Алексей с утра о нём своих соседей трагика Корогодина и комика Васильева. Окончательно опустившийся человек, оказывается. Фартовые таких привлекают только для разовых услуг. Конечно, Малинин сегодня возьмёт его в оборот, только вряд ли выведает, что важное... Наиболее интересна, можно сказать,

перспективна, вальяжная дамочка Анна Александровна. Но к ней подход найти надо... Главарь шайки Чекан. А Чекан ли? С какой стати опытному преступнику масть менять приспичило? Вспомнилось, как в позапрошлом году попал на «мельницу» Цапли. Шулера его своим считают и в разговорах при нём не стеснялись.

... Кто-то, кажется Василий Тёмный, предложил первейшему московскому игроку Попову выгодное дельце - провести «беспроигрышную» лотерею:

- Они сейчас в самой моде. Расходы копеечные, а навар - сказочный. Да и преступный умысел доказать трудно.

Попов наотрез отказался:

- Нет. И тебе не советую. Знавал я на заре своей юности графа Красинского, знаменитейшего игрока...

- Красинского? - не удержался от вопроса Алексей. - Никогда о таком не слышал.

- А вы «Свадьбу Кречинского» смотрели?

- Конечно и не раз.

- Так вот, именно с него Сухово-Кобылин списал Михаила Васильевича Кречинского. Правда, граф этот был совсем не граф, а простой варшавский шляхтич Крысинский. Он одну букровку в паспорте переправил, как потом выяснилось... Второго такого игрока, скажу по

чести, мне встречать не довелось. Кроме карт Красинский ни чем не занимался. А однажды, бес его попутал, на фармазонство перешёл - булавку с бриллиантом на стекляшки сменил, как распоследний подкладочник. Ну и пропал. Урок для всех нас - за чужое дело не берись...

Размышления Лавровского прервал буфетчик:

- Сударь, третий звонок был, опоздаете.

Выскочив на перрон, увидел, что поезд уже тронулся. На ходу вспрыгнул на подножку сине-жёлтого вагона.

- Ты чего безобразишь? - рявкнул кондуктор, пренебрежительным взглядом окинув потёртую короткую бекешу и косматую волчью папаху Лавровского. - Куда прёшь?

- Посторонись-ка, любезный, - Алексей небрежно отодвинул его в сторону. - У меня билет в первый класс.

... В соответствии с требованиями Министерства путей сообщения вагоны 3-го класса зелёного, 2-го класса - жёлтого, а 1-го класса - синего цвета. Зелёные всегда переполнены, в жёлтых пассажиров намного меньше. Синие, как правило, идут полупустыми. Да это и понятно: слишком велика разница стоимости проезда. Так поездка от Москвы до Курска в 3-м классе обойдется вам в 7 рублей 22 копейки. А за билет 1-го класса придётся

выложить на одиннадцать с полтиной больше. Вот железнодорожное начальство, чтобы не возить воздух, и придумало вагоны-микст, совмещающие в себе отделения двух разных классов. Окраска у них соответствующая - жёлто-зелёная или сине-жёлтая...

Эх, и хорошо, всё-таки, первым классом ездить, подумал Алексей, даже персонал Московско-Курской железной дороги, прославившийся своим хамством по отношению к пассажирам, себя почтительно держит. Но тут же выяснилось, что причина совсем в другом.

Кондуктор вдруг заулыбался:

- А я вас сразу и не признал, Алексей Васильевич. Да и вы меня, видать, забыли. Фомичёв я. На Кукуевке мы с вами вместе были.

- Колька! Ты?! - Лавровский кинулся обнимать кондуктора. - Друг мой, такое разве забудешь?!

... В ночь с 29 на 30 июня 1882 года на 296-й версте Московско-Курской железной дороги, на перегоне Чернь-Бастьево, недалеко от деревни Кукуевка, произошло крушение почтового поезда. Сильный ливень размыл высокую крутую насыпь полотна дороги, проходившую по глубокому болотистому оврагу. Паровоз сошёл с рельс и перевернулся, увлекая за собой вагоны, которые погружаясь в разверзшуюся топь, налезали один на другой, давя и разбивая друг друга. Из

четырнадцать вагонов уцелело только четыре. Погибли 42 человека, а ещё 35 получили ранения.

Лавровский, первым из репортёров попал на место катастрофы - он тайком пробрался в салон-вагон управляющего дорогой и спрятался в уборной. Две недели провёл Алексей под Кукуевкой. При этом не только собирал сведения для своих корреспонденций, печатавшихся в каждом номере «Московского листка», но и помогал рабочим, производившим раскопки. Там и познакомился с мастером Тульского вспомогательного поезда Николаем Фомичёвым. У одного костра грелись, из одного котелка ели...

- А, что ты, Коля, из мастеров в кондукторы подался? С начальством не поладил? Так давай я в управление дороги схожу, у меня там свои люди имеются.

- Не надо. Сам я ушёл. Не поверишь, только после той мясорубки стали у меня поджилки трястись, как только на аварию вызовут. Сразу трупы те исковерканные вспоминаю.

- Верю. Я как в Москву тогда вернулся, так ведра три одеколona на себя извёл. Всё чудилось, что трупным запахом от меня разит. Мясо полгода есть не мог.

Лавровский достал сигару, но тут же убрал её:

- Извини, пойду я. А то приятели, небось, волнуются, думают, что я на поезд опоздал.

- Алексей, в вашем отделении пассажир один едет - чернявый, лицо бритое. Так ты с ним в карты не садись.

- Шулер?

- Вроде того. Он в Тулу и обратно частенько катается. Редко когда кого-нибудь рублей на сто-двести не накроет. Карты всегда у кондуктора соседнего вагона покупает, они видно в сговоре.

- Спасибо за предупреждение. А я к тебе попозже загляну. Надо всё-таки за встречу хоть по рюмке выпить.

Отделение 1-го класса впечатляло своей роскошью: красное дерево, полировка, начищенные до зеркального блеска медные ручки. Пожаловаться на тесноту не смог бы самый привередливый пассажир - вместо четырнадцати их было всего семь.

Свечин, Офросимов и Котиков, сидя на бархатных диванах с высокими спинками, вели спор о достоинствах русских и иностранных беговых наездников. Молодой сероглазый блондин с небольшими холёными усами, тот самый Мишель, который был на ипподроме с Кривцовым, устроившись в мягком кресле, листал газеты. Чуть поноватый черноглазый жгучий брюнет, с бритым как у актёра лицом, раскладывал пасьянс. Добрынин и граф Рибопьер, стоя у окна, тихо переговаривались.

- Не случилось ли чего? Алексей Васильевич твёрдо обещал поехать вместе с нами. Думаю, граф, что с ближайшей станции нам следует послать телеграмму господину Малинину.

- Полно вам, Алексей Николаевич. Не волнуйтесь. У Лёшки давняя и неисправимая привычка опаздывать на поезда. Однажды в Харькове пошёл он в буфет за пивом, а догнал нас только в Орле.

- Не преувеличивай, Георгий, - засмеялся вошедший Лавровский. - Не в Орле, а на станции «Ерошкино», то есть на три перегона раньше.

Добрынин вопросительно посмотрел на него.

- Всё в порядке, Алексей Николаевич, всё в полном порядке, - заверил его Лавровский и поинтересовался. - А что-то я молодого Борисовского не вижу?

- Он обещал приехать послезавтра сразу в Прилепы.

- А эти двое с нами?

- Нет. У них свои дела в Туле, - Добрынин сладко зевнул. - Что-то не выспался я сегодня. Пойду вздремну пару часиков.

Посмотрев ему в след, Рибопьер заметил:

- Не в себе человек. Очевидно, у него большие неприятности.

- Шпанка к нему привязалась, денег требуют, угрожают, - тихо сказал Лавровский. - Только об этом, пока, молчок.

- Понятно... А ты Лёша, как всегда в своей роли защитника справедливости?

Алексей шутливо развёл руками:

- Планида у меня такая.

- Помощь нужна?

- Думаю, сам управлюсь, но в случае чего... Ты револьвер в дорогу захватил?

Граф молча кивнул. В это время его позвал Свечин:

- Георгий Иванович, рассудите нас. Кто ехал на вашей Славе в 80-м году на Долгоруковский приз? Сашет уверяет, что Егор Московкин, а я сомневаюсь.

- Ехал Василий Ефремов. Когда я завёл призовую конюшню, то хотел пригласить кого-нибудь из мастеров. Но у всех уже были контракты до конца сезона. Вот и пришлось довериться вчерашнему конюху.

- И не прогадали, ваше сиятельство, можно сказать, проявили исключительную прозорливость, - оторвавшись от карт, неожиданно включился в общий разговор бритый брюнет. - Сам я, к моему величайшему сожалению, не видел езды Ефремова на Большой Императорский и Большой Московский призы.

Но, как рассказывают, она была выше всяческих похвал.

Рибопьер поморщился, не любил он грубой лести и заискивания:

- Будь Зима в порядке, ещё неизвестно кому бы призы достались.

- Какая Зима, ваше сиятельство?! Да она вашему Витязю не соперница.

Офросимов насмешливо посмотрел на бритого:

- Да вы, сударь, не знаю, как вас звать-величать, видать, большой знаток бегов!

- Позвольте представиться: Олег Всеславович Талантов, актёр и театральный антрепренёр. К большим знатокам себя не причисляю. Но во всех городах, куда заносит меня судьба, всегда посещаю ипподромы. Прошлым летом играли мы в Туле, так я ни единого бегового дня не пропустил.

Свечина, как вице-президента Тульского общества охотников конских испытаний, всегда интересовало мнение публики:

- Ну и какие ваши впечатления?

- Самые наилучшие. Для зрителей созданы все мыслимые удобства: галерея просторная, цены в буфете приемлемые. Не то, что в Харькове, где бутерброд с ветчиной обходится дороже целого окорока.

Польщенный Свечин улыбнулся:

- Этот злободневный вопрос мы обговорили, когда буфет в аренду сдавали. Нечего рестораторам на нашем брате лошаднике сверх меры наживаться.

- А такого количества высококлассных рысаков мне не доводилось встречать ни на одних провинциальных бегах, - продолжил Талантов. - Ваш Гармонист просто великолепен. Сравниться с ним может разве, что Амбиция господина Офросимова.

Довольный Сашет покручивал ус.

Вот так и сводят на игру, подумал Лавровский. Все повелись: и легкомысленный Офросимов и, известный своей осмотрительностью Свечин. Только не надейся голубчик, обобрать тебе их я не дам.

Он заметил, что блондин, отложив газету в сторону, насмешливо смотрит на актёра. Сел в соседнее кресло:

- А вы тоже лошадник?

- Лошадей я ценю, как удобное средство передвижения. Как говорится, какой русский не любит быстрой езды? Но не более того. У меня другая страсть - ружейная охота. На этой почве мы с Лёшей Кривцовым сошлись.

- Кривцов заядлый лошадник. Неужели он вас в свою веру ещё не обратил?

- Пытался, - добродушно рассмеялся блондин. - Затащил он меня вчера на бега. Полдня я потратил, а удовольствия не получил никакого.

- А я то думал, что вы с нами на завод Добрынина в Прилепы едете.

- Нет, нет... Я в Лиманцево к Кривцовым. Вы, наверное, слышали - у них пожар случился. На среду вызвали агента страхового общества. А Алексея дела в Москве задерживают - председатель окружного суда поручил ему вести процесс о каких-то грабителях. Вот он и попросил меня присмотреть, чтобы прохиндеи-страховщики его отца не облапошили. У меня опыт общения с этой публикой, хоть и небольшой, но имеется, - в глазах говорившего, сверкнули озорные огоньки. - Расскажи кому - не поверят.

- Завидую Кривцову, умеет он приятелей выбирать. Не каждый собственные дела бросит, чтобы твоими заняться.

- Не такой уж я и бессребреник. У меня и свой интерес в Туле имеется. Хочу зайти к Гольтякову. Видел я недавно его новинку - двуствольное казнозарядное ружьё. Думаю и себе такое заказать.

... Императорский Тульский оружейный завод охотничье оружие давно не изготавливал. Перед ним была поставлена другая задача - перевооружение русской армии. Начиная с 1870 года, основным изделием тульских оружейников

стала знаменитая «берданка» - «Скорострельная малокалиберная винтовка Бердана № 2».

Однако администрация не мешала своим мастерам проявлять частную инициативу. Напротив, помогало им материалами, принимала заказы на изготовление отдельных, наиболее сложных деталей. Вот и появилось в Туле более десятка кустарных мастерских и небольших фабрик. Одной из лучших считалась мастерская Николая Ивановича Гольтякова. Знатоки ценили его ружья не меньше, чем бельгийские «Франкотты» и германские «Зимсоны». В 1882 году на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве гольтяковские ружья получили серебряную медаль...

Состоятельный человек этот Мишель, отметил про себя Лавровский. Он знал, что у Гольтякова ружьё «под заказ» стоит от двухсот до пятисот рублей, в зависимости от богатства украшений - гравировки по металлу, резьбы по дереву, инкрустаций.

- Да не дёшево, господин... э...

- Воронов, Мишель Воронов.

- А я Лавровский Алексей. Не дёшево, Мишель, вам увлечение обходится.

- Не спорю. И всё-таки оно не такое дорогое как лошади или карты. Кстати о картах. Вам не кажется, что этот смазливый брюнетик похож на шулера?

- А чему тут казаться? Шулер он и есть. Но сегодня ему, определённо, не повезёт.

- Готов оказать вам в этом всяческое содействие. Признаюсь, с юности не терплю шулеров.

Поезд замедлил ход и остановился. Алексей выглянул в окно:

- Люблино. С интересным собеседником не заметил даже, как почти десять вёрст проехали.

Глава 7

МОСКОВСКИЕ ТЕАТРАЛЫ

Пристав 1-го участка Пресненской части Гульковский пил чай и рассказывал своему помощнику о вчерашнем дежурстве:

- Ох и тяжёлое воскресенье выдалось! Тридцать два протокола составил; почти всё за драки, буйства, нарушение тишины... Ночью, поверишь ли, ни минутки вздремнуть не удалось.

- Идите домой, Гавриил Михайлович, отдохните, - посоветовал помощник. - Я и один сегодня управлюсь, а будет, что важное - нарочного за вами пошлю.

- Нет. Сейчас ходатаи за дебоширов, валом повалят. А ты у нас человек новый, ещё не знаешь кому отказать, а кого и уважить.

Первым просителем оказался вальяжный, представительный мужчина в золотом пенсне. Пристав почтительно поднялся ему на встречу:

- Здравствуйте, ваше превосходительство. Искренне рад вас видеть... Чем могу быть полезен?

... Действительный статский советник Владимир Иванович Родиславский много лет служил управляющим канцелярии Московского генерал-губернатора. В прошлом году, по состоянию здоровья, вышел он в отставку. Однако влияния своего не утратил. Дежурия на бегах, Гульковский не раз сам видел, как лобызается всесильный хозяин столицы Долгоруков с отставным чиновником, приглашает всегда в комнату для почётных гостей. А от знающих людей слышал, что когда возникает необходимость подготовить какую-нибудь бумагу особой важности генерал-губернатор обязательно посылает за Родиславским.

Но не только этим объяснялась почтительность пристава. Будучи заядлым театралом, он уважал Владимира Ивановича Родиславского, как автора хороших водевилей и фарсов, вот уже лет двадцать идущих на московских сценах...

- С большой просьбой я к вам, Гавриил Михайлович, - сказал Родиславский. - Сразу признаюсь, не совсем законной... Вы актёра Эраста Низовского, конечно, знаете?

- Видел его на сцене. Замечательно он Несчастливцева в «Лесе» играл. Городничий в «Ревизоре» ему тоже удался. А вчера, так сказать,

имел удовольствие познакомиться лично.
Низовский сейчас...

- Знаю. У вас в «чижёвке» сидит. Что натворил-то, любопытствовать можно?

- Сделайте одолжение, - пристав перебрал бумаги на столе и нашёл нужную. - Почитайте.

Протокол № 15

1884 года января 8 дня, Я, пристав 1-го участка Пресненской части г. Москвы майор Гульковский, находясь на зимнем ипподроме Императорского Московского общества любителей конского бега получил в 4 часа дня известие о буйственных поступках почётного гражданина Низовского Эраста Егоровича в буфетном заведении. Я тотчас же отправился в это заведение, где и нашёл Низовского шумящим и произносящим неприличные ругательства, обращенные к буфетной прислуге. Потребовав прекращения этого беспорядка, я пригласил Низовского выйти из заведения. Но он, не слушая приказания, продолжал шуметь, топтать ногами и размахивать руками. Когда же, для прекращения буйства, я вынужден был употребить силу через бывших при мне городских Семёна Авдеева и Михаила Косова, чтобы вывести из заведения Низовского, то последний нанёс оскорбление действием городовому Авдееву, ударив его в лицо кулаком.

Поэтому я, пристав 1-го участка Пресненской части г. Москвы майор Гульковский, признал настоящий поступок Низовского Э.Е. за буйство в публичном месте, соединённое с оскорблением действием полицейской стражи во время отправления ею служебной обязанности и руководствуясь статьёй 131 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, ПОСТАНОВИЛ: составить об этом протокол, который вместе с Низовским Э.Е. отослать к мировому судье Пресненского участка г. Москвы для наложения меры наказания по 31 и 38 статьям Устава о наказаниях налагаемых мировыми судьями.

- Да-с, - сокрушенно покачал головой Родиславский. - Я-то думал, что речь идёт только о буйстве в публичном месте, а тут ещё и оскорбление действием полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей... Скверное дело... Штрафом бедолага Эраст на сей раз не отделается. За подобный проступок, если память мне не изменяет, полагается до трёх месяцев ареста?

- Так точно, ваше превосходительство.

- Жалко Эраста. Ведь он талант! Правда, к глубочайшему сожалению, иногда склонен к неумеренному употреблению горячительных напитков... А в последние годы ещё и не везёт ему жутко. Новый управляющий Императорскими Московскими театрами со службы прогнал.

Пристроил я было его к Анне Александровне Бренко в Пушкинский театр, а тот прогорел. Вот Эраст с расстройства и запил... Неужели совсем ничего нельзя сделать для смягчения его участи?

Пристав развёл руками.

- Экая, досада. Больно уж не хочется мне Александра Николаевича огорчать.

- Какого Александра Николаевича?

- Островского. Мы с ним вчера виделись на собрании Общества русских драматических писателей, секретарём коего я являюсь. Он меня и надоумил к вам обратиться. Съезди, говорит, к Гивриилу Михайловичу. Он наш брат театрал, если сможет, то поможет...

Разумеется упоминание имени знаменитого драматурга на театрала Гульковского возымело действие: протокол был разорван, а трясущийся от жуткого похмелья актёр вежливо препровождён до саней Родиславского.

После ухода посетителя пристав обнаружил на своём столе десяток контрамарок во все Императорские и частные московские театры. Притом, в директорские ложи. Забыв о делах Гульковский стал прикидывать: куда сходить в первую очередь? В Большой или Малый? К Лентовскому или Коршу? За этим приятным занятием и застал его Малинин. Гульковский

искренне обрадовался Сергею. Он умел помнить добро.

... Прошлой зимой шайка букмекеров решила избавиться от мешавшего их «работе» несговорчивого полицейского. Грязное дельце состряпали - обвинили его в растлении несовершеннолетней племянницы одного еврейского купца. Обер-полицмейстер, хотевший поставить в 1-ый участок Пресненской части своего питерского протеже, легко поверил оговору. Гульковского отстранили от должности, начали предварительное следствие. И все сразу от него отвернулись. Все, кроме старого друга Аристарха Карасёва, твердо заявившего:

- Не верю я Гаврила в твою вину. Не такой ты закваски, чтобы на девку малолетнюю позарился, про совесть забыл... Ладно, бог не выдаст, а свинью мы и сами съедим. Имеется у меня парочка ребят надёжных, из молодых, да ранних. Частным сыском они занимаются. Лучшие их изнанку беговую никто не знает.

- Слышал я про них, - вздохнул Гульковский. - Больно уж дорого они берут. С Никанора Борисовского, сказывают, прошлым летом две с половиной тысячи запросили. У меня таких денег нет.

- Эх, Гаврюша... Почитай до седых волос ты дожил, в штаб-офицеры вышел, книжки умные читаешь, в театры разные ходишь, а так и не

понял - не всё в нашей жизни деньгами меряется. Ни копейки они с тебя не возьмут.

Карасёв свёл его с Лавровским и Малининым. А через неделю купец сам явился к судебному следователю с чистосердечным признанием в оговоре полицейского.

На вопрос Гульковского, как им удалось этого добиться, Малинин смущённо отвел взгляд в сторону, а его приятель добродушно улыбнулся:

- По большому секрету скажу вам, что пришлось применить методы, которые любой прокурор или адвокат с возмущением назовут противозаконными и глубоко безнравственными... А нечего им было почтенного человека позорить! Не люблю я таких подлостей...

- Давненько ты не заглядывал, Серёжа, давненько. Совсем вы с приятелем меня старика забыли.

- Как видите, не забыли.

- В театр хочешь сходить?

- Честно признаюсь, не хочу. А надо! Барышню знакомую обещал в оперу сводить.

- Тогда держи, - пристав протянул ему контрамарку. - В директорскую ложу. Советую пойти 3 февраля. В Большом премьера будет - «Мазепа» Чайковского. Весь цвет русской оперы поёт: Мазепа - Богомир Корсов, Мария - Павловская... Все билеты давным-давно

распроданы, а к барышникам не подступишься - бешеные цены ломают... Думая твоя барышня довольна останется.

- Спасибо за заботу.

- Но ты, чай, по делу?

- Угадали. Вы актёра Низовского к мировому ещё не отослали?

- Нет.

- Можно мне с ним потолковать наедине?

- К сожалению, но... - Гульковский развёл руками. - Отпустил я его.

- С чего вдруг?

- Уважаемые люди попросили.

Малинин сразу насторожился.

- А кто именно не секрет?

- Да какие там секреты, Серёжа! Сам Александр Николаевич Островский, через секретаря Общества драматических писателей Родиславского хлопотал. Разве можно было им отказать?

- Досадно.

- Видать в чём-то нехорошим Эраст замешан? Иначе не стал бы ты им интересоваться.

- Замешан. Вчера на бегах следил он за одним коннозаводчиком, у которого не то мошенники, не то разбойники деньги вымогают. Вот я и думал, вытащу его из «чижёвки»,

опохмелю, потом, глядишь, и по душам потолковать получится. А как теперь к нему подступиться, просто не знаю.

Вдруг взгляд Малинина упал на газету, лежащую на столе:

- Разрешите взглянуть?

- Конечно.

Интересно, весьма интересно. Еженедельная литературно-театральная газета «Театральный мирок». Издаётся в Петербурге с 1 января 1884 года, имеет своих корреспондентов во всех крупных российских городах. А вот и её программа: *«... Следить за всеми сколько-нибудь выдающимися явлениями в области театра и давать о них своевременный отчёт, не обходя при этом общественных и нравственных вопросов...»* Замечательно!

- Гавриил Михайлович, не подскажите, где сейчас Низовского застать можно?

Полицейский улыбнулся:

- Корреспондентом «Мирка» представиться решил? Толково. Актёры внимание к своим особам ценят... А найдёшь ты его в «Скворцах». Эраст требовал, чтобы его в трактир отвезли, но Родиславский наотрез отказался. Да ещё и пригрозил: не хочешь, дескать, домой, так оставайся в участке пока не протрезвеешь.

Без пяти одиннадцать Гири́н подъехал к меблированным комнатам «Англия». Швейцар изумлённо посмотрел на него:

- Никак ты, Семён, опять в извозчики подался?

- Да нет, Петрович. Ванька Горячев прихворал малость, вот и попросил его подменить на денёк. Как приятно откажешь? Заодно и деньжат малость заработаю.

- Ты за кем из жильцов приехал?

- За Анной Александровной из 17-го номера. Может, позовёшь её?

- Сейчас сама спустится. Младшая ейная сестрица уже два раза прибежала. Не приехал ли, спрашивает, наш экипаж? А насчёт заработка хорошего ты губы не раскатывай - без денег они сидят.

Оказалось, сестры Анна Старцева и Вера Белотелова живут в «Англии» почти год. Сперва снимали два просторных двухкомнатных номера, потом переселились в один. А перед Рождеством отказались и от него, переехали в небольшую комнату.

- А чем они занимаются? - поинтересовался Гири́н.

- Младшая в спектаклях любительских представляет. Один театр у неё на уме. Говорит, свой собственный завести хочет. А старшая..., -

швейцар перешёл на шёпот. - Муж у неё в Петербурге. Важный барин - в генеральских чинах, при большой должности, по судейской части служит. Она от него и ребёнка с молодым любовником сбежала. Тот-то думал, разойдётся она с мужем, имущество поделят... А не вышло! Не даёт старик ей развода... Бросил её любовник. С той поры Анна Александровна и загуляла - каждую неделю новый ухажёр.

- Блудным делом, что ли занялась?

- Не... Тогда бы у неё деньги водились. Просто, видать, натура такая любвеобильная. Да и у сестрицы тоже. Мне горничная по секрету о них такое рассказывала...

О чём именно рассказывала швейцару горничная, Семёну узнать не удалось. Из подъезда вышли две невысокие полные брюнетки. Одна лет тридцати, другая - не старше двадцати. Не трудно было догадаться, что это родные сёстры.

- А ты, любезный, помнится, вчера с бородой был? - спросила старшая, садясь в сани.

- Вчерась брат мой вас возил, да прихворал сегодня. Куда прикажите, вась-сиясь?

- Сперва заедем в магазин Андреева, что возле гостиницы «Дрезден», потом на Театральную площадь в контору Императорских театров. А оттуда на Курский вокзал, - распорядилась младшая.

Больше за всю поездку сёстры не перемолвились с Семёном и словом. Видимо они принадлежали к породе людей, смотрящих на извозчиков, половых, коридорных и прочую прислугу как на пустое место. Впрочем, Гирина их внимание и не требовалось. Его вполне устраивало, что они, совсем не стесняясь его присутствия, громко разговаривали между собой.

- Ты, Вера, смотри, чтобы тебя в Туле не облапошили, - наставляла старшая. - Контракт на аренду должен быть составлен на тебя, а не на Тамару. Пойми, чтобы собрать, эти несчастные две тысячи мне пришлось заложить все свои драгоценности, все меха. Хожу теперь в твоей старой шубе.

- А с чего это ты вдруг Тамару невзлюбила?
- засмеялась младшая. - То глазки строила, любезничала...

- Не было этого никогда!

- Не ври, Анечка. Видела я вас в постели. И слышала.

Вот бабы бесстыжие, подумал Гирин, о таких зазорных делах вслух говорить не стесняются.

Из андреевского магазина, славящегося на всю Москву тем, что здесь можно купить любые деликатесы - от астраханской икры и сибирской нельмы до настоящих французских сыров и вестфальской ветчины - сёстры вышли с десятком

аппетитно пахнущих кулёчков и свёрточков, очень довольные. А вот из конторы Императорских театров вернулись унылые.

- Все они одним миром мазаны, - вздохнула Анна Александровна. - Неделью назад Пчельников мне руки целовал, горы золотые сулил, а сегодня рожу скривил: «Извините, сударыня, но все билеты проданы ещё месяц назад». Никогда не поверю.

- Ах, какая досада... Аня! Мы с тобой совсем забыли про Колю Вельяшева! Он такой душка, ни в чём тебе не откажет.

- Умница, Верочка! Завтра же схожу к нему.

- Почему завтра? Сегодня в Большом спектакля нет, значит, Коля будет вечером сидеть у Трамбле, и свой любимый «Адвокат» ест.

- Да, да! Так я обязательно и сделаю.

Когда подъехали к Курскому вокзалу Анна Александровна снова начала поучать Веру:

- Ещё раз, прошу тебя, будь поосторожнее. Чует моё сердце, доведёт нас Тамара до беды.

- Не каркай, Анечка, тебе это не идёт. А Тамара такая душка...

Но сестра не дала ей договорить:

- Ну, скажи на милость, зачем потребовался этот нелепый спектакль со слезкой за каким-то Добрыниным? А свидание, которое ему назначили...

- Не знаю, Анечка, и знать не хочу. Скорее всего, это какая-нибудь милая шутка.

- Как хочешь, но я во всех этих шутках больше участвовать не хочу. Так и передай Тамаре и Николаю.

Проводив сестру до поезда, Анна Александровна велела ехать Семёну на Мясницкую, потом на Варварку, на Арбат... Часов до пяти колесили они по Москве. А когда пришла пора рассчитывать, Семён понял, что прав был швейцар предупреждавший, чтобы на хороший заработок сегодня губы не раскатывал. Дамочка торговалась, словно базарная перекупка.

- Ладно, - сказал Гирин, принимая рублёвую бумажку и несколько медяков. - Премного благодарны, вась-сиясь.

Впрочем, он особо не расстроился: кое-что интересное узнать удалось.

Глава 8

ЗНАТНЫЙ УЛОВ

По расписанию скорый поезд стоит на станции «Люблино» ровно две минуты. Они давно истекли, но заливиная трель обер-кондуктора, извещающая об отправлении, всё не раздавалась. Похоже, что-то случилось на перегоне, подумал Лавровский. Конечно, редактору-издателю спортивного журнала такие мелочи не интересны. Но репортёр, как всегда, взял верх.

- Ох, и натоплено! Как в бане. Пойду свежим воздухом подышу, - накинув бекешу на плечи, сказал Алексей. И шёпотом попросил Воронова - Вы уж тут без меня за этим бритым прохвостом присмотрите.

- Не сомневайтесь.

Выйдя на перрон, увидел, как вдоль поезда, громко переговариваясь, идут двое железнодорожников.

- Что случилось, Павел Михайлович? - спросил молодой здоровяк в щёгольской чёрной шинели с малиновыми кантами и круглой барашковой шапке.

- Сам ничего не знаю, - ответил сухой, как щепка, старик в красно-оранжевой фуражке. - Пришла телеграмма: *«Задержите отправление скорого. Выясните, в каком вагоне находится пассажир, взявший билет до станции «Иваново». Беспрекословно выполняйте указания, выехавшего к вам майора Алексеева»*. Подписал начальник службы движения.

Обер-кондуктор и начальник станции, догадался Лавровский, а майор, которого они ждут, это новый начальник Московского отделения Орловского жандармского полицейского управления железных дорог Григорий Иванович Алексеев.

... До назначения в Москву, служил Алексеев в Рязани. Там Лавровский с ним и

познакомился, когда искали они с Малининым, исчезнувший на железной дороге вагон с рысаками коннозаводчика Родзевича. Сперва жандарм встретил частных сыщиков «в штыки». Но потом, увидев их в деле, изменил отношение. Оно и понятно: не подстрели тогда Сергей конокрада Костю Литовцева, лежать бы майору на кладбище. А как славно гульнули, после того как лошадей владельцу вернули! Содержатель вокзального ресторана клялся и божился, что они выпили все его запасы шампанского. Врал, конечно, стервец. Наверняка припрятал дюжину-другую, для управляющего дорогой, приезд которого ожидался...

Со сторону Москвы подкатила «кукушка» - небольшой двухосный без тендера, паровоз. Своё прозвище получил он из-за того, что подаваемые им сигналы были совсем не похоже на раскатистое «ту-ту» магистральных локомотивов, а напоминали птичье «ку-ку». Кстати, мощные паровозы, возившие пассажирские и товарные поезда, русские железнодорожники ласково называют «овечками».

Из кабины паровоза на ходу выпрыгнул немолодой офицер в серой с голубыми петлицами шинели. Поздоровался с железнодорожниками, о чём-то спросил начальника станции и тут же начал громко ругаться. Ветер доносил обрывки фраз:

- Как... не знаете, где...унтер...Петров находится?

- А он не мой подчинённый... неделю не видел... пьяный каждый день...

- Обязаны были... немедленно...

- А у меня в инструкции... за жандармами приглядывать... Не моё дело...

Лавровский подошёл к ним:

- Здравствуйте, Григорий Иванович!

- Лёшка?? - обрадовался жандарм. - Далеко едешь?

- В Тулу.

- Вот и превосходно. Тогда по дороге ещё поговорим. А сейчас извини, некогда... Господин обер-кондуктор, вы установили, в каком вагоне находится пассажир с билетом до станции «Иваново»?

- В третьем с хвоста, господин майор.

- Превосходно. Мне потребуется ваше содействие при его задержании. Придеритесь к чему-нибудь при проверке билета и выведите его в тамбур. Остальное моя забота. Только поосторожнее, это очень опасный разбойник, и, скорее всего, вооружён.

Обер-кондуктор стал белее снега, пышными сугробами лежащего вдоль железной дороги...

- Но ... я... А если билет у него в порядке? Это будет самоуправством...

- Вы трусили, что ли? - резко спросил жандарм. - Ну и кадр на Московско-Курской дороге подобрался. Мокрые курицы, по сравнению с нашими рязанскими. Ладно, без вас обойдусь.

- Григорий Иванович, велите отправлять поезд, - предложил Лавровский. - У меня одна мыслишка занятая появилась. Шинель этого орла, будто на меня пошита.

Жандарм улыбнулся:

- А ты не меняешься, всегда к чёрту на рога рад... Господин обер-кондуктор, отправляйте поезд. До станции «Царицыно», приказываю вам находиться не в головном вагоне, как предписано инструкцией, а в хвостовом, вместе с нами.

Обер-кондуктор свистком подал сигнал отправления. В ответ раздался мощный гудок паровоза и поезд, лязгнув буферами, тронулся с места.

В тамбуре Алексей скинул бекешу:

- Разрешите воспользоваться вашей шинелью и шапкой.

- Но позвольте, передача форменной одежды постороннему лицу строжайше..., - начал

было обер-кондуктор, но майор так взглянул на него, что он осёкся.

- И сумку тоже. Обер-кондуктор без сумки через плечо это одно и то же, что невеста без фаты... Как я выгляжу, Григорий Иванович?

- Просто замечательно!

- Да, перед таким красавцем ни одна дама не устоит. О кухарках и горничных я уж молчу. А не податься ли мне в железнодорожники? Составите протекцию, Григорий Иванович?

Но жандарм не поддержал его шутливого тона.

- Возьми револьвер, - предложил он, доставая из кармана небольшой, удобный для скрытого ношения, пятизарядный «Марлин». - Мне и табельного «Лефоше» достаточно.

- Не надо - у меня есть. Только воспользоваться в переполненном вагоне им чревато. Да и, по совести признаюсь, стрелок из меня никудышный... Господин обер-кондуктор, где находится наш пассажир?

- В третьем вагоне. Сидит на пятой скамейке, считая от входа.

- Как выглядит?

- По комплекции с вас будет, бородаща чёрная. Одет в меховой картуз и короткий полушубок. Чем ещё могу служить?

Железнодорожник, явно, старался загладить свою недавнюю вину. Жандарм смерил его презрительным взглядом:

- Ничем. Появляться перед пассажирами без головного убора и сумки вам не следует. Пусть старший кондуктор проводит нас в третий вагон. Представьте ему Алексея Васильевича, как контролёра из управления дороги.

Вагоны 3-го класса, в отличие от 1-го, были переполнены. Рассчитаны они на сорок пассажиров, однако, в каждом из них, находилось человек на десять больше. Все жёсткие, без обивки, лавки и полки, даже большинство из самых верхних, предназначенных для багажа, были заняты. Провоз безбилетных пассажиров на российских железных дорогах явление давнее и, наверное, вечное. Ведь в борьбе с ним начальство не желает использовать самое лучшее средство - значительное повышение жалования поездной прислуге.

Не смотря на то, что в середине каждого вагона на чугунном листе стояла печь, было совсем не жарко. Скорее наоборот. Верхнюю одежду никто не снимал.

Теснота, шум, гам, лузганье семечек, густой махорочный дым...

- Много «зайцев» везёшь? - громко, чтобы все слышали, спросил Алексей кондуктора третьего вагона.

- Как на духу скажу - ни единого. Ну, разве что по моему недосмотру кто пробрался.

- Хорошо. Сейчас проверим.

Он начал проверять билеты. Всех, у кого их не оказалось, отправлял в дальний тамбур, под присмотр старшего кондуктора. Дошла очередь и до чернобородого здоровяка в меховом картузе.

- А это, что такое? - Лавровский сделал грозное лицо. - У вас билет на пассажирский, который идёт через семь часов. Почему это вы в более дорогой скорый сели?! Э, да здесь ещё признаки подделки на лицо.

- Знать ничего не знаю, - пророкотал тот. - Такой билет мне в кассе дали. Я на скорый просил.

- Билеты и сдачу полагается проверять не отходя от кассы. Вы этого не изволили сделать и поэтому, вольно или невольно, совершили нарушение. Пройдёмте со мной.

- Никуда я не пойду.

- В таком случае, на ближайшей станции я буду вынужден позвать жандарма. Тогда вам придётся отвечать не только за неправомерный проезд, но и за оказание сопротивления

должностному лицу при исполнении служебных обязанностей.

При упоминании о жандарме бородач нехотя поднялся.

- Извольте пройти, - Алексей указал ему не на дальний, а на ближний тамбур, где их ожидал жандарм. Багаж не забудьте.

- Нету у меня никакого багажа.

Бородач шел, не вынимая рук из карманов полушубка. В каждом по револьверу, догадался Лавровский. Вот сейчас увидит жандарма и начнёт палить. Надо что-то срочно придумать.

- Постой, любезный, - тихо сказал Алексей.
- Вот высажу я тебя в Царицыно, пока жандарма найдём, пока протокол составим... Знаешь, сколько время потеряешь? А можем и по-людски договориться.

- Это как? - обернулся бородатый. И тут же получил сокрушительный удар в челюсть. Стальной кастет с острыми шипами, не раз выручавший репортёра в московских трущобах, пригодился и на этот раз.

На шук упавшего тела из тамбура в вагон ворвался жандармский майор.

- Знатный улов, Лёша, - сказал он, склонившись над чернобородым. - Надо наручники одеть, пока он в себя не пришёл.

Огромной физической силой отличается этот разбойник.

- А кто он такой? - поинтересовался Лавровский.

- Матвей Рогов, правая рука атамана Чекана.

Они сидели в служебном купе хвостового вагона. Жандарм перебирал предметы изъятые у задержанного:

- Так, паспортов пять штук. Превосходная работа, от настоящих не отличишь... Банка белого порошка. Похоже, вератрин. Зачем ему столько? Ведь щепотки этой дряни хватит, чтобы человек уже не очухался... Два револьвера «Наган». Хорошие игрушки - самовзводные... Да, нашпиговал бы он меня свинцом, как хохлушка сало чесноком.

- А чего ты, Григорий Иванович, один на задержание такого волчары поехал?

- Так уж вышло, Лёша. Прихожу я утром на службу, а меня депеша от прокурора Тульского окружного суда дожидается. Провели они вчера обыск в трактире Свевальникова, верстах в двух от станции «Иваново»...

... Свевальников пользовался у всех уважением. Постоянные посетители заведения считали его совестливым: за немудрёную снедь, в отличии от других, в три дорога не дерёт, водку

не разбавляет и в долг всегда «косушку» страждущему отпустит. Приходской священник имел своё мнение:

- Богобоязненный человек. На храм жертвует, не скупится. Мы его церковным старостой хотим сделать.

Хорошо отзывались о трактирщике и блюстители порядка - местный полицейский урядник и жандармский унтер с железнодорожной станции. Он исправно докладывал им обоим обо всех подозрительных появляющихся в трактире.

Но в ходе розысков шайки Чекана трактир этот был упомянут. Встречался, будто бы, в нём атаман с приезжим специалистом по вскрытию нескораемых шкафов. Вот судебный следователь, на всякий случай, и решил провести обыск. Его результаты превзошли все ожидания: в подвале обнаружили мешок с десятком священных сосудов, похищенных из церквей...

- А ещё телеграмму из Москвы нашли, которую хозяин накануне получил, - рассказывал Алексеев. - Приезжаю, мол, в понедельник курским скорым, пришли на станцию тройку. Вот прокурор меня и озадачил: поскольку данная станция находится на территории обслуживаемой вашим отделением, прошу принять меры к установлению вышеуказанного лица, а при возможности и к его задержанию. Поехал я на вокзал, выяснил у кассира, что до «Иваново» только один билет продали, в 3-ий класс.

Запомнилась кассиру зверообразная внешность пассажира. По описанию он мне сразу Матвея Рогова напомнил. Договорился с начальником движения, чтобы поезд остановили, «кукушку» выцыганил...

- Это всё понятно. Но один-то почему поехал?

- А кого с собой брать было? У меня на двести сорок с лишним вёрст по штату двадцать восемь человек. А в наличии и того меньше. Курский вокзал без присмотра не оставишь, товарную станцию тоже. Решил я унтер-офицера Петрова из Люблино с собой прихватить. Кто знать мог, что этот мерзавец в запой ушёл?

- Что дальше делать думаешь?

- Отобью из Подольска телеграмму тульскому прокурору, пусть на вокзале подарок встречают.

- Не возражаешь, если я в «Московский листок» заметку дам?

- Валяй, - разрешил жандарм. - Пиши, я её за казённый счёт по телеграфу пошлю.

Прочитав заметку, быстро написанную Лавровским, жандарм хмыкнул:

- Скромный ты больно. О себе не стал говорить.

- А зачем? Кто соображает - тот поймёт.

На скамейке заворочался начавший приходить в себя разбойник.

- Григорий Иванович, позволь я ему пару вопросов задам?

- Да хоть сто.

Лавровский склонился над чернобородым:

- Кто во вторник пойдёт на встречу с Добрыниным?

- На кой он нам сдался? - слабо простонал Рогов. - Мы, что хотели у него уже взяли.

- Я тебе не про Петра Никитича толкую, а про его племянника.

- Не знаю никакого племянника... Дай напиться.

Лавровский поднёс к его губам жестяную кружку с холодной водой.

- Благодарствую... А сказать мне тебе нечего.

- Врёшь! Нам всё известно - и про картуемую барышню и про актёра.

- Путаешь ты, чего-то... Это ты меня саданул?

- Ну.

- Ты мне сразу не понравился... Зря я тебя, михлютка, тут же не заквасил.

«Михлютка» на «фене» это жандарм, а что означает «заквасить» понимают даже люди «не кумекающие по-свойски».

Отвернувшись к стене, он замолчал. И больше от него Алексей не добился ни слова.

Оставив задержанного под присмотром унтера, севшего в поезд в Царицыно, Лавровский и жандарм вышли в тамбур.

- У тебя, Алексей, как понимаю, здесь свой интерес имеется?

- Не без этого.

- Потребуется помощь, обращай к унтер-офицеру Гвоздилину. Он в Туле много с кем из полезных людей знакомство водит... Я его предупрежу... Вернёшься в Москву, заходи в гости - я в должниках оставаться не люблю.

Глава 9

НЕКАЯ ТАМАРА

«Меблированные комнаты Е.М.Скворцова» или попросту «Скворцовы номера» заведение известное.

Лет двадцать пять назад купец Егор Скворцов построил на углу Моховой и Воздвиженки огромный трёхэтажный кирпичный дом, выходящий красивым фасадом на обе улицы. Первый этаж он сдал под хорошие магазины, остальные под квартиры. Снимают их люди солидные - профессора, адвокаты, врачи. А вот

большой флигель во дворе, состоящий из сотни номеров, облюбовала публика попроще - мелкие чиновники и служащие, актёры казённых театров. Устраивают их и вполне приемлемая плата, и добрый нрав владельца, который ещё никогда никого не выселял за долги, и местная столовая, где можно недорого и сытно пообедать.

Швейцар подсказал Малинину, что интересующий его жилец квартирует на третьем этаже. Ещё на лестнице Сергей услышал шум.

- Опять Эраст куражится, - словоохотливо пояснила спускающаяся вниз сухонькая старушка интеллигентного вида с моськой на руках. - Он, когда во хмелю, всегда соседям и прислуге представления устраивает. То королём Лиром себя вообразит, то Отелло... А сегодня он Несчастливцев!

Из-за дверей неся густой хрипловатый бас:

- Как ты посмел? Не тебе у меня денег требовать! Я беднее тебя и всегда полагал, что ты не откажешь мне в пяточке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу похмелиться. Пятачок мне, пяточок!

Ему возражал угодливый, слащавый тенорок:

- Да с чего-с вы, Эраст Егорович, разобиделись? Никаких денег я у вас не требовал-с. Просто хозяин просил напомнить вам-с о плате за три месяца. Скажи, дескать, господину

Низовскому, что должок-с за ним, но ежели он не при деньгах, то мы и ещё подождём-с.

- Так это совсем другое дело, - пророкотал бас. - Я великодушен, я тебя прощаю... Одолжи, братец, целковый. А то голова трещит как... как... Ну, в общем, плохо мне, Филя.

- Да не при деньгах-с я. Не только целкового, пятак медного нет.

- Так я и знал! О люди, люди! Порождения крокодилов! ... Тогда сбегай, заложи мой серебряный портсигар. Это бесценная вещь ручной работы. Мне его преподнесла восхищённая тамбовская публика после бенефиса.

- Портсигар? Вы же его ещё на прошлой неделе за пять рублей заложили.

- Действительно. Тогда заложи...

- И ваш перстень с сапфиром я уже в ссудную кассу снёс, и часы с цепочкой.

Размышления актёра, что бы ещё из вещей заложить, прервал Малинин:

- Эраст Егорович, можно вас на минутку?

- Вы знаете кто я?

- Знаю.

- Я очень рад, сударь. Значит, вы знаете с кем имеете дело и будете держать себя почтительно... Прошу вас, милостивый государь, в мои апартаменты.

Величавый, царственный жест актёра мало вязался с его видом - всклоченной седой шевелюрой, расстегнутым жилетом, мятой, в винных пятнах рубашкой. Да и назвать апартаментами крохотную комнатуху с одним окном можно было только при наличии буйной фантазии.

Низовский сел на неприбранную постель и предложил гостю единственный стул, имеющийся в номере:

- И так, кто вы такой и, что привело вас в мою скромную обитель?

- Я из газеты «Театральный мирок».

- А из той самой, которую Сашка Плещеев начал в Питере издавать. Внял, наконец, моим словам этот шельмец. Ведь мы с ним старые друзья. Вместе в Ростове играли, в Ковно. Я тысячу раз советовал ему сцену бросить и, по примеру досточтимого батюшки, за перо взяться... Молодец! А вы сударь, лукавить изволите. Никакой вы не репортёр газетный.

- С чего вы так решили?

- Настоящий репортёр, к примеру, мой друг закадычный Коля Пастухов, идя к большому артисту не преминул бы прихватить с собой хоть косушку. Только за рюмкой и возможна доверительная беседа ибо, как говорили древние, *in vino veritas* - истина в вине.

- Рюмками только воробья причащать, а стаканами - куманька угощать, - вспомнил Малинин любимое присловье Алексея и стал разгружать топорщащиеся карманы пальто и сюртука. - Не зная ваших предпочтений, взял всего понемногу. Вот смирновская, коньячок грузинский, пиво «Трёхгорное»...

- О! Да вы, мой юный друг, просто маг и волшебник. Забыл спросить, как вас звать - величать?

- Брусникин Сергей Сергеевич - как всегда в подобных случаях представился Малинин.

- Давай, брат, попросту - без отчеств и на «ты».

- Договорились. Выпьем, Эраст, за знакомство.

- Охотно, - актёр разлил водку по стаканам не первой свежести. - До дна, брат, до дна.

- Закусок купить я не догадался, но можно послать коридорного...

- Пустое. Чем закусить найдётся. Лёша Саврасов меня...

- Алексей Кондратьевич? Тот который «Грачи прилетели» написал?

- Он самый. Великий русский художник и такой же пьяница, как мы с тобой. Так вот, Лёша приучил меня клюквой закусывать. Поищи на подоконнике, там блюдце должно быть.

- Нашёл. Но тут всего три ягодки.

- Вот и закуси. А я пивком запью.

Под водку и коньячок Низовский охотно пустился в воспоминания:

- Как я играл Лира! В Киеве это было. Зал рукоплескал. Полицмейстер на коленях умолял публику хлопать потише - боялся потолок обрушится... А Отелло! Тифлисские дамы, словно с ума посходили. После бенефиса получил я ровно пятьдесят любовных писем! И в каждом одно и то же: «Жду с нетерпением. Приходи. Я вся твоя.»...

- Говорят, тебе особо удалась роль Несчастливцева в «Лесе»?

- Удалась?! Ты меня насмешил! Да сам Николай Хрисанфович Рыбаков, лучший из лучших Несчастливцевых, прилюдно заявил, что в этой роли он, по сравнению со мной, мальчишка и щенок... А какой невиданный успех имел я в «Боярине Басёнке»! Послушай:

Здесь войско! Здесь идёт смертельный бой!

Победный крик мешается со стоном!

Гляди, бежит разбитый супостат!

Нет, не уйдёшь! Подайте шестопёр!

Эраст вскочил с кровати. Шестопёра в комнате, разумеется, не оказалось. Тогда он схватил пустой полуштоф и принялся им размахивать:

Прочь с дороги!

Посторонись! Лев ушёл из клетки!

Бык с бойни сорвался! Посторонись!

Низовский вытер со лба выступивший пот. Одним махом выпил из горла без малого треть бутылки коньяка, отдышался и расхохотался:

- Хочешь верь, хочешь не верь, только Петька Сазонов, игравший Шемяку, обделался со страха - подумал, что я взаправду иду его убивать.

А потом на Низовского напала меланхолия:

- Знаешь, Серёга, ничего не пиши про меня в «Мирке».

- Да почему, Эраст?

- У меня всё в прошлом. Не хочу, чтобы прочитали старые друзья, поклонницы мои и сказали: «Был талант, да весь вышел». Не хочу.

Он пьяно всхлипнул:

- Известно ли тебе где и кого я играю сейчас? Не известно и, слава богу. А то бы и пить со мной не стал.

- Не преувеличивай.

- Куда уж тут преувеличивать. Свадебных генералов нынче я изображаю... Приглашают меня к купцам средней руки на свадьбы. Надеваю мундир, ленту, ордена - по праву мне не принадлежащие. И иду! Сижу. Пью. Закусываю.

Потом распорядитель в бок толкнёт. Давай, дескать, твоя реплика. Ну, я и даю, - он стукнул ладонью по столу. - Что же это такое, господа? Селёдка горькая. Хлеб горький. Закусывать не возможно. Горько! Горько!... А потом дают мне четвертную. Почему так мало, спрашиваю? Такса у генералов пятьдесят рублей. Так это у настоящих генералов, отвечают, а ты липовый... Эх, горько... Налей! Как это ничего не осталось? Ни черта себе! Ну, ты, Серёга, горазд пить, совсем как я... Филька!

Появился коридорный.

- Филька, у тебя водка есть?

- Нет-с, Эраст Егорович, нет-с.

- Ты, любезный, не беспокойся - я заплачу сколько надо, - заверил его Калинин.

- Водки нет-с. Только ром. Принести?

- Тащи, - распорядился Сергей. Когда Филька вышел, тихо сказал - Эраст, что за слух пошёл, будто ты ещё на одну неприглядную роль подрядился?

- На какую это?

- В соглядатаи, говорят, подался. Вчера на бегах, весь день, за каким-то господином в собольей шубе следил.

- Уже говорят? Какой позор... Король Лир, Отелло, Фёдор Басёнок, Несчастливцев и вдруг - шпик, соглядатай, ищейка... Пасть ниже просто

невозможно, - по щекам актёра побежали слёзы. - А всё Тамара! Сделай, мол, вид, что следишь за ним, припугнуть мне его надо, а я уж тебя не обижу... Позор! И знаешь, сколько я за сие грехопадение получил? Трёшницу...

Вернулся Филька с бутылкой рома:

- Прикажете к рому-с чайку подать?

У Низовского слёзы сразу высохли.

- Шутить изволите, братец? - он откашлялся и продекламировал:

Убей меня господь бог громом

Не будь лихим я казакам

Коли испорчу чай я ромом

Иль испорчу чаем ром.

Актёр налил полный стакан рома и залпом осушил его. Потом уронил голову на стол. Малинин безуспешно пытался его растолкать:

- Эраст! Скажи, кто тебя нанял? Мне это очень нужно знать.

- Та... Тамара... Тва... Тварь... сука по... поганая, - пробормотал Низовский, заплетающимся языком и захрапел...

Малинин вышел из «Скворцовых номеров» пошатываясь. Давненько ему не приходилось столько пить. Тем более без закуски. Пожалуй, надо поехать в редакцию и поспать пару часиков. А телеграмму Лёшке потом отобью.

- Сергей Сергеевич! Да проснитесь вы.

Малинин открыл глаза. Ничего себе! За окном уже темно. Это называется, вздремнул пару часиков!

Рассказ Гирина его заинтересовал:

- Тамара значит? И я на неё вышел. Именно она актёра наняла. Как бы нам с ней познакомиться?

- А вы, для начала, с Анной Александровной знакомство сведите, - посоветовал Семён. - Она вечером к Трамбле собиралась. Встретиться ей надо с каким-то...

Гирин достал неразлучную записную книжку и прочитал:

- С Николаем Вельяшевым, который, когда спектакля нет, у Трамбле сидит и «Адвокат» ест.

- Замечательно! - обрадовался Сергей. Он неплохо знал полицмейстера Большого театра, поручика Вельяшева и мог надеяться на его содействие. - Пойду-ка и я к Трамбле, давненько его мармеладом не лакомился. Только сперва телеграмму Алексею сочиню.

Присев к столу, торопливо написал несколько строчек:

- Прочитай. Всё разобрал? А то почерк у меня, сам знаешь какой.

Семён долго читал. Потом предложил:

- Может, чайку крепкого выпьете, Сергей Сергеевич? Или вздремнёте ещё малость?

Малинин рассмеялся:

- Обижаешь! Я давно протрезвел... У мошенников вполне могут быть свои люди на телеграфе и в гостинице. Вот мы и договорились с Лёшей, по мере возможности, шифроваться.

- А поймёт, Алексей Васильевич, о чём речь-то?

Малинин ещё раз перечитал телеграмму:

Тула. Гостиница Чайкина. Для Алексея Лавровского.

Жеребца Трагика недорого купила некая Тамара. Вороня Лиса тоже из её конюшни. Хозяйка и наездник Николай сейчас в Туле. Там и родная сестра Лисы - вороня Вера, рождённая в заводе Александра Белотелова. Приехала одним поездом с тобой. Очень перспективная лошадка. Приглядиись к ней.

- Поймёт! Лёша у нас сообразительный!

Глава 10

БАККАРА

Первым, кого увидел Лавровский вернувшись в свой вагон, был кондуктор Николай Фомичёв.

- Ну ты, Алексей, и хват, - с уважением сказал он. - Говорят, бугая поболее себя скрутил... А кто он такой? Карманник или ...

- Потом, Коля, потом. Скажи-ка лучше, как там мои попутчики?

- Коньяк пьют. Чай велели подать. Полагаю, скоро за карты сядут.

- Вот так, значит... Ты, говорил, бритый покупает их у кондуктора соседнего вагона?

- Да, у Серёжки Петренко. Этот куркуль хохляцкий везде свою выгоду найдёт. И водкой приторговывает, и картами, и с шулерами снюхался.

... Вот уже шестьдесят пять лет в России действует монополия на производство и торговлю игральными картами. Отдана она Императорскому воспитательному дому - благотворительному учреждению по опеке над сиротами. Изготавливаются карты на единственной в стране специальной фабрике, находящейся на окраине Петербурга. А продаются в собственных магазинах Петербургского и Московского опекунских советов, а также через посредников - различные общественные и благотворительные организации, получающие за свои услуги шесть-восемь процентов от выручки.

«Высочайше утверждённые правила о продаже игральных карт» гласят: *«Общественные учреждения обязываются продавать карты*

ежедневно всем желающим в количестве, какое они потребуют, но не менее игры, то есть двух колод, и притом по таксе, то есть по ценам означенным на обёртках, без всякой уступки покупающим оные как для собственного употребления, так и для торговли». Повышать цены перекупщикам закон не воспрещает. Сколько хочешь - столько и запрашивай. Наказать спекулятора могут только в том случае, если нарушены казённые бандероли, которыми запечатаны колоды. Карты можно покупать не только в магазинах, но и у гостиничной и пароходной прислуги, железнодорожных кондукторов. Только это нередко плохо заканчивается, так как именно через них подсовывают шулера своим заранее намеченным жертвам краплёные, подрезанные и подобранные колоды...

- Какие карты у этого хохла?

- Самые дешёвые, 2-го сорта.

- А атласные где-нибудь можно достать? Мои попутчики люди солидные, они другими играть не станут.

... Публика попроще охотно покупает карты 1-го и 2-го сорта, хотя напечатаны они на шероховатой, плохо проклеенной, иногда даже разной толщины, бумаге. Зато не дорого.

Казённая цена игры, то есть двух полных колод по 52 листа, 2-го сорта всего шестьдесят

копеек. За пару колод «Атласных» придётся заплатить почти втрое больше. Но оно того стоит! Печатаются такие карты на отборной шелковистой бумаге, которую предварительно натирают тальком, чтобы легко тасовались...

- Атласные? Разве только у обер-попросить. Он всегда три-четыре дюжины для управляющего дорогой и директоров правления держит. Ведь они заядлые картёжники! Как засядут в своём салон-вагоне, так до самого Курска в фараон режутся.

- Где его сейчас можно найти? - спросил Алексей. Но искать обер-кондуктора ему не пришлось. Тот пришёл сам. Отведя взгляд в сторону, сказал:

- Сегодня в Люблино... Нет, я не трус... В Самогитском гренадёрском полку служил. На турецкой войне был, под Плевной... Там не боялся... А тут вдруг испугался... Только не за себя... У меня семья, трое детей... Случись, что со мной, кто их кормить будет?

- Да понимаю я всё.

- Но газеты зачастую склонны...

- Очень даже склонны, - согласился Алексей. - Из мухи слона всегда рады сделать. Только в моей заметке для «Московского листка» о вас ни слова не будет.

- Я ваш должник! - обрадовался железнодорожник. - Могу быть вам чем-нибудь полезен?

- А то! У вас атласные карты есть?

- Да, я держу всегда две дюжины колод для начальства.

- Уступите одну.

- Хорошо. Через пять минут принесу их вам в вагон.

Опытный шулер, работающий на пароходах или в поездах, никогда не станет предлагать попутчикам сыграть в карты. Но поведёт разговор так, что те сами выразят желание перекинуться для приятного времяпрепровождения. Вот и Талантов, для начала, принялся рассказывать о всяких забавных случаях, приключившихся с ним за годы скитаний по российской провинции:

- Лет пять тому назад, играли мы в Судак «Гамлета». В главной роли я, Офелия - Сонечка Григорьева из Тамбова, а Горацио - некий Аполлон Херувимов. Он, скажу я вам, был столичной штучкой, в Императорских театрах раньше служил, уверял, что со всеми артистическими и литературными знаменитостями на «ты». А я, по наивности, верил, за что и был наказан... Перед пятым актом прибегает наш антрепренер Окунев - милейший человек, отец родной для актёров. Одна беда - пил

он без меры. Правда, исключительно шампанское. Прибегает и говорит: «Господа, умоляю, выложитесь в финале. Лев в зале! Понравится ему наша игра - в гости к себе пригласит, угостит на славу». Выглянул я в зал и вижу - стоит в проходе импозантнейшая личность - огромный, бородатый, с чуть седеющей львиной гривой. Говорит громко, жестикулирует, а все его почтительно слушают. Спрашиваю у Херувимова, кто такой? Темнота, отвечает, в лицо не знаешь первейшего российского писателя Льва Толстого.

Талантов взял стакан с чаем, неспешно сделал несколько глотков. Актёр, подумал Лавровский, не случайно паузу сделал, не знаю, чем закончится эта байка, а следующая точно о Толстом будет.

- Играли мы выше всяких похвал, меня публика пять раз «на бис» вызывала, - продолжал Талантов. - А после спектакля приходит за кулисы Лев, и давай нам дифирамбы петь. Такого Гамлета, как я, ему, мол, видеть досель не приходилось. Окунев толкает меня в бок, скажи, дескать, несколько слов в ответ. Прекрасно понимаю, что для любого сочинителя нет ничего приятнее, чем когда его книги хвалят. Ваше сиятельство, говорю, для меня очень лестен отзыв человека, без произведений которого я и дня прожить не могу, даже на сон грядущий иногда... А он меня перебивает: «Злоупотреблять всё-таки не стоит, молодой человек. Кстати, какое из

моих, так сказать, творений, вам больше всего по вкусу пришлось?» «Анна Каренина», отвечаю. Всё в ужасе. Лев не сказал ни слова, развернулся и ушёл.

Здесь, последовала ещё одна пауза.

- Оказывается, напутал подлец Херувимов. Не Лев Толстой это был, а Лев Голицын.

Вся компания дружно рассмеялась. Известного винодела, князя Льва Сергеевича Голицына знала вся Россия. Шампанское из его завода «Новый Свет» ценилось знатоками наравне с лучшими французскими сортами.

Потом, как и предполагал Алексей, разговор перешёл на Льва Толстого - соседа по имению Офросимова и Добрынина.

- Недавно слышал я один анекдотец, - сказал актёр. - Собрались литераторы у редактора «Современника» Некрасова в картишки перекинуться. Поэт Афанасий Фет уронил под стол не то рубль, не то трёшницу. Наклонился и стал искать. А Толстой запалил от свечи сотенную и светит. Как думаете, господа, сие, правда или вымысел?

- Полагаю, правда. Лев Николаевич в молодости покутить любил. И картёжником страстным был, вот, - улыбнулся Офросимов. А потом предложил. - Господа, до Тулы ещё долго ехать. Почему бы нам, в баккару, вот, не перекинуться? Если даже звёзды русской

словесности картами не пренебрегали, то нам уж сам бог велел, вот.

- Дельное предложение, - поддержал его Свечин.

Рибопьер и Котиков тоже выразили своё одобрение. Однако, карт, ни у кого не нашлось.

- Я захватил с собой в дорогу только две колоды, да и те игранные, - сокрушённо развёл руками Талантов. - Пойдите, господа, пойдите... Кажется, вспомнил. Недели две тому назад ехал я этим же поездом, только 2-м классом. Тогда мы взяли дюжину колод у кондукторы. Правда карты попались скверные, 2- го сорта.

- За неимением гербовой пишут на простой, - махнул рукой Офросимов. - Надо, вот, немедленно послать кондуктора в соседний вагон.

Алексей довольно улыбнулся, развитие событий он предугадал верно:

- Не надо куда посылать. Сейчас обер-кондуктор принесёт атласные карты. Он их всегда держит для своего начальства и самых почтенных пассажиров. Узнав, кто сегодня едет 1-м классом он сам предложил мне эту услугу. Отказываться я не стал и, как теперь убедился, правильно сделал.

Сашет восхищенно цокнул языком:

- Да вы, Алексей Васильевич, просто маг и волшебник, вот... Во, что играть будем? В баккару?

- Может быть в штос? - предложил Талантов.

- Нет, - твёрдо заявил Алексей. - В баккару.

Он был не большим охотником до карт. Особо не любил те игры, где от тебя самого мало что зависит. Баккара, как раз, такая. Дали тебе две карты, если получил меньше четырёх очков, можешь взять третью. И всё - вскрываешься. Набрал больше банкомёта - выиграл, во всех остальных случаях твоя ставка бита.

Но было у баккары одно достоинство - игра велась в две колоды. А подменить обе шулеру значительно труднее чем одну.

Беговой спортсмен Котиков умел держать в руках не только вожжи, но и карты. Он с треском, как делают только настоящие игроки, распечатал две колоды, сложил их вместе, стасовал и передал Офросимову, вызвавшемуся держать банк.

Сашет попросил сидящего рядом Рибопьера снять карты, положил рядом с собой пачку кредиток и объявил:

- В банке, вот, пятьсот рублей.

Свечин вытащил из бумажника пятидесятирублёвку:

- Сыграю, для начала, по-маленькой.

Котиков и Талантов поставили по сто.

Алексей нехотя достал две красненьких. Неудобно, право, предложить попутчикам сыграть в баккару, а самому не понтировать. Рибопьер окинул взглядом сделанные ставки:

- Иду на остальное.

Сашет раздал всем по две карты: по одной слева направо, по второй справа на лево.

Лавровский поднял свои - туз и восьмёрка. Неплохо.

- Играю на своих.

Остальные прикупили ещё по одной. Когда вскрылись, у банкомёта оказалось семь очков, у других понтёров по шесть. Сашет расплатился с Алексеем, собрал битые ставки:

- В банке девятьсот восемьдесят рублей, вот.

Лавровский поставил ещё пару раз и проиграл. Впрочем, не везло не только ему - к четвёртой сдаче в банке было уже около трёх тысяч.

- Больше трёх раз подряд я судьбу никогда не испытываю, - сказал Алексей, поднимаясь с дивана. - Вы уж, друзья мои, без меня.

Он достал сигару и предложил только что проснувшемуся Добрынину:

- Пойдёмте, Алексей Николаевич, покурим в тамбуре.

- Курите здесь, - предложил Свечин.

- Нет, не хочу Георгия Ивановича соблазнять. Ведь он от сигар решил отказаться.

Рибопьер, которому такое пока и в голову не приходило, изумлённо посмотрел на приятеля. Но тот хитро подмигнул и он промолчал.

- Судя по всему, у вас новости? - спросил Добрынин, закуривая папиросу с золотым обрезом.

- Угадали. Только что в поезде арестовали Матвея Рогова.

- А это, что за гусь такой?

- Правая рука Чекана.

- Слава те господи! Теперь разбойникам не до меня будет. Значит, о нашей завтрашней встрече можно забыть?

- Не уверен. Мы с Сергеем Малининым время даром не теряли - интересные сведения собрали. Сомнения у нас появились, что Чекан к этому вообще причастен.

- Но кто же тогда?

- Да кто угодно! Охотники до чужих денег в России отродясь не переводились... Не исключено, что преступник сейчас едет в Тулу. Может быть, даже в одном вагоне с нами.

- Ну, это уж перебор. Все наши попутчики люди почтенные.

- А. что вы о них знаете? Разумеется, я не имею в виду Свечина, Офросимова и Рибопьера. Кто такой Котиков?

- Адам Адрианович? Я с ним только второй день знаком, но вчера слышал о нём много лестных отзывов, притом от самых разных людей...

- Ладно. А Мишель Воронов? Загадочная личность. Вполне подходит на роль атамана шайки мошенников.

Лавровский несколько сгущал краски. Из трёх малознакомых попутчиков Воронов подходил на роль подозреваемого меньше всех. К тому же он почему-то вызывал симпатию к себе. Но жизнь давно научила Алексея во время розыска чувствам не поддаваться.

- Господь с вами, Алексей Васильевич! Воронов приятель Кривцова. А тот, как все судейские, в знакомствах разборчив.

- Допустим. Тогда актёр Талантов.

Добрынин рассмеялся:

- Вы готовы подозревать весь белый свет! Актёра этого я вспомнил. В прошлом году он играл в Туле. Гамлета, правда, представлял прескверно. Но это совсем не повод, чтобы видеть в нём преступника.

- Мне известно, что в последнее время он зачастил в Тулу. Зачем спрашивается?

- Он хочет взять в аренду летний театр в Кремлёвском сквере. Сам мне сегодня рассказывал. Просил замолвить за него слово перед отцом.

Без отца Добрынина, много лет занимающего должность городского головы, в Туле ни один серьёзный вопрос не решался - как он скажет, так и будет.

- Замолвите?

- Как откажешь такому любезному молодому человеку? Похлопочу... А сейчас пойду-ка я испытаю судьбу. Загадал, что если в первой сдаче не проиграю, то всё у нас закончится благополучно. Вы со мной?

- Нет, хочу с нашим кондуктором поболтать. Ведь мы с ним старые приятели - на Кукуевке познакомились.

От станции «Лопасня» до Серпухова скорый поезд пойдет без остановок. Кондукторы имеют возможность немного передохнуть. Но поболтать старым приятелям, тем более распить бутылку хорошего коньяка, прихваченную Лавровским в дорогу, не удалось. Через тамбур в соседний вагон торопливо прошёл актёр Талантов.

- Коля, проследи за ним, - попросил Алексей Фомичёва. - Очень не нравится мне этот господинчик.

- Не положено мне, Алексей, из своего вагона отлучаться. Не дай бог, нагрянет обер с обходом - тогда скандал.

- За это не волнуйся. В случае чего скажу ему, что ты мою записку жандарму в хвостовой вагон относил.

- Тогда другое дело.

Вернувшись, Фомичёв доложил:

- Вначале, во 2-м классе подошёл он к кондуктору Серёжке Петренко, потом к прилично одетой барышне. У обоих денег просил.

- Дали?

- Серёжка послал его по матушке. Ты, говорит, такой-сякой, ко мне сегодня покупателей не прислал, из-за тебя без копейки сажу. А барышня дала две двадцатипятирублёвки.

- Барышня? Скорее всего, высокая стройная брюнетка лет двадцати? Угадал?

- Да не совсем. Молоденькая, только не высокая, да и веса в ней пудов пять будет. Настоящая купеческая дочка, кровь с молоком... А в 3-м классе разговаривал твой бритый с нехорошим человеком - с Агеем Южаковым.

- Впервые о таком слышу.

- В Туле его все знают. Он ломовым извозчиком числится, а на самом деле краденное скупает. Всё самое ценное, что на товарной станции тырят, через его руки проходит.

Поезд стал замедлять ход.

- Вот и Серпухов, - сказал кондуктор. - Половину пути проехали.

Оставшаяся часть пути прошла без каких-либо примечательных происшествий. Все, кроме Лавровского и Воронова, были поглощены баккарой. Фортуна улыбалась то одному, то другому. Алексей с усмешкой наблюдал за бледным Талантовым, поставившим видимо последнюю двадцатипятирублёвку.

- Не привык, бедолага, без краплёных карт обходиться, - тихо сказал Воронов. - Ничего. Это ему наука.

В конце концов, удача снизошла к актёру и он немного отыгрался. Дрожащими пальцами спрятав в бумажник рублей двести, Талантов поднялся с дивана:

- Всё, господа. Я пас.

Когда подъехали к станции «Иваново» Воронов накинул на плечи николаевскую шинель с бобровым воротником:

- Сказывали мне, что здесь бабы выносят к поездам мочёные яблоки изумительного вкуса.

- Яблоки здешние хороши. Только учтите, поезд стоит всего три минуты, - предупредил его Свечин, на мгновение, оторвавшись от карт. - Смотрите, не отстаньте.

Алексей подошёл к окну. Но из-за разыгравшейся метели перрон почти не был виден.

От поезда Мишель не отстал. Но вернулся без яблок:

- Ни одной торговки. Всех погода распугала, - сказал он и снова принялся листать газеты.

Устроившись в удобном просторном кресле Лавровский незаметно задремал, разбудил его голос кондуктора:

- Станция «Тула». Стоянка поезда пятнадцать минут.

Глава 11

НЕ ОНА, А ОН

Николай Вельяшев обожал кофе по-турецки и яичный ликёр «Адвокат», который в кондитерской Трамбле подавали в приземистых широких стаканах, украшенных пышной шапкой взбитых сливок. Ликёр этот был таким густым, что его не пили, а ели ложками. Но сегодня и любимые лакомства не радовали. Размышления о том, где достать денег хорошему настроению не способствуют.

... Многие ему завидовали, считали везучим. Ещё бы! Что ожидало отпрыска небогатой, не имеющей связей дворянской семьи из Воронежской губернии после окончания Константиновского юнкерского училища? Разумеется, служба в армейской пехоте, куда его и направили. Но в это время, в связи с назревавшей войной, начали формировать четвёртые батальоны гвардейских пехотных полков. Внешность Вельяшева оказалось подходящей для лейб-гвардии Павловского. В нём по давней традиции отдавали предпочтение нижним чинам и офицерам похожим на императора Павла I - невысоким курносым блондинам. В шутливой песне «Журавель», в которой по куплету обо всех гвардейских и многих армейских полках, так и поётся:

Кто курносы, как телята?

Это павловцы - ребята.

В рядах павловцев Николай прошёл всю турецкую войну. Был в жарких делах под Горным Дубняком и Филиппополем. И ни единой царапины! За личную храбрость получил «клюкву» - орден святой Анны 4-й степени. Награждён Анной и Станиславом 3-й степени с мечами и бантами.

Человеку, не имеющему приличного состояния служба в гвардии не по карману. Рано или поздно пришлось бы Вельяшеву задуматься о переводе в армию или об отставке. Однако снова

вмешался случай. Посчастливилось ему попасть в число «поручиков 1882 года».

Всесильный министр Императорского двора граф Воронцов-Дашков обратил своё внимание на казённые московские театры. Положение там сложилось критическое. Актёры распустились: исправно получая жалование, перестали ходить на репетиции; нередко, сказавшись больными, отправлялись на гастроли по провинции. Старые театральные чиновники заворовались. В результате некогда знаменитые на всю Россию московские драма, опера и балет стали хиреть. Особенно последний: временами спектакли шли почти в пустом зале. Министр решил, что никто не сумеет навести порядок лучше молодых энергичных гвардейских офицеров. Управляющим конторой Московских Императорских театров был назначен поручик Пчельников. Он, в свою очередь, порекомендовал на должность полицмейстера Большого театра Николая.

Сослуживцы ему завидовали:

- Блестящая карьера. Оставаясь в гвардии, прикомандирован к министерству двора, где жалование побольше нашего. Бесплатная квартира при театре. Да и сама должность перспективная - у сильных мира сего на виду. Из полицмейстеров высоко прыгнуть можно.

А Вельяшев мечтал совсем о другом - о карьере оперного певца. Ещё в Петербурге

участвовал в любительских концертах. На одном из них пел он романс Бородина:

*Отравой полны мои песни
И может ли иначе быть?
Ты, милая, гибельным ядом
Сумела мне жизнь отравить.
Отравой полны мои песни
И может ли иначе быть?
Немало змей в сердце ношу я
И должен тебя в нём носить!*

Услышал его Бородин и пришёл в восторг:

- Вам на сцену надо - грешно такой талант в землю зарывать.

Молодой офицер расцвёл от похвалы. А композитор продолжал:

- Голосом вас природа замечательным наделила. Но этого мало! Учиться вам надо. Для этого лучше всего поехать в Италию.

- Куда же я поеду? - вздохнул Николай. - Служба.

Бородин понимающе кивнул. Он и сам служил - возглавлял кафедру химии в Петербургской медико-хирургической академии:

- Да, служба... Сочувствую. Но учиться всё равно надо. Для начала возьмите несколько уроков у Фёдора Петровича Комиссаржевского.

Он правда берёт дорого, но, могу вас заверить, оно того стоит.

Этот разговор вспомнился Вельяшеву, когда он узнал, что Комиссаржевский недавно переехал из Петербурга в Москву и сейчас преподаёт в консерватории. Набравшись смелости, пошёл к нему. Прослушав молодого офицера, Комиссаржевский заявил:

- Согласен с вами заниматься. Первая половина января у меня уже расписана, а вот во второй смогу выделить для вас десять часов на общих условиях.

Вельяшев слышал про эти «общие условия» - за пятнадцать минут занятий маэстро берёт десять рублей...

Вот и ломал сейчас голову Вельяшев, где к следующему понедельнику раздобыть четыре сотни. Нередко поправить финансовое положение ему бега помогали. Он, как и многие уроженцы Воронежской губернии, любил рысаков и неплохо в них разбирался. Но вчера ему не повезло. Свечинский Гармонист, который по всем расчётам вне конкуренции должен был прийти первым, неожиданно проиграл никому не известному Непобедимому. А потом поставил на офросимовскую Амбицию - послушался этого усатого репортёра. Как распинался, мерзавец! Мне, дескать, сам Пашка Чернов шепнул, что малютинская Звёздочка разладилась. Врал,

значимость свою показать хотел, чтобы выцыганить контрамарку. Хорошо, что не дал.

При мыслях о контрамарках помрачнел ещё больше. Предстоящая премьера оперы Чайковского «Мазепа» вызвала у москвичей давно невиданный ажиотаж. Да и не только у них. Полицмейстера замучили просьбами знакомые по Петербургу и Воронежу. Приходится всем отказывать, так как имевшийся в его распоряжении запас давно разошёлся. Даже на долю охранного отделения, сотрудники которого в силу своих служебных обязанностей должны находиться на спектакле, ничего не осталось. Придётся обращаться за содействием к управляющему конторой.

К его столу подошёл Малинин:

- Не помешаю, Николай Георгиевич?

- Да, что вы! Всегда рад вас видеть.

Он не лукавил: знал, что Сергей не театрал, следовательно не будет слёзно кланяться контрамарку.

- Гляжу, не веселы вы сегодня?

- Бывают в жизни огорченья, как сказал кто-то из наших доморощенных поэтов, - грустно улыбнулся Вельяшев. - Поставил вчера на Амбицию и очутился на мели.

- На Амбицию?! Была вам охота деньги на ветер бросать.

- Знающий человек присоветовал.
- Это кто же такой умный выискался?
- Гиляровский из «Русских ведомостей».

- Нашли кого слушать! Из него знаток как их меня балерина. Он рысака не любит. Купеческая, говорит, лошадь. Тоже мне аристократ нашелся.

... К Владимиру Гиляровскому - широкоплечему приземистому рыжему усачу - окружающие относились по-разному.

Алексей, например, был от него в восторге: говорил, что он репортёр от бога, храбрец и удалец каких мало, хороший товарищ. А Сергей считал его вралем и бахвалом, ничего не делающим без выгоды для себя лично.

- Среди нашей газетной братии, друг мой, святые не водятся, - возражал ему на это Лавровский. - Выгода у него на уме? Кормиться всем надо. Мы с тобой, между прочим, тоже не бессребреники. Бахвал и враль? Имеется за ним такой грешок. Только мне отродясь не приходилось встречать человека, которому за один длинный язык солдатского Георгия дали...

- Володька в беговом обществе авторитетом не пользуется. Попробовал он как-то в членскую сунуться, так вице-президент распорядился вывести его и пригрозил, что в следующий раз ве... - Сергей оборвал фразу на полуслове. В зал

вошла невысокая полная брюнетка лет тридцати: -
Какая женщина!

Вельяшев страдальчески поморщился:

- Похоже, она по мою душу.

- Так вы её знаете? Познакомьте, ради бога.

Брюнетка решительным шагом направилась
к их столу.

- Здравствуйте, Коленька! Совсем вы меня в
последнее время забыли.

- Ну, что вы, Анна Александровна?! Как
можно забыть такую очаровательную женщину?!
Но дела, увы, дела... Позвольте представить вам
моего доброго приятеля, редактора спортивного
журнала Сергея Сергеевича Малинина.

Анна Александровна скользнула по Сергею
равнодушным взглядом, небрежно протянула
руку для поцелуя.

- Рад знакомству, сударыня. Позвольте, что-
нибудь заказать для вас?

- Пожалуй, чашечку шоколада.

- Может быть ещё эклер? - предложил
Малинин. - Они здесь ничуть не хуже чем в
«Кафе-де-Пари».

Как правило, прозрачный намёк на то, что
ему доводилось бывать в Париже, на дам и
барышень действовал безотказно, помогал

завязать непринуждённую беседу. Но на этот раз уловка не сработала.

- Да, да... Не хуже... Коленька, а у меня к вам маленькая просьба. Обещайте, что выполните её.

- Нет уж, сударыня. Такого обещания я дать не могу. Вдруг вы меня мышей ловить заставите? А я их страсть как боюсь.

- Каких мышей? - опешила брюнетка.

- Обыкновенных, серых.

- Но зачем мне мыши?

- Понятия не имею. Только у женщин, порой, бывают самые причудливые желания. Помню, в позапрошлом году влюбилась в меня одна графиня - фамилию, как порядочный человек, называть не стану. Прислала мне записку: я согласна быть вашей, но только при одном условии, - Вельяшев сделал паузу. - Согласна. Но только на рояле. А вы представляете, какой это скользкий инструмент?

- Фу, Коленька... Опять вы со своими армейскими анекдотами.

- Смею вас уверить, это гвардейский анекдот.

- Ах, какая разница... Моя просьба носит самый невинный характер - мне надо два билета на «Мазепу».

- Увы и ах, мадам. При всей моей любви к вам я не имею никакой физической возможности...

- Я на вас обижусь!

Полицмейстер развёл руками:

- Мне остаётся только сожалеть...

Сергей улыбнулся. Вот и пригодился подарок участкового пристава.

- Анна Александровна, буду рад оказать вам эту услугу.

- Вы? - удивлённо приподняла брови дама.

- Да. Могу предложить вам два места в директорской ложе. Сам мечтал побывать на премьере, но видеть огорчение столь очаровательной женщины выше моих сил.

- Откуда у вас эти билеты, Сергей Сергеевич? - изумился полицмейстер.

Врать, так врать, решил Малинин:

- Владимир Андреевич презентовал.

- Какой Владимир Андреевич? - не отставал Вельяшев.

- Долгоруков.

В глазах дамы появился неподдельный интерес к новому знакомому:

- Ой, Серёженька, я так вам признательна.

- Билеты у меня в редакции. Когда и куда вам их прислать, Анна Александровна?

- Заходите ко мне в гости завтра утром. Я живу в меблированных комнатах «Англии», в 17-ом номере... Нет... С утра я буду у портного, потом...

- Признаюсь, утром я тоже занят, а днём мне, скорее всего, придётся надолго уехать из Москвы... Что же делать? Придумал. Давайте зайдём ко мне в редакцию. Это совсем рядом - угол Петровки и Рахмановского переулка.

- Замечательная идея! - согласилась Анна Александровна. - Тем более такой чудесный вечер: совсем не холодно, яркие звёзды, снег скрипит под каблучками.

Полицмейстер не без зависти посмотрел на Малинина. И решил хоть немного подпортить бочку мёда своей ложкой дёгтя:

- Анна Александровна, я слышал об африканской ревности Тамары.

- Какое мне дело до Тамары? - фыркнула брюнетка. - Подождите меня, Серёжа, я сейчас вернусь.

Анна Александровна направилась в дамскую комнату.

- Ну, вы и хват, Сергей Сергеевич, - сказал Вельяшев. - Настоящий Цезарь: пришёл, увидел, победил.

- В последнем сильно сомневаюсь. Ведь она, как я понял, к лесбийской любви склонна.

... Однополая женская любовь - лесбиянство, софизм или, как её ещё называют, трибадия - в России распространена значительно меньше мужеложства. Но, тем не менее, встречается.

В 1880 году Малинин увлёкся юриспруденцией, как наукой, и постоянно ходил на заседания Московского юридического общества. На одном из них познакомился он с красивой женщиной глубоко за тридцать. Все были в восторге от её доклада «По поводу вопроса о праве приобретения земель сельскими обществами в общественную собственность». А Сергея просто очаровали её зачёсанные назад пепельные волосы и умный, чуть насмешливый, взгляд серых глаз. Звали её Анной Михайловной Евреиновой. Жизнь этой женщины напоминала роман.

Родилась Анна в знатной дворянской семье. Отец - боевой генерал и георгиевский кавалер - занимал важную должность управляющего Петергофским дворцовым правлением. Подыскал он для дочери хорошую партию. А та вдруг воспротивилась:

- Не хочу замуж, хочу учиться в университете.

- Дура! - бушевал генерал. - Фрейлиной станешь, на придворных балах танцевать будешь. Ну, неужели тебе этого не хочется?

- Нет.

- Ах, так! Всё равно будет по-моему! Не послушаешься - лишу наследства.

Она не послушалась. Сперва пыталась покончить с собой, а потом, по совету подруги, бежала в Германию. Паспорта, разумеется, не было. Границу пришлось переходить тайно - пешком, через болота, в лёгких шёлковых туфельках. Поступила учиться на юридический факультет Лейпцигского университета. Её интересовали все разделы юриспруденции, но особенно обычное право... Евреинова стала первой русской женщиной получившей учёную степень доктора права.

В Петербург вернулась уже после смерти отца, так и не простившего беглянку. Её статьи, регулярно появляющиеся на страницах «Юридического вестника» и «Журнала гражданского и уголовного права», всегда вызывают интерес у юристов.

Женщина заметила, что молодой человек увлекся ею, и, однажды, сказала ему:

- Послушайте доброго совета, Серёжа. Выкиньте эту блажь из головы. Во-первых, я намного старше вас. Во-вторых, люблю другую.

Он подумал, что ослышался:

- Другого?

- Нет. Другую. Марию Фёдоровну.

Примерно в это же время Малинин познакомился с известным акушером и специалистом по женским болезням Тарновским, у которого лечилась его сестра. Оказалось, что врач давно уже занимается изучением темы, до сих пор считавшейся в России неприличной, а потому и запретной. Много нового услышал от него Сергей:

- Трибадия, молодой человек, как активная, так и пассивная, достаточно распространена между женщинами всех сословий... Строгая и глубокая тайна, которой окружён этот способ полового удовлетворения у женщин, служит причиной ошибочного мнения, что это явление редкое, исключительное. На самом деле оно далеко не так редко... Пассивные трибадки имеют одну необъяснимую способность - узнавать активных по первому взгляду. Они сами мне рассказывали, что в глазах незнакомой активной трибадки видят какой-то особенный блеск, огонь... Весьма склонны они к перемене имён. Активные всегда называются ласкательными мужскими именами - Миша, Саша, Серёжа... Есть у них и общее название: в кругах интеллигентных - кузен, в низших сословиях - дядюшка. Пассивные, в своей компании, именуются сестрицами, сестричками или кузинами... Когда-нибудь издам на эту тему серьёзный научный

труд, который будет очень полезен для врачей и юристов.

А с Евреиновой Сергей остался в приятельских отношениях. До сих пор они изредка обменивались письмами. Буквально несколько дней назад она сообщила ему, что собирается издавать в Петербурге ежемесячный литературный журнал и попросила заранее подыскать интересных, но не очень дорогих, писателей, поэтов, публицистов из москвичей...

Хоть и невелики шансы, а попробовать надо, решил Малинин, она, наверное, много чего знает и про Тамару с Николаем и, вполне возможно, про Чекана.

- Тамара, отличающаяся африканской ревностью, как я понимаю, активная трибадка? - спросил он Вельяшева.

Тот звонко расхохотался:

- Браво, Сергей Сергеевич, браво! Эту сволочь, как только не костерили, а вот так ещё никто не называл! Трибадка - красиво звучит, хлётко.

- Николай Георгиевич, пока Анна Александровна не вернулась, расскажите мне, кто такая Тамара. Поверьте на слово, очень надо.

- Хорошо. Только с чего вы взяли, что Тамара женщина?

Оказалось, Тамара это второстепенный актёр, игравший первые роли в театрах южных городов. Ходят упорные слухи, что он шулер, аферист и сутенёр. Прошлой осенью перебрался в Москву, пока нигде не служит.

- Где живёт? Как его зовут? - допытывался Сергей.

- Помилуйте, Сергей Сергеевич! Была мне охота всякую шваль по имени - отчеству помнить. Мы с ним шапочно знакомы. Сунулся он было ко мне с какой-то просьбой, барышню в обмен посулил, так я его турнул - навек дорогу ко мне забудет... А вот Анну Александровну в его обществе я, действительно, частенько видел. Кстати, никакая она не трибадка, скорее напротив. Говорят у неё большие фантазии по части любовных игр.

Воодушевлённый Сергей подозвал важного мужчину в чёрном фраке - распорядителя:

- Любезный, прикажи, чтобы мне завернули с собой эклеров, профитролей, мармеладцу разного.

- Ликерцу прикажите-с?

- Пожалуй.

- Тогда порекомендую последнюю парижскую новинку - «Куантро». Дамы очень одобряют-с.

- Хорошо. Только побыстрее.

- Раньше, чем через четверть часа никак-с не получится.

В разговор вмешался Вельяшев:

- Пётр Иванович, голубчик, надо побыстрее. Я тебя об этом очень прошу.

- Будет исполнено-с, Николай Георгиевич.

- И заодно уж, выясни, где наша дама запропастилась.

- Анна Александровна? Так она уехала-с.

- Как уехала? - опешил Малинин.

- Так-с. Вышла она из дамской комнаты, а её уже господин один ждёт-с. Пошептались о чём-то. Он ей шубку-с помог одеть и в сани свои посадил.

- Что за господин, знаешь? - спросил Малинин.

Распорядитель замялся.

Вельяшев подмигнул Сергею, смотри, мол, как с ними надо:

- Пётр Иванович, помнится, ты у меня контрамарочку на галёрку для племянницы просил. Было такое дело?

- Было-с.

- Тогда держи.

- Премного благодарен-с.

- А господина того случайно не вспомнил?

- Вспомнил-с. Полковник Муравьёв из сыскогого...

По дороге в сыское Сергей забежал на телеграфную станцию и отправил ещё одну телеграмму Лавровскому:

Хозяин конюшни мужчина. Просто фамилия такая. Малинин.

Глава 12

ГОСТИНИЦА ЧАЙКИНА

Из-за разыгравшейся метели скорый поезд опоздал почти на час - прибыл в Тулу только в семь вечера. На перроне Московско-Курского вокзала, ярко освещенном газовыми фонарями было многолюдно: пассажиры, встречающие и провожающие, гостиничные агенты - зазывалы, артельщики, суетливо снующие с багажом.

- А, что тут, вот, полицмейстер с прокурором делают? - спросил Офросимов, увидев выходящую из здания вокзала группу людей в форменных шинелях. - И старший советник губернского правления с ними. Тебя, вот, Фёдор Александрович, встречают.

- Губернскому предводителю дворянства, Сашет, такие почести по должности не полагаются. Только губернатору, - ответил Свечин. - Николай Васильевич! Вечер добрый!

Прокурор Тульского окружного суда Давыдов близоруко прищурился и увидев, кто его окликнул, заулыбался:

- С возвращением, Фёдор Александрович! Здравствуйте, господа.

- А чего это, Коля, тебе в такую погоду дома не сидится? - поинтересовался Сашет. - Снега по колено намело. Да и холодно - только из вагона, а уши и нос уже замёрзли, хоть беги в буфет греться... Или какая важная персона в наш город пожаловала?

- Важнее некуда. Железнодорожные жандармы порадовали - главного подручного атамана Чекана, по нашей подсказке, в поезде арестовали. Хочу, не откладывая дела в долгий ящик, лично его допросить. Надо с разбойниками кончать, а то совсем обнаглели. Представляете, господа, сегодня выяснилось, что они готовили своим подельникам побег из тюрьмы.

Репортёр в Лавровском, как и всегда в подобных случаях, взял верх:

- Но каким образом? Тульский губернский тюремный замок на всю Россию известен своим строгим порядком. Из него арестанты ещё ни разу не бежали.

- Совершенно верно, - поправил пенсне, польщённый прокурор. - Порядок, не без участия прокурорского надзора, наведён образцовый. Однако, предатели, к сожалению, встречаются

всегда и везде. Разбойники подкупили одного из младших надзирателей. Сегодня мы этого иуду с поличным взяли.

Двое жандармов вывели из последнего вагона чернобородого здоровяка со скованными за спиной руками.

- Вот идиоты, не могли задержанному на плечи полушубок накинуть, чтобы публику не смущать, - покачал головой Давыдов. - Извините господа, но должен откланяться... Фёдор Александрович, чуть не забыл. Сегодня в девять наш бурбон совещание назначил по вопросам охраны порядка и общественной безопасности. Будет, как всегда, распекать всех и хамить. Может, тоже подойдёте? При вас он себя ведёт куда как достойнее.

...Тульский губернатор тайный советник Сергей Петрович Ушаков был, в принципе, человеком добрым. Только временами вспоминал о своем происхождении - поговаривали, что он незаконный сын Николая I, отличавшегося крутым нравом. Да и долгая служба чиновником для особых поручений при московском генерал-губернаторе Закревском, о самодурстве которого до сих пор анекдоты рассказывают, без следа не осталась. Поэтому и любил он иной раз устроить выволочку нижестоящим. При том доставалось не только его непосредственным подчиненным, но всем служащим в губернии, независимо от их ведомственной принадлежности. Но при Свечине,

однажды сделавшем ему замечание, вести себя так Ушаков остерегался. Знал, что в случае скандала с выборным губернским предводителем дворянства, любой губернатор не долго засидится на своем месте - петербургское начальство, как правило, принимает сторону предводителя...

- Хорошо, Николай Васильевич, - пообещал Свечин. - Непременно буду.

- А потом к Чайкину подъезжай, - предложил Офросимов. - И ты, Коля, тоже. Слушал я в воскресенье соколовский хор у «Яра». Вот и хочу его сравнить с нашим тульским. Чьи, вот, цыгане душевнее поют? Наши или московские? Да и кутнуть, что-то настроение имеется. Я из Москвы три дюжины настоящей «Вдовы Клико» прихватил. Оно получше любых моэтов и редереров будет... Всех приглашаю, господа! Славно, вот, повеселимся!

- Превосходная идея, Сашет! - обрадовался Алексей Добрынин.

... Своей пирушкой Офросимов неожиданно очень помог ему. Приглашая гостей, Добрынин предполагал сразу повести их на завод в Прилепы, где он был полновластным хозяином. Но из-за свидания назначенного вымогателями приходится до среды задержаться в Туле. Конечно, здесь у Добрыниных дом есть. Их каменный с белоснежными колоннами особняк на Петропавловской улице считается лучшим в городе. Все самые почетные гости туляков

останавливаются в нем, покойный император Александр II своим посещением его трижды удостоил. Только вот распоряжается в этом доме не Алексей, а его отец - властный старик Николай Никитич, который очень не любит когда, что-либо делают, предварительно, не спросив его распоряжения. Была и ещё одна весома причина. Пока не закончится вся эта нехорошая история с разбойниками, Алексей решил держаться подальше от родных. Мало ли, что случиться может...

- Превосходная идея, Сашет! - повторил Добрынин. - Только насчет французской вдовушки, ты преувеличиваешь. Немецкие сироты из Висбадена ничуть её не хуже. В прошлом году заказали мы у них сотню бутылок. Если в подвале ещё, что-нибудь осталось обязательно с собой захвачу.

Добрынин имел в виду сект - игристое вино, которое почти пятьдесят лет назад стали изготавливать на заводе Адама Хенкеля в Висбадене. Сам знаменитый винодел давно умер. Но его дети успешно продолжили дело отца. Их сект знатоки ценят не меньше французского шампанского.

- Замечательно! Будем сравнивать московских и тульских цыган, французские и немецкие вина, - Сашет, которому от приятных мыслей было уже совсем не холодно, распахнул

шубу и достал часы. - Пока с дороги в порядок себя приведём, то да сё... жду вас к одиннадцати.

Все закивали в знак согласия. Только Мишель Воронов сокрушённо развёл руками:

- Увы, рад бы в рай, да грехи не пускают. Мне надо в Лиманцево к Кривцовым. Страхового агента на среду вызывали, но я должен к встрече с ним подготовиться. Возьму сейчас тройку и поеду.

- На ночь глядя?! Одумайтесь, - попытался урезонить его Офросимов. - Боязно...

- А чего бояться? Чекана, как я понимаю, доблестная тульская полиция и железнодорожная жандармерия со всех сторон обложили. Забился, наверное, в какую-нибудь нору и дрожит от страха.

Лавровскому в его голосе почудилась какая-то лёгкая насмешка.

В Туле много приличных гостиниц - «Санкт-Петербург», «Лондон», «Эрмитаж»... Но лучшая в городе, несомненно, «Московская», которую много лет содержит купец Чайкин. Это заведение аристократическое, в нём останавливается всё дворянство Тульской губернии. Приезжим нет необходимости нанимать извозчиков - к каждому поезду, прибывающему на Московско-Курский и Ряжский вокзалы Чайкин присылает гостиничные кареты.

Длинное двухэтажное здание «Московской» двумя подъездами выходит на главную улицу города - Киевскую, а третьим - на Площадную. На втором этаже со вкусом меблированные номера, на первом - трактир. Впрочем, хозяин на столичный манер, предпочитает именовать его рестораном:

- Лучшее ресторанное заведение во всей губернии. Любой ваш каприз исполнить можем. Повара отменные, один даже в Париже служил. Кухня русская и французская. Напитки, от кислых щей и нашей родной «Сухарной», до самых изысканных вин. Есть бордо, бургунское, рейнвейн, мозельское...

Много дворянских состояний было прокучено в большом зале ресторана. А ещё больше в отдельных кабинетах, примыкающих к нему.

Офросимов заказал один из них и сразу стал распоряжаться:

- Перво-наперво, пошли за Мишей Шишкиным, скажи Александр Палыч из Москвы, вот, вернулся и настоятельно его просит компанию составить.

- Будет исполнено, - отвечал Чайкин, сам вышедший к уважаемому гостю.

- Насчет холодных закусок, вот, много говорить не стану. Сам знаешь, как у меня принято - всего самого лучшего и побольше.

Пармезан и рокфор, вот, не забудь. Устрицы свежие?

- Вчера привезли и фленсбургские, и остендские. Каких прикажите?

- Озадачил ты, вот, меня. Сам я остендские предпочитаю - они, хоть и помельче, зато пожирнее. А другие, вот, фленсбургские любят... Давай, вот, тех и других. Стерлядок горячих, на можжевельнике копченых, подай.

- Ни как не получится, Александр Павлович. Их за сутки заказывают.

- Экая досада! Больно уж их, вот, Коля Давыдов обожает.

- Какой Давыдов? Прокурор?

- Он самый. Под водку, говорит, лучшей закуски нет.

- Будут стерлядки. Каширские купцы заказывали. так я объясню им...

- Ну, вот, и замечательно. Теперь, вот, галантин из куропаток, дичь по-охотничьи, из рыбного что-нибудь - тюрбо, вот, и форель в белом вине. Только смотри, вот, чтобы лимона, как в прошлый раз, не переложили.

- Жженку готовить будете?

- Непременно! Чашу серебряную вели принести самую большую...

К гостям подошел седой управляющий:

- Пожалуйте, в ваши номера, господа. Только сперва паспорта извольте. Нонче с этим у нас строго стало.

- С чего вдруг?- поинтересовался Лавровский. - Помнится, два года назад пришлось ночевать мне в гостинице на Томилинской, так у меня паспорта даже не спросили.

- Непокойно в городе ноне, - понизил голос управляющий. - Пристав заходил, предупреждал. Не дай бог, говорит, попадешься на нарушении правил прописки, со свету белого сживу. Чекан, сказывают, со своей шайкой снова объявился.

- Да ну? - деланно удивился Алексей. - Я слышал, всех его подельников изловили, а сам он сбёг за границу.

- Врут. Он ночью на тюремный замок напал. Надзирателей с дюжину перебил. Гренадерский полк по тревоге поднимали...

Плохо когда в городе нет ежедневных газет, подумал Лавровский. Конечно, и они порой страсти нагнетают, но чаще всё-таки успокаивают.

- Да разве похожи мы на разбойников, любезный? Ты только взгляни на Георгия Ивановича - сразу видно, что это гусарский офицер. А господин Котиков? Настоящий барин!

Управляющий чуть заметно усмехнулся:

- Оно, сударь, конечно. Настоящих бар за версту видать... Только ведь и злодей Чекан в армячишке драном и лаптях ходить не станет. И в халупах зареченских ему селиться не резон, после того как у Добрынина полтораста тыщ хапнул. Да и полиция там куда зорче бдит, чем у нас или в «Эрмитаже».

Толковый старик, решил Алексей, обязательно надо с ним поближе сойтись.

Внимательно посмотрев паспорта новых постояльцев, управляющий сказал:

- Господин Лавровский, вам две телеграммы из Москвы. Вот в этой книжечке распишитесь и получите. Плату за доставку мы в счет включим.

Из двух телеграмм для начала Лавровский выбрал короткую, всего несколько слов:

Хозяин конюшни мужчина тчк Просто фамилия такая тчк Калинин

- Бред какой-то, ничего не разберёшь. Лишний гривенник, что ли потратить пожалел? - проворчал Лавровский. Но взглянув на время получения телеграмм понял, что сам виноват - взялся сразу за вторую.

Жеребца Трагика купила некая Тамара тчк Вороня Лиса тоже из её конюшни тчк Хозяйка и наездник Николай сейчас в Туле тчк Там и родная сестра Лисы вороня Вера зпт рожденная в

*заводе Александра Белотелова тчк Приехала
одним поездом с тобой тчк Очень перспективная
лошадка тчк Приглядишь к ней тчк Малинин*

Лавровский перечитал несколько раз. Молодец Сергей! Эта телеграмма обошлась ему в рубль тридцать. Зато все понятно изложено. При том, зашифровано так, что чужой поверит - речь идет о рысаках, наездниках и владельцах призовых конюшен. А что мы имеем на самом деле?

Спившегося трагика Низовского за небольшую плату нанял следить за Добрыниным некий господин Тамара. Повезло нам, что у него такая странная и редкая фамилия - искать легче. В хороводе Тамары и вальжная брюнетка в шубе из чернобурок - Анна Александровна. Лиса - хорошую для неё кличку придумал Сергей.

Сейчас Тамара и какой-то Николай в Туле. Судя по тому, что Малинин называет его наездником, Николай этот играет в шайке далеко не последнюю роль, только вот искать человека со столь распространенным именем занятие пустое. Вначале Тамару найти надо.

Теперь прикинем, что нам известно про родную сестру Лисы Веру Александровну Белотелову. Вороная, сообщает Сергей. Значит брюнетка. Носит фамилию отца. Следовательно, ещё не замужем и, видимо, моложе сестры... А не та ли это барышня из 2-го класса, о которой

говорил кондуктор Фомичёв? Сходятся приметы - молоденькая брюнетка. Она, несомненно, она!

Хорошо Сергей с Семёном поработали, мысленно похвалил Лавровский друзей, да и я не подкачал: выяснил, что знакома младшая лисичка с шулером Талантовым, даже денег ему дала, когда проигрался. Скорее всего, этот актёр и антрепренёр тоже в их хороводе. Он личность тёмная - шулер, с тульским блатер-каином знаком...

Кстати, а куда Тамара подевался? Когда на перроне стояли он вместе со всеми был, а как вышли на вокзальную площадь - так сразу исчез. Ладно, им мы завтра займёмся. А сейчас надо давнего знакомого навестить. Алексей вызвал коридорного:

- Принеси мне «Адрес - календарь Тулы», только не времен царя Гороха, а свежий.

- У нас все самое свежее-с: и справочная книга, и устрицы, и ..., - коридорный блудливо подмигнул. - И девочки. Не прикажите-с?

- А хорошенькие?

- Высший сорт-с. На любой вкус. Так пригласить?

- Потом как-нибудь. А сейчас календарь неси... Подожди-ка, любезный. Тебе фамилия Тамара ничего не говорит? Нет ли среди ваших постояльцев такого господина?

- Как-же-с, фамилия редкая, - начал словоохотливый коридорный, но вспомнив, что клиент, на котором он рассчитывал малость деньжат заработать, надежду не оправдал, осекся. - Не положено нам о постояльцах судачить. За это можно и место потерять-с.

Слышал он эту фамилию раньше, понял Лавровский, только говорить не хочет. Ничего, сейчас мы тебе язык развяжем.

- Тебя как зовут, любезный?

- Михаилом.

- Грамотный?

- Обучен-с.

- Тогда читай, Мишаня.

Лавровский протянул ему небольшую карточку плотного картона со своим фотографическим портретом и печатью.

Коридорный прочитал и побледнел. Документ гласил, что не имеющий чина Лавровский Алексей Васильевич является внештатным полицейским надзирателем Московского управления сыскной полиции.

... Карточку эту получил Алексей в январе прошлого года, когда ловили шайку Моти Адвоката. Для пользы дела полковник Муравьев временно принял их с Сергеем на службу. Срок действия карточки истёк ещё 1 марта 1883 года. Но Алексею жалко было расставаться со столь

полезной бумаженцией. Сказал, что утерял. А потом подобрал похожие чернила и переправил тройку на пятёрку. Показывать эту липу серьёзным людям он не собирался. Но для мелкого провинциального сутенёра сойдёт...

- Места, Мишаня, любой лишиться может - и болтун, и молчун. Да не бойся, не намерен я Чайкину сообщать, что ты клубничкой приторговываешь.

- Премного благодарен-с.

- Там ты, вроде, о Тамаре что-то любопытное рассказать хотел?

- Среди наших постояльцев его нет-с и не было-с. А вот до Рождества служил я в гостинице «Биржа», так там господин Тамара Савелий Акакиевич останавливался. Актёр и антрепренёр он. Одевается богато, с господами важными компанию водит, в карты играет, дам и барышень вокруг него всегда полно-с.

- Как выглядит?

- Чернявый, не худенький, лицо бреет-с.

- Что ещё запомнил?

- Да вроде всё-с... Не, вспомнил! Жидомор он, никогда на чай больше пяточка не давал.

Алексей рассмеялся:

- Намёк понял. Держи целковый... А проституток Мишаня я не люблю. Хотя к женщинам, есть такой грех за мной, очень даже не

равнодушен. Особенно нравятся мне молоденькие пышные брюнеточки, эдакие пышечки, кровь с молоком. Увидишь где такую - шепни словечко, в накладе не останешься... А теперь тащи календарь.

Получив толстый справочник. Алексей быстро нашёл то, что хотел - адрес старшего ревизора губернской контрольной палаты титулярного советника Кобылинского. С удовольствием отметил, что за прошедшие два года его «крестник» получил повышение, как в чине, так и в должности.

Глава 13

АКТЁР И АДВОКАТ

Полковника Муравьёва Сергей встретил у входа в управление сыскной полиции. Тот был в пальто, небрежно наброшенном на плечи, без шапки.

- Простудитесь, Константин Гаврилович. Не весна на дворе.

- Ничего, я недалеко ходил - к обер-полицмейстеру вызывали... Что же это за жизнь такая, Серёжа? Как только займешься интересным делом, так обязательно начальству за каким-нибудь пустяком понадобится.

Судя по словоохотливости и по азартному блеску в глазах, начальник сыскной полиции был в превосходном настроении. Не иначе, как это

связано с задержанием Анны Александровны, решил Малинин.

- И к какому такому интересному делу причастна госпожа Старцева, можно полюбопытствовать?

- А ты откуда уже знаешь? Подожди, подожди... Так это ты был с ней и Колей Вельяшевым у Трамбле! Не признал я тебя по описанию швейцара: жидок, говорит, с ними какой-то, на кота похожий.

Раньше Малинин носил только небольшие усы. А недавно, по совету барышни, с которой встречался, отрастил эспаньолку.

Ну вот, грустно подумал он, уже и за сутенёра принимают из-за этой чёртовой бородёнки. Завтра же сбрую!

- Хорошо, что ты пришёл, - улыбнулся Муравьёв. - Мне эту барыньку допросить надо. Напарник требуется. А я всех своих, как на грех, отдыхать отправил. В управлении только Чистяков, а от него, сам знаешь, толку мало. Поможешь?

Малинину не раз приходилось участвовать в допросах, которые вёл полковник. Как правило, ему отводилась роль «злого полицейского», а Муравьёв играл «доброго» - искренне сочувствующего и озабоченного только тем, как помочь подозреваемому выпутаться из неприятной истории. «Злым» он бывал, когда вел

допрос один. Тогда в ход пускались не только брань и угрозы, но и кулаки.

- Договорились, - согласился Малинин. - Только сегодня «добрым» буду я.

- С чего вдруг? Тебе роль молодого энергичного карьериста, для которого судьбы людские пустой звук, очень подходит. Ротмистр Брусникин из губернского жандармского управления, если не ошибаюсь?

- Ошибаетесь. Чиновник особых поручений при директоре Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов подполковник Брусникин. Командирован из Петербурга для расследования дела, в котором, наряду с такими тягчайшими уголовными преступлениями, как разбой и святотатство, усматривается социалистическая пропаганда.

- Поздравляю с повышением, Сергей Сергеевич. Эдак вы скоро и до генеральских эполет дослужитесь. Однако при таких должностях и чинах «злым» логичнее быть.

- Константин Гаврилович, свою партию с Анной Александровной я уже начал, несколько ходов вперёд продумал.

- Понятно. У тебя в этом деле свой интерес имеется? Очевидно, он связан с вашим частным сыском. Так в чем интерес-то, Серёжа?

- А вам Степанов ничего не рассказывал?

- Подожди, подожди... Чекан, вымогательство денег у тульского коннозаводчика... Дама в шубе с чужого плеча?

- Совершенно верно. А вас чем она заинтересовала?

Муравьёв понизил голос:

- Осенью у генерал-губернатора украли часы...

- Украла молодая стройная девица лет двадцати. Она слегка картавит: не выговаривает букву «р», если за ней идёт согласная.

- Да я гляжу, у моих орлов от тебя секретов нет?

- А чего таиться? Я всё знаю, да молчать умею. К тому же, как говорится, без пяти минут сотрудник управления.

- Надумал, значит, вернуться?

- Надумал, Константин Гаврилович.

- Вот и замечательно! Конечно, министр не приветствует возвращение на службу лиц ранее уволившихся из полиции. Но это я улажу. А сейчас слушай...

... Разумеется, Муравьёв не надеялся, что генерал-губернаторский брегет «всплывёт» в какой-нибудь ссудной кассе. Эти частные учреждения, занимающиеся выдачей мелких кредитов под залог движимого имущества,

находятся в Москве под надёжным полицейским присмотром.

Согласно принятому в 1879 году закону лицо желающие заняться выдачей ссуд под залог, обязано испросить на то разрешение у обер-полицмейстера. В его воле признать просителя нравственно благонадёжным и выдать разрешение сроком на пять лет или отказать. Не трудно догадаться, что те, кто изъявлял желание на сотрудничество с полицией, признавались нравственными и благонадёжными.

Да и контроль за деятельностью касс установлен жёсткий. Его осуществляет особая депутация, состоящая из представителей городской думы и полиции. Она не реже одного раза в год проверяет каждую кассу: как ведутся книги закладов и продаж; выставлены ли на видном месте печатный экземпляр «Положения о ссудных кассах», преysкурant размера процентов по ссудам и платежей за хранение закладов... Не возбраняет закон и проведение внеплановых проверок по требованию полицейского начальства и прокурорского надзора, внезапных ревизий. В случае выявления нарушений предусмотрены различные наказания, вплоть до лишения навсегда права содержать ссудную кассу.

Большинство содержателей «дружат» с полицией. Для воров это, само собой, не секрет. Поэтому в ссудные кассы несут свою добычу только «ссявки». Люди посерьёзнее, «фартовые»

предпочитают «блатер-каинов», благо в Москве их предостаточно. У них поменьше получишь, зато не спалишься.

Однако, на всякий случай, Муравьёв разослал во все ссудные кассы подробное описание долгоруковских часов. И оно, сверх всяких ожиданий, сработало.

Сегодня, ближе к вечеру, в сыскное пришёл Тарас Дубиновский, много лет содержащий ссудное заведение на Арбате. В позапрошлом году попал он в большие неприятности - принял несколько новеньких золотых брошей и колец. Заклад оформлять не стал. А вещишки-то оказались украденными из витрины ювелира Отто Крумбюгеля на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Спасло его тогда только заступничество Муравьёва.

Войдя в кабинет, Дубиновский вытащил из кармана потрепанного долгополого сюртука шёлковый платок, неторопливо развернул его и протянул Муравьёву часы:

- Они? Да не сомневайся, Константин Гаврилович, они самые. И брильянтик, как груша у цифирки «12», и надпись дарственная: *«Сыну Володе в память присвоения первого офицерского чина. А.Н.Д. 14 апреля 1829 года»*. Доволен, поди?

Муравьёв готов был его расцеловать:

- Не то слово, Тарас! Очень ты меня выручил.

- Мы добро завсегда помним.

- А кто принёс заклад?

- Барыня одна питерская сегодня принесла. Ладненькая такая, пышная, гляжу на неё да облизываюсь.

- Ох, старый греховодник! - засмеялся Муравьёв. - Из блатных?

- Да нет же, настоящая барыня. Она много мне чего уже перетаскала - кольцо с изумрудом, ожерелье сапфировое, шубу свою соболью... Сперва выкупала в срок, а сейчас дела у неё, видать, совсем плохо пошли.

- Как зовут? Где живёт?

- Зовут её Анна Александровна, по фамилии Старцева, а проживает в меблированных комнатах «Англии» в 17-м номере...

- Помчался я в «Англию», - рассказывал Муравьёв. - Со швейцаром потолковал. Возьми его на заметку - хороший агент из него получится. Молодец старик - всё видит, всё слышит. Извозчика, говорит, она до Трамбле, что на Кузнецком мосту, сторговала. Вот там я её и перехватил.

- Сказали, за что задержали?

- Нет, Серёжа. В таких случаях торопиться не надо. Да и не задерживал я её пока. Попросил вежливо проехать со мной, чтобы засвидетельствовать личность одного

беспаспортного, назвавшегося её петербургским знакомым. Как ты полагаешь, удачный ход?

- А кого задержали?

- Никого. Пусть она о Петербурге думает, тем неожиданнее вопросы о Москве окажутся. Давай так договоримся: когда стану Старцеву допрашивать - дверь приоткрытой оставлю; как грохну кулаком по столу - сразу заходи.

- А вы уже настроились на роль «злого»?

- После любого визита к начальству, Серёжа, это особого труда не составляет.

Первым делом Муравьёв отпустил Чистякова:

- Идите, подготовьте справку для обер-полицмейстера... Только дверь не закрывайте, а то жара, как в бане.

Потом обратился к Старцевой:

- Догадываетесь о причине вашего задержания?

- Задержания? - изумлённо вскинула брови женщина. - Но вы же пригласили меня засвидетельствовать личность какого-то беспаспортного.

- Хватит хитрить, - Муравьёв повысил голос. - Немедленно рассказывайте всё начистоту, а не то...

- Господин полковник! Как вы смеее говорить со мной в таком тоне? Я жена действительного статского советника, я буду...

- Беглая жена, - зловеще усмехнулся Муравьев. - Удивляюсь, почему вас до сих пор не выслали из Москвы и не отправили к мужу. Под конвоем... Впрочем, это не моё дело. Пока не моё, - сыщик достал из несгораемого шкафа брегет. - Часики сии вам знакомы?

Брюнетка вздрогнула:

- Нет.

- Лжете! Содержатель ссудной кассы Дубиновский и его приказчик уверяют, что сегодня вы заложили их за семьдесят пять рублей сроком на десять дней. Вот их собственноручные показания и выписка из книги закладов.

- Ах, а я сразу и не признала их... Это часы моего мужа, их ему отец подарил.

- Да ну? На крышке имеется надпись: *«Сыну Володе в память присвоения первого офицерского чина. А.Н.Д. 14 апреля 1829 года»*. Не сходятся концы с концами. Вашего мужа, действительного статского советника Старцева, зовут Павлом Михайловичем. В военной службе он никогда не был, с молодых лет по министерству юстиции состоит. К тому же в 29-м году ему было от роду пять лет - маловато для офицера. Как вы это можете объяснить?

- Ах, оставьте... Откуда мне знать, кто и когда подарил Павлу Михайловичу часы?

- При чем здесь ваш муж? Это часы московского генерал-губернатора князя Долгорукова. В июне прошлого года их у него украли.

Старцева молчала.

- Запомнили? Это бывает, - почти ласково сказал Муравьев. А потом грохнул кулаком по столу и рявкнул, - А вот я велю тебя в тюремный замок отправить, да посадить в одну камеру с воровками и проститутками! Там сразу всё вспомнишь!

В кабинет без стука вошёл Малинин, небрежно бросить пальто и шапку на диван:

- Что у вас тут происходит, Константин Гаврилович? На улице слышно, как вы шумите.

- Да как не шуметь, Сергей Сергеевич? Знаете в чем изобличена эта особа? В причастности к краже часов у самого генерал-губернатора.

- Ну и что? Это совсем не повод для крика и угроз. Тем более перед нами дама из приличного общества. Настоятельно попрошу вас, господин полковник, вести себя по отношению к задержанной достойно.

Старцева с благодарностью посмотрела на своего заступника:

- Поверьте, я ни в чем не виновата...

Сергей небрежным жестом руки остановил её:

- Помолчите, пожалуйста, Анна Александровна. У вас ещё будет возможность всё подробно мне рассказать. А с общей камерой, Константин Гаврилович, не получится - согласно инструкции МВД лица, подозреваемые в совершении государственных преступлений, подлежат содержанию в одиночках.

- Политика, значит? - поморщился Муравьёв. - А я всё голову ломал, с чего вдруг вы из Петербурга срочно примчались и госпожой Старцевой действительно интересуетесь? Да я, ведь, Анна Александровна, гостя нашего до сих пор не представил. Прошу любить и жаловать - чиновник особых поручений при директоре Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов майор Брусникин.

- Подполковник, - поправил Сергей. - Досрочно произведён за поимку террористки, покушавшейся на жизнь начальника Одесского губернского жандармского управления.

- Поздравляю, Сергей Сергеевич... А в чём обвиняется госпожа Старцева? Разумеется, если это не служебная тайна.

- Не тайна. Тем более, что сыскной и политической полиции придётся работать совместно, ибо наша очаровательная Анна

Александровна признана причастной и к уголовщине, и к политике: разбой, святотатство, социалистическая пропаганда, а возможно, и террор.

- Подождите, подождите... Но ведь это предание военному суду и петля!

- Не сгущайте краски, Константин Гаврилович. Сейчас вешают редко. А вот от четырёх до шеста лет каторги, за дерзостное порицание установленного государственными законами образца правления, обеспечено. Впрочем, если будет доказана причастность к похищению со взломом из церквей предметов священных, то тогда вступит в силу статья 221-я «Уложения о наказаниях» - ссылка в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет... Правильно вам, сударыня, сердце подсказывало - довёл вас Тамара до беды... Анна Александровна! Да, что с вами? Полковник! Даме дурно!

- Мать твою так! - в сердцах выругался Муравьёв. - «Добрый», называется! Довел бабу до обморока... Чистяков! Беги за доктором!

- Вечно вы, сыщики, нам работу даёте, - ворчал дежурный полицейский врач. - Опять, небось, рукоприкладством занимались?

- Бог с вами, подобные противоправные деяния в моём управлении не практикуются, -

заверил его Муравьёв. - Просто подозреваемой плохо стало, когда узнала во что вляпалась.

Нюхательная соль и стакан холодной воды подействовали - Старцева довольно быстро пришла в себя.

- Комнату надо проветрить, - посоветовал врач. - И хорошо бы рюмочку коньячка.

- Да вы вроде водку предпочитаете? - удивился Муравьёв.

- Не мне - даме. А я, будет вам известно, пью исключительно спирт...

Раскрасневшаяся от лафитника мартеля Старцева принялась убеждать сыщиков в своей невиновности:

- Поверьте, господа, я ничего не знала. На первый взгляд такие порядочные люди, а они оказались...

- Охотно верю, - одобрительно кивал головой «добрый» Малинин. - Признаюсь, с первой минуты знакомства я не сомневался - вы жертва обмана.

«Злой» Муравьёв был не столь покладист:

- Пока это только пустые слова. Докажите делом. Кто втянул вас в противоправные деяния? Как их фамилии? Где живут?

- Действительно, Анна Александровна. Нечего их жалеть! Они очень сильно вас подвели. Страшно даже подумать, что сейчас было бы с

вами окажись на месте нас с полковником более жестокосердные дознаватели.

- А чего тут думать? - проворчал Муравьёв.
- Сидела бы в губернском тюремном замке. Свободных одиночек там сейчас нет. А в общих камерах по двадцать человек. Грязь, вонь... Для начала, соседки отобрали бы у вас приличную одежду и бельё, а взамен дали своё рваньё. Потом...

- Довольно, Константин Гаврилович, - остановил его Малинин. - А то опять Анну Александровну до обморока доведёте... Может ещё коньячку, сударыня?

- Спасибо. Только совсем капельку... О ком рассказывать, Сергей Сергеевич?

- В первую очередь меня Тамара интересуется.

- Тамара... Чуяло моё сердце... Мы с сестрой летом дачу в Богородском снимали. Там с ним и познакомились.

... Многие москвичи любят Богородское. Когда в 1881 году был напечатан путеводитель Платонова «Москва и окрестности» их негодованию не было границ. Ещё бы! В книге этой чёрным по белому написано: *«Богородское село, расположенное за Сокольниками, обилует множеством недорогих дач и для осмотра не представляет ничего интересного»*. Как это ничего? А наш лес, переходящий в безбрежный зелёный океан Лосинового острова? А

Сокольническая роща, находящаяся рядом? А Архирейский пруд? На пруд этот, возражали скептики, вам в Черкизово ходить приходится, потому что протекающая рядом Яуза из-за фабричных стоков для купания не пригодна. Действительно, соглашались богородские патриоты, речка грязновата. Зато у нас свой летний театр имеется!

Театр этот, в самом деле, славится на всю Москву. Антрепренёр Роман Вейхель умудряется каждый сезон подбирать неплохую постоянную труппу. А на одно-два выступления приглашает знаменитостей из обеих столиц и провинции. Но не только это привлекает дачников. Многих манит созданный Вейхелем кружок любителей драматического искусства «Почин».

Разумеется, страстная театралка Вера уговорила Анну Александровну пойти в «Почин». Там сёстры и познакомились с чуть полноватым черноглазым жгучим брюнетом со странной фамилией Тамара. На старшую неизгладимое впечатление произвела его яркая внешность, а на младшую - предложение создать свой собственный театр.

- У меня поклонники во всех городах, - хвастался Тамара. - Они мне рады посодествовать. Присмотрел я Тулу. Там летний театр, как раз, пустует. Один я из-за нехватки средств это предприятие не потяну. Где вы, дорогие мои, видели в России богатых артистов?

А вот на паях... Честно вам признаюсь, Верочка, о лучшей компаньонке я и мечтать не мог. Совладелица театра и прима в одном лице это мечта любого антрепренёра...

- Вчера вы весь день следили за тульским коннозаводчиком Добрыниным. Прислугу «Славянского базара» подкупили: интересовались, кто к нему приходил, кому телеграммы посылал. Через служителя бегового общества напомнили ему о свидании в Туле... Не станете этого отрицать? - Малинин пристально посмотрел на брюнетку.

- Не стану. Меня попросил об этом Тамара.

- А для чего ему это потребовалось, сказал?

- Да. Он Николаю угодить хотел.

- Что за Николай такой?

- Тамара сказал, что это очень влиятельный в Туле человек. От него зависит, отдадут ли Вере в аренду летний театр. Фамилия у него иностранная, вечно я её забываю... Вспомнила! Граф Николай де Тулуз-Лотрек.

- Ну и зачем графу это представление потребовалось? - продолжал допытываться Сергей.

- Ах, не знаю... Тамара толком не объяснил. Сказал только, что это забавная шутка.

Похоже, не врёт, решил Сергей, отвечает не задумываясь.

- А как зовут этого актёришку? - поинтересовался Муравьёв. - Странно, что вы его всё время по фамилии называете.

- Зовут его Савелием Акакиевичем. Но он терпеть не может, когда к нему так обращаются. Один раз мне даже скандал закатил. Забудь, говорит, навсегда эти неблагозвучные имя, отчество и фамилию; меня все знают как Олега Всеславовича Талантова - звезду русской драматической сцены.

- Звучный псевдоним, - усмехнулся Малинин.

- Да уж, в недостатке скромности этого проходимца не упрекнёшь, - покачал головой Муравьёв. - Господин подполковник, у вас ещё вопросы к подозреваемой будут?

- Всего один. Где живёт Тамара?

- В «Лоскутной». Только сегодня он в Тулу уехал.

- Последнее мне известно. Спасибо за откровенность, Анна Александровна.

Старцева обрадовалась:

- Значит, я могу идти домой?

- Можете. Только сперва удовлетворите любопытство Константина Гавриловича. Ему просто не терпится узнать, как попали к вам ворованные часы. Вы получили их от Тамары или от высокой барышни, которая слегка картавит?

- Нет, - Старцева слегка покраснела. - Нет.

- Врёшь! - рявкнул Муравьёв. - В камеру к воровкам...

- Не горячитесь, Константин Гаврилович, - остановил его Малинин. - Анна Александровна сама хочет нам всё рассказать. Только почему-то не решается. Правда?

- Вы очень проницательны, Сергей. Мне право, так неловко...

Запинаясь и краснея, Старцева стала рассказывать.

... Как-то у Трамбле оказалась она за одним столом с красивым мужчиной лет тридцати - пышноусым сероглазым блондином довольно высокого роста. Познакомились. Мужчина назвался Феликсом Ксавериевичем Пшешшинским, присяжным поверенным округа Варшавской судебной палаты. Анна Александровна обрадовалась неожиданной удаче: муж отказывается дать ей развод и назначить достойное ежемесячное содержание, грозитя через полицию добиться её возвращения в семью, нужен хороший адвокат, а денег на оплату его услуг нет.

Вскоре отношения между ними стали более чем дружественными. Правда, ускорению бракоразводного процесса это не поспособствовало.

На прошлой неделе, кажется в четверг, Феликс принёс небольшой портфель зелёного сафьяна и попросил:

- Анечка, не откажи в любезности. Я должен, по твоему делу, уехать в Петербург. Вернусь не скоро - числа 25-го... Прислуге своей не очень доверяю, боюсь, как бы ни обокрали. Вот собрал кое-какие безделушки - пусть они у тебя полежат.

Она не возражала. Однако когда Пшешшинский ушёл, не сдержала любопытства и заглянула в портфель. Он оказался набит золотыми и серебряными часами, цепочками, портсигарами, папиросницами, табакерками... Её это не удивило - адвокаты часто получают от благодарных клиентов дорогие, но бесполезные, подарки.

Чтобы собрать две тысячи на аренду театра в Туле Анне Александровне пришлось заложить все самые ценные вещи, вплоть до своей новой собольей шубы. А во вторник предстояло платить за номер. Вот она и позаимствовала одни часы, решив, что до 25-го обязательно перезаймёт у кого-нибудь из поклонников и выкупит...

- Константин Гаврилович, вам адвокат этот никого не напоминает? - спросил Малинин.

- И по возрасту, и по внешности на тульского Робин Гуда похож. Только у того

особая примета имеется... Сударыня, вы Пшепшинского голым видели?

- Ой, - смутилась Старцева. - Разве можно женщину о таких вещах спрашивать?!

- Поймите, Анна Александровна, наш вопрос не праздным любопытством вызван, - объяснил Сергей. - Знакомый ваш, как две капли воды, похож на одного беглого каторжника. Вы не заметили, у него шрамы на спине имеются?

- Не знаю. Он никогда совсем не раздевался. И потом... - Старцева покраснела. - Знаете, в некоторых позах женщина мужчину не видит... Феликс их любит...

- А что-нибудь странное, необычное вы за ним замечали?

- Нет... Разве только то, что он всегда с собой револьвер носит. Даже на ночь под подушку его кладёт.

Сыщики переглянулись. Несомненно, атаман Чекан!

Полковник встал, прошёлся по кабинету:

- Пугать вас не хочу, но в очень нехорошую историю втянули вас Тамара с Пшепшинским. Надо из неё как-то выпутываться. И мы вам в этом поможем. Только придётся вам всё, что вы сейчас рассказали в письменном виде изложить. Нет, я не интимные ваши отношения

подразумеваю, а часы эти злополучные, слежку за Добрынином.

- Я согласна.

- Превосходно. Вот вам бумага и перо, пишите. Сергей Сергеевич диктовать будет. Он у нас лучший специалист по части оформления чистосердечных признаний. А я, с вашего позволения, схожу домой, поужинаю. День хлопотный выдался - пообедать так и не пришлось.

Глава 14

ВАРШАВСКИЕ

До Томилинской улицы, где жил Кобылинский, Алексей добрался быстро. Но здесь его ждало разочарование:

- Нету барина. В Крапивну уехал.

- А когда вернётся?

- Про то мне не ведомо.

Оставив визитку, на которой написал «Гостиница «Чайкина» 7-й номер», он пошел к Московско-Курскому вокзалу. Метель прекратилась, выглянула луна. Сверкающий снег приятно поскрипывал под ногами. Благодать-то какая, подумал Лавровский, не буду извозчика брать, пешком прогуляюсь. Правда, глубокие сугробы довольно скоро испортили идиллическое настроение. А тут ещё на пустыре, немного не доходя до моста через речку Воронка,

дорогу заступили трое, судя по одежде, фабричных.

- Угостите, барин, папироской, - ломающимся юношеским баском сказал один.

- И на огонек уж не пожадничай, - глумливо хохотнул второй.

Мгновенно оценив обстановку, Лавровский понял, с этой троицей он управится без особого труда - двое почти подростков, а третий, хоть и взрослый мужик, больно уж тщедушный.

- Ага, - усмехнулся Алексей. - Дайте бумажки вашей махорочки покурить, а то, есть так хочется, что ночевать негде и выпить дюже охота... Сейчас налью как богатым.

Тщедушный шагнул вперед:

- Ребята не барин это, а...

Договорить не успел. Лавровский резко, без замаха ударил его в подбородок. Бил в полсилы, но мужику хватило и этого - как подкошенный рухнул он в сугроб. А Алексей, не давая противникам опомниться, выхватил из кармана короткоствольный «бульдог», пятиразрядный «Веблей №2», который по настоянию Сергея, прихватил с собой в поездку, и рывкнул во всю мощь:

- Поубиваю, дьяволы! Ложись! Мордой в снег!

Оба молодых фабричных послушно грохнулись на землю.

- Ну и что мне теперь с вами делать, сволочи? Фараонам сдать или перестрелять к...

Минуты три он забористо и витиевато объяснял к какой именно матери их следовало бы отправить.

- Про фараонов врёшь, ты от них сам хоронишься, - пробурчал, пришедший в себя тщедушный. - Ох и кулаки у тебя, елецкий... Да ты меня, гляжу, не признал? Водку вместе в Заречье пили. Ещё должок за тобой остался. Ведь не проводи я тебя тогда дворами к Ряжскому вокзалу - вляпался бы.

Лавровский сразу вспомнил оборванца трущобного вида, с которым он познакомился в свой первый приезд в Тулу.

- Муха, ты что ли?

- Не, наш полицмейстер Триштанний... Вставать-то можно? Маслинами не накормишь?

- Вставай.

Муха встал, стряхнул с себя снег. Потом пинками поднял подельников:

- Пошли вон, засранцы! Видеть больше не хочу, не будет из вас толку - сунули под нос шпалер и сомлели.

Ребята трусцой припустили по Томилинской. Глядя им вслед, Муха покачал головой:

- Эх, никчемный молодняк растёт. Приглянулись они мне было, да слабы в коленках оказались... А ты, елецкий, всё на особняк ходишь или к хороводу какому прибился?

- На особняк.

- Зря. Попадёшь к дяде, так и выручать некому.

- Сам знаю. Только не с каждым я на дело пойду. Как дружок мой Стёпка Махалкин говаривал: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти». Вот так-то, друг ситный.

Упоминание Стёпки Махалкина, родного брата знаменитого разбойника Васьки Чуркина, произвело на Муху должное впечатление:

- Так ты самого Махалкина знаешь?

- А то! Сколько раз сиживал у Ваньки Кулакова за семикаторжным столом с ним, Болдохой, Беспалым... Зеленщика не всегда в свою компанию приглашали...

- Послушай, елецкий, могу я тебя с деловыми ребятами свести, они сейчас свой хоровод собирают.

- С Чеканом? С превеликим удовольствием. Он в нашем мире человек уважаемый.

- Врать не стану - с Чеканом не знаком. С Бурей и Зубом.

- Не слыхал про таких. Ваши тульские или орловские?

- Не, из Варшавы они.

- Варшавские фартовые на всю Россию славятся, крови не боятся... Что-то зябнуть я стал.

- Так пойдём в трактир.

- Нельзя мне в трактир. Нагрянут фараоны, а я безглазый.

- Могу с энтим делом пособить. Хорошего биркача знаю. Любые виды на жительство делает. И берёт не дорого.

- Не надо. Мне сегодня из Москвы надёжную бирку пришлют. Работы самого Богомаза. Слышал о таком? Нет?! Деревня... А согреемся мы и без трактира. Видал?

Идя, в гости к Кобылинскому, Алексей захватил с собой бутылку дорогого рома. Вот она сейчас и пригодилась.

- Пошли на мост, - предложил Муха. - Там скамейка есть.

Редкие прохожие, которым пришлось в этот вечер проходить по мосту через речку Воронка, опасливо косились на оборванца, самого трущобного вида и здоровяка в косматой папахе. Вальяжно развалившись на скамейке, они по

очереди прикладывались к бутылке. Тихий разговор чередовался с взрывами хохота.

Крепчайший ром, тем более без закуски, развязал язык Мухе. Впрочем, ничего интересного, имеющего отношение к добрынинскому делу Алексей не узнал.

- Чекан не моего поля ягодка, - ворчал Муха. - С такими, как я, он и знаться не желает. Барин, слух идет, из настоящих князей. А вот Зуба и Бурю знаю. Они у нас осенью объявились.

- Они, кажись, жоржи? Слышал, баба одна красивая с ними работает.

- Не... Они грабежами и разбоями промышляют. Женщин в их шайке нет.

- Ну и зря, - сказал Алексей. - От женского полу в нашей работе частенько польза бывает: карася в глухой переулок заманить, к сторожу в гости напроситься и «малинкой» попотчевать. Помню как-то раз пасли мы купца богатого... Ну, да бог с ним, давно это было.

Муха перешёл на шепот:

- Ты, Лёха, об этом никому ни-ни, а то, ведь, и замочить могут за длинный язык... Зуб-то из этих самых...

- Из каких этих?

- Да из тех, кого вместо баб пользуют.

- Да ну?

- Ей богу, сам слышал.

- Не каждому слуху, друг ситный, верить надо,

- Да не о слухах я. Сам слышал, как Буря Зуба наяживал, а тот похлеще солдатки оголодавшей охал, да повизгивал. На малине у Петьки Кудлатого это было.

Алексей в сердцах плюнул:

- И ты меня к этим паскудникам в хоровод тащишь?

- Так в хоровод, а не в постель...

Договорились, если Лёха чего надумает, то придёт в трактир Звонарёва на Серебрянке.

- Меня там всякий знает. Сведу тебя с Зубом и Бурей, словечко замолвлю, дескать, человек надёжный... Ох, и хорош ром! Жалко весь вышел... А на вокзал, Лёха, ты зря попёрся. Тамошний михлютка - ищейка ещё та. Нашего брата фартового за версту чует, многих уже переловил.

- А берёт?

- Не.

- Врёшь. У нас не берёт один государь-император, да ему никто и не даёт. А михлютке вокзальному вы, небось, просто мало предлагали. Ничего, у меня финажки водятся. Попадусь, так откупиться хватит.

- Ох, и лихой ты парень, Лёха! Ты мне сразу приглянулся, с таким дела можно делать. Обязательно заглядывай к нам на Серебрянку. Там и с ребятами фатовыми познакомишься, и заранее местечко присмотришь, где от фараонов всегда схорониться можно.

Прав оказался Муха. Прошёлся Алексей по перрону. Попил в буфете чая с тульскими пряниками. Потом заглянул в зал ожидания, где невольно залюбовался молодой пухленькой блондинкой, похожей на соседку Капу, с которой прошлой зимой случился у него короткий бурный роман. И тут же к нему подошёл пожилой, но по юношески стройный, жандарм:

- Добрый вечер, сударь. Отдельного корпуса жандармов старший унтер-офицер Гвоздилин. Позвольте взглянуть на ваш вид на жительство.

- А зачем он вам, когда я сам в наличии? - пошутил Лавровский.

Жандарм даже не улыбнулся:

- Предъявите паспорт.

- А если его у меня нет?

- В таком случае придётся вам пройти со мной.

- На каком это основании?

- Оснований больше чем достаточно, молодой человек. По приметам, вы очень схожи с

одним лицом, упомянутом в розыском циркуляре. На вокзале я вас раньше не встречал, следовательно, вы приезжий. А по действующему законодательству, любой, отправляясь в дорогу, обязан иметь при себе паспорт. И потом, больно уж плотоядно посматривали вы на чемоданы госпожи Барсуковой.

Не на чемоданы, а на неё саму, подумал Алексей. Но вслух сказал совсем другое:

- Виноват, господин унтер-офицер. Забыл паспорт в Москве. Может штраф какой наложите и отпустите меня?

- Извольте следовать за мной.

- А если не изволю?

Жандарм положил руку на кобуру револьвера.

- Пойдёмте, - деланно вздохнул Алексей. Он был доволен: если Муха вздумал проследить за ним, пусть видит - не по своей воле елецкий с жандармом пошёл.

Когда унтер привёл Алексея к себе, тот достал паспорт:

- Документ у меня имеется.

- Так какого беса, господин Лавровский, тогда... А это же вы разбойника в поезде повязали! Передавал Григорий Иванович, что вы его секретное поручение исполняете, просил посодействовать. Только если насчет Чекана, то

ничем помочь не могу. На вверенной моему надзору территории его шайка не промышляла, вот я им и не интересовался.

- А Южаковым Агеем? Он на чугунке краденое скупает.

- С Агеем я долго воевал. Выжил его со своей дороги. Перебрался он на Ряжско-Вяземскую, так и там его наши в оборот взяли. Отошёл он от дел. Докладывают, мельницу на Миллионной завёл, московские шулера к нему приезжают.

- Кто именно?

- Чего не знаю, того не знаю. Да и знать не хочу - пусть у городской полиции голова болит. А мне и своих забот хватает. У нас, ведь, тут новая шайка объявилась.

- Зуб и Буря? Варшавские?

- Они проклятые... Перед самым Рождеством трёх рысачков господина Телегина увели. В Орле их загрузили. В Скуратово, вроде, на месте были. А пришёл товарняк в Тулу, заглянули в вагон. а там ни лошадей, ни сопровождающего. А незадолго перед этим в курском пассажирском страхового агента ограбили - без малого четыре тысячи взяли... Ох, и наглые ребята! Особенно этот карманщик картавый.

- Какой карманник? - вострепнулся Алексей.

- Зуб, мать его за ногу и три раза об рельсы!

- А мне говорили, он только грабежами и разбоем занимается.

- Я и сам так думал, пока оказия одна не приключилась. У меня, ведь, на вокзале мастера карманной выгрузки давно повывелись - всех переловил и пересажал. И вдруг кража!

... В буфете обчистили купца Лялина - украли бумажник, часы с цепочкой, табакерку. Потерпевший заподозрил незнакомого высокого худощавого молодого человека с чёрными нафиксатуаренными усами. Расшумелся на весь вокзал:

- Вот эта глиста усатая всё время возле меня терся! Он украл, больше некому! Обыскать его, паразита, надо!

Прибежавший на шум унтер предложил молодому человеку пройти с ним в служебное помещение. А тот в крик:

- Что вы себе позволяете, господин жандагм?! Я буду жаловаться губегнатору!

Приземистый, дородный господин, лет сорока с окладистой, как у Александра Ш, бородой, судя по околышу фуражки и петлицам на шинели служащий по ведомству Главного управления государственного коннозаводства, отозвал Гвоздилина в сторону:

- Вы бы с ним, пан унтер-офицер, поосторожнее. Лайдак этот жених младшей дочери губернатора. Ушаков с него пылинки сдувает, боится, как бы выгодная партия не расстроилась...

- Вот я и струсил, отпустил его, - вздохнул жандарм. - А потом узнал, Зуб и Буря это были. Донёс мой агент, на малине у Кудлатого поспорил Зуб с карманщиком Правшой, что настоящему марвихеру никакие Гвоздилины не страшны. И выиграл, подлец! Обвёл меня вокруг пальца.

- Интересный сюжет получается, как говорит один мой приятель: в Москве неуловимая картавая карманница, в Туле - ловкий картавый карманник. А если учесть склонность вашего марвихера к мужскому полу... Расскажите-ка мне всё, что знаете про Зуба и Бурю.

- Внешность их я вам описал, про дела ихние рассказал. А больше толком ничего и сам не знаю.

- А если агента вашего расспросить?

- Не получится. Нашли его недавно возле кирпичного завода.

- Зарезали или гирькой по голове?

- Застрелили. Ясно, варшавских работа. Они ножам и кистням револьверы предпочитают.

Глава 15

ПИРУШКА

К себе в номер Лавровский вернулся только во втором часу ночи.

- А вас уже столько раз спрашивали-с, - затараторил коридорный. - И Фёдор Александрович, и Александр Павлович, и Алексей Николаевич... Волновались все очень: ушёл и пропал, далеко ли до беды в чужом городе-с. А граф, который из Петербурга, их успокоил-с. Вы, мол, Алексея Васильевича плохо знаете, он в воде не тонет и в огне не горит.

- Где все сейчас? Спать разошлись?

- Как можно-с, в такое время?! В угловом кабинете гуляют-с.

- Проводи меня к ним.

- Слушаюсь... А я, ведь, указание ваше, кажись, выполнил - нашёл господина Тамару.

- Так нашёл или кажись?

Коридорный смутился:

- И сам не пойму. По обличию, Савелий Акакиевич. А все зовут его Олегом Всеславовичем.

- Так он же актёр, Мишаня. Такой у него наверное псевдоним. Где он сейчас?

- В угловом кабинете-с.

Вот и Тамара отыскался, улыбнулся Алексей, превосходно все складывается.

В просторном угловом кабинете веселье было в полном разгаре: чересчур громкие голоса и взрывы хохота, пробки шампанского, летящие в потолок, дым дорогих сигар, звон семиструнной гитары и, конечно, песня.

*Живет моя зазноба в высоком терему,
В высокий этот терем нет хода никому.
Но я неожиданным гостем -
настанет только ночь -
К желанной во светлицу
пожаловать не проч.
Без шапки невидимки
пройду я в гости к ней!
Была бы только ночка сегодня потемней.*

- Где это вы загуляли, Алексей Васильевич? - спросил Свечин. - Мы уж испереживались.

- По старой репортёрской привычке пошёл по городу побродить, да увлёкся малость.

К новому гостю тут же подскочил расторопный половой с подносом:

- «Сухарной» с морозцу примите. Вот икра свежайшая, огурчики солёные, рыжики, стерлядка на можжевельнике копчёная.

- Много потеряли, горячих стерлядок не отведав, - посочувствовал Свечин. - Они повару сегодня особо удались.

К ним подошел Рибопьер:

- Какая жалось, Лёша, не видел ты, как Александр Павлович цыганочку с выходом танцевал. Это, скажу тебе, неповторимо!

- Да уж, наш Сашет умеет, - согласился Свечин. - Начнёт всегда медленно, с ленцой эдакой. А потом как примется чечётку каблуками отбивать! И вприсядку! Да ещё ладонями по подошвам! Настоящий цыган.

- А от Шишкина я просто в восторге, - восхищался Рибопьер. - Какие старые таборные песни он знает! У питерских и московских цыган мне их слышать не доводилось. А как русские песни поёт! А какой новый романс сочинил! Поверь моему чутью, «Удалец» и через полтора-два года будет петь.

При тереме я знаю,

есть сторож у крыльца,

Но он не остановит детину-молодца:

Короткая расправа с ним будет у меня -

Не скажет он ни слова, отведав кистеня!

Эх, мой кистень страшнее

десятков кистеней!

Была бы только ночка сегодня потемней.

Алексей окинул кабинет взглядом. Прокурор Давыдов, подперев щеку ладонью, слушал цыган. Офросимов, оседлав стул, вытирал платочком покрасневшееся лицо. А вот и Талантов, он же, как выяснилось, Тамара. Рассказывает, мерзавец, что-то Добрынину. А тот смеётся... На диване спит беговой спортсмен Котиков.

- Что это с ним? - спросил Алексей.

Свечин рассмеялся:

- Вздумал спорить, где больше пьют - в Киеве или в Туле. Наш Коля ему такой пейс предложил, что Котиков проскачку сделал.

- Не думал, что ваш прокурор пить умеет, - удивился Лавровский.

- Какой прокурор! Корнет Савин. Настоящий гусар! - Свечин указал взглядом на стоящего у окна высокого представительного мужчину в смокинге.

Алексей заметил, что Рибопьер брезгливо поморщился. Когда Свечин отошел, поинтересовался:

- Георгий, а у тебя о бравом корнете, похоже, далеко не лучшее мнение?

- Совершенно верно.

- А почему? Вы, гусары, за своих всегда стеной стоите.

- Не всегда. В Гродненском гусарском Савину указали на дверь - деликатно намекнули, что его присутствие в полковом собрании нежелательно. Перевелся в лейб-гвардии конный полк, откуда его через несколько месяцев с позором изгнали.

- За что?

- За поступки несовместимые с офицерской честью.

- Чем проштрафился?

- Лёша, никогда я сплетнями не интересовался. Слышал, краем уха, была какая-то грязная история с векселями.

Лавровскому вспомнилась телеграмма Сергея, где сообщалось о «наезднике Николае» из конюшни Тамары. С интересом посмотрел на Савина. Отметил мягкость и изящество жестов, жёсткий взгляд жгучих глаз и руки с длинными тонкими пальцами аристократа. В этом человеке сразу чувствовалась порода.

Корнет потягивал шампанское и снисходительно улыбаясь, беседовал с пышноусым сероглазым блондином. Алексей прислушался.

- Пьеса написана блестяще. Состав актёров подобран превосходный.

- Что-то у меня на душе, Николай, не спокойно. Освищет нас публика.

- Пустое. Премьера пройдёт с успехом. Дадите ещё несколько представлений, после которых касса от денег ломиться будет. А потом можно и на гастроли отправляться.

- После премьеры часть труппы рассчитать придётся.

- Ты антрепренёр - тебе и решать. А у меня, извини, голова сейчас совсем другим занята - все мысли уже в Италии... Где тебя искать если срочно потребуешься?

- Родак всегда знает где я, к нему обращаюсь.

- Георгий, а это кто с Савиным? - спросил Лавровский.

Тот в ответ только пожал плечами:

- Кто его знает. Феликс... А фамилию не запомнил - то ли Пшегодский, то ли Пшетрынский... Его Савин с собой привёл.

Как по-русски этот Феликс чисто говорит, подумал Лавровский, если бы не фамилия, никогда не догадаешься, что поляк. Никаких тебе пшеканий, шипений и жужжаний. К тому же как и Тамара, антрепренёр. Интересный сюжет получается.

А Шишкин, тем временем, дошёл до последнего куплета «Удальца»:

*Со мной ты не увидишь,
красотка, чёрных дней!*

И хор дружно подхватил:

*Была бы только ночка сегодня потемней!
Была бы только тройка,
эх, тройка порезвей!*

Со всех сторон слышались одобрителные крики:

- Bravo! Молодец, Миша!

Офросимов радовался похвалам не меньше цыган. Он просто сиял:

- Что скажите, граф? Хорош наш тульский хор?

Рибопьер, как всегда, оказался немногословен:

- Не то слово. Вечно бы слушал.

Ну, нельзя же так на слова скупиться, подумал Лавровский, у которого от «Сухарной» и «Вдовы Клико» приятно шумело в голове, ведь так и хороших людей обидеть можно. Решительно бросился исправлять положение:

- А я, господа, только сейчас понял: Шопены, Моцарты, Бетховены - всё это надумано, всё искусственно и скучно. Единственная настоящая музыка в мире - это цыганские песни.

Пожалуй пересолил, решил он, заканчивая свой смелый комплимент. Но туляки были в восторге, а Михаил Шишкин до слёз растрогался:

- Что для вас ещё спеть, Алексей Васильевич? «Сосницу», «Малярку»? А может «В час роковой»?

Лавровский, лично для которого цыгане ещё отродясь не пели, растерялся. На помощь ему пришёл Сашет:

- Давай мою любимую. Похоронную. Ему понравится.

Шишкин ударил по струнам:

Шэл мэ вэрсты прогыём

Никай пара мэ пэксэ наличём

Андро Москва тэрноро явьём

И ромня пэскэ лаём

Машенька, Сашенька трэ кала якха

Почто сгубила молодца меня?

Лавровский не раз слышал весёлую разухабистую песню, про добра молодца, который сто вёрст прошёл и нигде не мог найти себе пару по сердцу, но пришёл в Москву-город, где и встретил молодую цыганку. Но при чём столь мрачное название?

- Александр Палыч, а почему похоронная-то?

- А, вот, когда я умру и в гробу, вот, лежать буду, придут цыгане... Придут, придут, я и жене так завещаю. И запоют они «Шэл мэ вэрсты»... Вот я из гроба сразу и вскочу. Понимаешь?

Алексей с лёгкой завистью посмотрел на Сашета. Счастливый человек, унывать не способен, вот за это его все и любят...

Лавровский присел рядом с Добраниным и Талантовым-Тамарой. Оба были уже изрядно пьяны. Ещё немного и в вечной дружбе клясться начнут.

- Так поможете, Алексей Николаевич? - спрашивал актёр. - Замолвите словечко перед вашим батюшкой, многоуважаемым Николаем Никитичем. Его слово в Туле закон! Кому велит, тому театр в аренду и отдадут.

- Я же уже обещал, Олег Всех... Втех... Всеславич, - заплетающимся языком отвечал Добрынин. - Попрошу отца. А он мне ни в чем не отказывает.

- А я вас отблагодарю. С хорошенькой барышней познакомлю. Очень красивая... и покладистая.

- Да зачем? Я человек женатый, супругу свою люблю... Мне баловство разное ни к чему... Вы лучше Алексея Васильевича познакомьте. Он у нас холостой.

- Как скажите, - угодливо улыбнулся Тамара. - Вы, Алексей Васильевич, не против?

- А то! Только привередлив я по этой части, меня не каждая барышня вдохновляет. Люблю исключительно молоденьких брюнеток. эдаких пышечек, невысокого росточка.

- У вас просто изысканный вкус, - польстил собеседник. - Вера очень похожа на ваше описание. Уверен, она вам понравится. В этой девушке соблазнительно всё. Даже фамилия! Представляете, Белотелова... Произносишь и словно раздеваешь её, видишь белоснежную грудь, бёдра...

- Да вы просто поэт, Савелий Акакиевич, - сказал Лавровский. И осёкся. Вот чёрт! Проговорился. Теперь он понял, что я собирал о нём сведения.

Однако Тамара не обратил никакого внимания на то, что его назвали настоящим именем:

- После завтрака, часов в двенадцать, мы с ней будем прогуливаться по Киевской. Там вас, ну конечно совершенно случайно, и встретим. Барышню я приготовлю соответствующим образом, намекну, что вы человек влиятельный...

Вот я и на сестру Лисы вышел, подумал Алексей, которую Малинин считает «лошадкой перспективной», превосходно. А вот пить сегодня хватит, за языком своим уже уследить не могу.

Как чаще всего и случается, благие пожелания таковыми и остаются. В кабинет

торжественно вошел Чайкин с огромной серебряной чашей, а вслед за ним вереница половых несущих две сабли, чеканные ковши старинной работы, сахарную голову весом в четверть пуда, несколько огромных ананасов, подносы, уставленные бутылками сотерна и бордо самых лучших сортов, рома и шампанского.

- Жжёнка!

- Кто варить будет?

- Как это кто?! Сашет.

- Просим, Сашет! Просим!

Жжёнка напиток гусарский. Офросимов никогда в гусарах не служил. Но, ни у кого, даже малейшего сомнения не закралось, что он лучший «жжёнковар» во всей Тульской губернии, жжёнка у него всегда получается изумительно вкусная и сногшибательная. И никто не умеет так замечательно петь «Гусарскую», без которой приготовление и питье жжёлки просто кощунство!

- Уговорили, вот, уговорили, - довольно улыбнулся Офросимов и начал священнодействовать, - Ананасы, вот, помельче покрошить надо было... Бутылку сотерна дайте... А теперь красного... Ещё одну... Корицы и гвоздики самую малость нужно, вот, а то весь аромат перебьют... А перца можно и побольше... Рома мне! Превосходный, вот, вкус получается... Господа, гасите лампы!

Установленная на скрещенных саблях,
голова сахара, обильно политая крепчайшим
тёмным ромом, вспыхнула голубым пламенем.

- Миша, гитару, - Офросимов перебрал
струны и, с лёгкой барственной хрипотцой в
голосе, запел:

Где друзья минувших лет,

Где гусары коренные,

Председатели бесед,

Собутельники лихие?

Присутствующие дружно подхватили:

Деды, помню вас и я,

Испивающих ковшиами

И сидящих в круг огня

С красно-сизими носами!

Глава 16

ОЖИВШИЙ ПОКОЙНИК

Ночевать Малинину пришлось в редакции.
Не хотелось ехать к себе на 2-ю Рогожскую улицу
- ведь освободился только в третьем часу.

... Сперва помогал написать признание
Старцевой. Потом, вместе с Муравьёвым, поехали
к ней в «Англию». Много времени заняло
составление описи содержимого зелёного
сафьянового портфеля. Чего только в нём не
оказалось!

- Записывай, Серёжа. Часы карманные золотые с боем, фабрики Генриха Мозера, и цепочка золотая с пятью брелоками, один из которых в виде шестиконечной звезды. Сделай пометку - похожи на украденные у банкира Полякова... Портсигар серебряный литой, украшен гильошированной эмалью фисташкового цвета и двумя сапфирами огранки «кабошон». На крышке монограмма «TLS». Всё понятно: тот самый, о пропаже которого заявил бельгийский генеральный консул Тим Луи Шерпенцель... Хозяин этого предмета нам тоже известен, - Муравьёв показал четырёхконечный золотой крест с красной эмалью - Знак ордена Святого Александра Невского с бриллиантовыми украшениями, пожалованный командующему войсками Московского военного округа генералу Бревен-Делагарди. Очень старик переживал, богатое вознаграждение сулил...

Всего в портфеле оказалось сорок семь предметов, которые исчезли у хозяев после встречи с симпатичной картавой барышней.

А вот на то, чтобы склонить Анну Александровну к сотрудничеству много времени не потребовалось. Выслушав сыщиков, она сказала:

- А вы заступитесь за меня, если муж через полицию станет требовать моего возвращения?

- Обижаете, мы своих людей в обиду не даём, - заявил Малинин. - Некоторым даже жалование платим.

- Большое? - живо заинтересовалась женщина.

Сергей объяснил, что ежемесячное денежное вознаграждение полагается только секретным сотрудникам, то есть лицам давшим согласие постоянно помогать полиции. Размер его зависит от значимости сведений, которые может поставлять агент.

- А какое жалование вы мне положите?

Сергей вопросительно взглянул на полковника. Не будучи ещё в штате управления, распоряжаться суммами выделенными на агентуру, это уж чересчур.

Муравьёв прикинув, что толковых агентов в театральной среде у него, практически, нет, сказал:

- Двадцать пять рублей в месяц. За особо важные сведения отдельная плата.

Новоиспеченный агент Лиса осталась довольна не только финансовой стороной дела, но и куратором. Слава богу, это не грубиян полковник, а вежливый, симпатичный молодой офицер. Да и как Старцева поняла, он может многое.

- Серёжа, а вы о билетах на «Мазепу» не забыли?

- Разумеется, помню, Анна Александровна. Сегодня же вам их пришлю.

- Не отвлекайтесь господа, - прервал их Муравьёв. - Рано или поздно Пшепшинский придёт за портфелем. Больно уж хороший куш, даже если сдать блатер-каинам за четверть настоящей цены. Такими деньгами никто не разбрасывается... Поэтому мы засаду устроим. Вы, Анна Александровна, ничего не бойтесь - я в коридорные своего человека определяю. Да и городовые возле Английского клуба круглые сутки дежурят...

Удачный вчера день выдался. Правда, хлопотный. Впрочем, на сегодня дел намечено не меньше. Пора вставать. Или подремать ещё часок?

- Сергей Сергеевич, самовар поспел, - раздался из приёмной голос Гирина. - Настя вчера пироги пекла, вот прислала вам ваших любимых - с грибами и капустой... Ни хрена себе!

- Что случилось? - тут же вскочил с дивана Малинин.

- Да опять наш Алексей Васильевич отличился. Почитайте сегодняшний «Листок».

На второй полосе «Московского листка» сразу бросалась в глаза небольшая заметка:

Арест разбойника

Вчера в скором поезде №1, следующим из Москвы в Курск, на перегоне между станциями «Люблино» и «Царицыно», был арестован некий Матвей Рогов. По сведениям полиции он является правой рукой знаменитого атамана Чекана, на счету которого ряд дерзких грабежей в Тульской губернии.

В силу непредвиденных обстоятельств начальнику Московского отделения Орловского жандармского полицейского управления железных дорог Г.И.Алексееву пришлось выехать на задержание одному. Но это его не остановило: он знал, что всегда найдутся частные лица готовые оказать помощь стражам порядка. Так и случилось. При содействии одного из пассажиров разбойник, обладающий огромной физической силой и вооружённый двумя револьверами, был задержан. Арестованный доставлен в Тулу.

Ал. Л-ский

- Пожалуй, надо мне в Тулу ехать. Семён, отвези номер в цензуру.. А я загляну в сыскное и на вокзал... Чёрт! У нас же отчёта о петербургских бегах до сих пор нет.

- Ещё вчера прислали. Я его в набор отдал, гранки уже получил.

- Тогда я помчался.

- Да перекусите хоть. До поезда ещё часа три.

Рабочий день у Муравьёва, как и всегда, начался с просмотра суточных рапортов участковых приставов, которые, для ознакомления, присылали из канцелярии обер-полицмейстера. Одно происшествие сразу привлекло его внимание.

Около шести часов вечера возле Солодовниковского пассажа было совершено покушение на ограбление. Неизвестный лет 13-14 вырвал из рук жены тайного советника Нейдгард Марии Александровны сумочку, в которой находилось 3137 рублей, и пытался скрыться. Однако был задержан благодаря исключительной бдительности городского Пахома Зотова и содействию прохожего, назвавшегося губернским секретарём Астаниным Алексеем Фёдоровичем, который проживает в Варшаве и находится в Москве по личным надобностям. Преступник доставлен в 3-й участок Тверской части. Личность его устанавливается.

Срочно надо выяснить, подумал Муравьёв, это случайность или её пасли?

Известная благотворительница Мария Александровна Нейдгард вот уже восемь лет является председательницей совета «Дамского попечительства о бедных в Москве». Много

полезного делает попечительство: содержит одиннадцать школ и пять семейных приютов, убежища для неизлечимо больных и слепых детей, лечебницу Святой Софии для приходящих больных. Ежегодно на эти благие дела тратится более трёхсот тысяч рублей. Только наивный человек может полагать, что «денежные мешки», сгорая от желания помочь сирым и убогим, выстраиваются в очередь, чтобы сделать благотворительный взнос. Нет, с ними надо встречаться, убеждать, просить. Мало кто может отказать Марии Александровне. Сказывается и её личное обаяние, и происхождение - как-никак, а правнучка самого генералиссимуса Суворова, и дружба с почётным президентом попечительства генерал-губернатором Долгоруковым. Всем прекрасно известно, если председательница нашла время, чтобы лично отправиться по купцам, то касса попечительства обязательно пополнится на несколько тысяч. Похоже, кто-то заранее знал, что 9 января она собирается в Солодовниковский пассаж.

Он вызвал полицейского надзирателя Смолина.

- Михалыч, отложи все дела и займись этим, - протянул сыщику рапорт пристава 3-го участка Тверской части. - Не верю я, что оголец один на такой грант пошёл. Вытряси из него всё.

- Потерпевшую опросить дозволите?

- Нет, госпоже Нейдгард я сам визит нанесу.
И прохожего не ищи, не трать зря время.

- Почему, Константин Гаврилович?

- Думаю, он сам с минуты на минуту к нам в гости пожалует.

Вошел канцелярский служитель:

- Ваше высокоблагородие, к вам посетитель
- губернский секретарь Астанин.

Смолин изумлённо вытаращился на начальника:

- Константин Гаврилович, да вы ясновидящий, что ли?

Муравьёв рассмеялся:

- Никаких чудес! Просто я глубоко сомневаюсь, что в Варшаве могут быть два губернских секретаря с такой редкой фамилией, как Астанин. Тем более, чтобы обоих звали Алексеями Фёдоровичами. А одного я знаю - он в сыском отделении канцелярии Варшавского обер-полицмейстера служит. Не так Алексей воспитан, чтобы, приехав в чужой город, старшего коллегу не навестить.

Малинин застал Муравьёва в обществе молодого невысокого, широкоплечего блондина. На столе стояло несколько бутылок. Непочатые, отметил Сергей. Хозяин и гость пили чай, и предавались воспоминаниям.

- А как вы тогда, Константин Гаврилович, ловко Борьке Зусману бороду пришили!

- На Маршалковской, на малине у Стефки? Да, красиво получилось. Прихерился я, а он сразу по ширмохам. Стырил двадцать катенок и подсолнух.

- А тут облава! Откуда, спрашиваю, у тебя, Боря, поддельные государственные кредитные билеты и золотые часы, украденные у прокурора Московской судебной палаты? Молчит.

Сергей улыбнулся. Эту историю он слышал.

... В августе 1882 года Муравьёв поехал в Варшаву, куда вели следы нескольких вооружённых налётов на банкирские конторы и ювелирные магазины. Варшавские сыщики установили личность одного из участников банды - сын 1-й гильдии купца Барух Зусман. Следили за ним давно, но оснований для ареста до сих пор не было.

Муравьёв тщательно изучил донесения агентов и обратил внимание на две слабинки Зусмана: страсть к дармовому угощению и непреодолимое, можно сказать болезненное, влечение к воровству. Один из осведомителей сообщал, что месяца три назад, Борьку сильно избили свои и предупредили: «Не перестанешь крысятничать - пустим рыбу ловить в Висле». На этом и решили сыграть.

Под видом московского громилы по кличке Паук, Муравьёв свёл знакомство с Зусманом. На угощение не скупился. Частенько, будто ненароком, хвастал то толстой пачкой денег, то дорогими часами. И Борька клюнул: когда Константин Гаврилович притворился пьяным, обшарил его карманы.

Задержанных поместили в одну камеру. Вернувшись с допроса, Паук сказал:

- Читали мне протокол. Всё теперь знаю... Крыса ты поганая. У нас в Москве с такими сволочами разговор короткий.

- То в Москве, а мы в Варшаве, - нагло ухмыльнулся Зусман. - Предупреждаю, если пан меня хоть пальцем тронет...

- Дурашка, - ласково улыбнулся Паук. - Я со своим уставом в чужой монастырь не полезу. Не бойсь, сегодня тебя не обижу. А вот завтра повезут нас с тобой в матушку Россею...

- Почему это в Россию? Мой адвокат прислал записку: такие деяния, как хранение поддельных денег и краденого, находятся в юрисдикции местных судебных властей.

- А смертоубийство? Я ведь у московского прокурора не только подсолнух взял, а и кухарку еврейную заквасил. Сознался я сиводня во всём. И подельника, тебя значить, назвал...

Зусман не стал ждать завтрашнего дня. Принялся стучать в дверь и требовать кого-нибудь из сыщиков:

- Я хочу во всем признаться! Хочу дать чистосердечные показания!

На следующий день взяли всю банду...

- А как там сцепщик Стасик Пятница поживает? - спросил Муравьёв.

- Станислав Пёнтек конокрадством больше не занимается. Служит вторым жокеем в призовой конюшне Людвиг Грабовского. Несколько именных призов уже выиграл.

- Молодец, послушался, значит, моего доброго совета... Сергей, ты чего, как бедный родственник, у порога стоишь? Заходи. Знакомьтесь, господа. Алексей Астанин, первый варшавский сыщик. А это мой лучший ученик и помощник Сергей Малинин.

Сыщики обменялись рукопожатием.

- Константин Гаврилович, я понимаю, вам сейчас к важной особе идти, поэтому нельзя. Но мы-то с Сергеем можем за приятное знакомство по рюмочке выпить? Такая старка! Представляете, ржаная водка двойной перегонки настаивается на грушёвых и яблоневых листьях, липовом цвете. А потом пятьдесят лет выдерживается в дубовых бочках из-под токайского! Мне дюжину бутылок вице-президент

Варшавского скакового общества граф Потоцкий презентовал.

- Вы меня заинтриговали. Не сомневаюсь, это божественный напиток. Но к сожалению..., - Сергей развел руками. - Очень спешу. Боюсь на поезд опоздать.

- Куда это ты собрался? - поинтересовался Муравьёв.

- В Тулу.

- И по какой надобности?

- В Москве я сделал всё от меня зависящее. Сведений собрал предостаточно - телеграммой всего не сообщишь. Поеду Лавровскому помогать. Уверен, он сегодня вечером хочет взять с поличным того, кто придёт на свидание с Добрыниным. Думаю, это будет сам Чекан. Послушайте.

Достав из кармана сюртука «Московский листок», Сергей прочитал заметку об аресте одного из членов шайки Чекана - Матвея Рогова.

- Да, весело мы живём, - покачал головой Муравьёв. - О действиях железнодорожной полиции - городская узнаёт исключительно из газет. И когда только этот вселенский бардак кончится!... Чекан говоришь? Раньше сомневался, а теперь верю. Поэтому рисковать не станем. Пошлём в Тулу Соколова и Рабиновича. У них опыт по части наружного наблюдения и задержаний поболее твоего. А для тебя, Серёжа, и

здесь дел много найдётся. Я тут с утра на свежую голову набросал кое-что, - Муравьёв достал записную книжку. - Первое. Досмотреть номер в «Лоскутной», который снимал Тамара. Потолковать с прислугой. Второе. Навести в адресном столе справки о Тамаре. Третье. Выяснить где квартирует Пше... Алексей, ты часом с присяжным поверенным округа Варшавской судебной палаты Пшепшинским не знаком?

- С Феликсом Ксавериевичем? Знаком. Могу и адрес подсказать - Старые Повонзки.

- Подожди, подожди... Ты Повонзковское кладбище в Варшаве, что ли имеешь ввиду?

- Его самое. Ещё прошлой весной похоронили Феликса. По-пьяному делу пожар он устроил - заснул в постели с папиросой. Жалко до жути. Хороший человек был - добрый, порядочный, умный.

Муравьёв прошёлся по кабинету:

- Что-то тут не так, Лёша. Разгуливает твой покойник по Москве. Краденое у себя хранит. Вполне возможно, связан с шайкой Чекана, который вымогает сейчас у тульского коннозаводчика Добрынина тридцать тысяч, угрожает в противном случае красного петуха пустить.

- А как ваш Пшепшинский выглядит? - живо заинтересовался Астанин.

- Лет тридцати. Роста выше среднего. Волосы светлые, глаза серые, пышные усы, - сказал Малинин. - По словам женщины, близко с ним знакомой, в постели никогда не снимает рубашку и, как говорил незабвенный Иван Барков, любит поиграть в лошадки.

- А ещё он не расстается с револьвером, на ночь его под подушку кладёт. Верно?

- Да!

Московские сыщики переглянулись, а варшавский взял бутылку, не найдя на столе рюмки налил четверть стакана:

- Вы, господа, как хотите, а я выпью. Грех такую удачу не обмыть. Это же Егерь! Я за ним почти год охочусь. Он, мерзавец, двух моих ребят уложил.

Московские фартовые стрелять не любят. Понимают, замочишь лягаша или фараона, так они обозлятся и начнут при задержаниях всем подряд «наливать как богатым» - бить смертным боем. Да и не по-людски это. Зачем убивать? У каждого своя работа: один ворует - другой ловит. Кормиться-то всем надо. А вот варшавские, не долго думая, хватаются за револьверы. Но даже среди них Ян Пинский, по кличке Егерь, выделяется своей неуёмной склонностью к пальбе.

... В Варшаве Пинский впервые объявился летом 1875 года. Поселился в Лазенках, недалеко от казарм лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Представлялся отставным кавалерийским поручиком. Денег не считал - завёл трёх скаковых лошадей и шикарную любовницу-француженку, устраивал кутежи с морем шампанского. Говорил, что проматывает наследство, нежданно-негаданно полученное от скопидомки тётушки. Разумеется, гусары охотно приняли столь достойного человека в своё общество. Однако вскоре разразился скандал.

Сын богатого помещика Калишской губернии Магнусский мечтал поступить вольноопределяющимся в Гродненский полк. Но для этого требовался аттестат об окончании гимназического курса, которого у него не было. Пинский вызвался ему помочь. Вначале он принёс предписание попечителя учебного округа на допуск Магнусского к экзаменам. Потом пригласил молодого человека к себе на квартиру, где уже сидело несколько солидных господ в форменных сюртуках.

- Директор 4-й мужской гимназии, - представил Ян самого важного из них. - А это учителя. Они любезно согласились, особо не придираясь, сейчас же проэкзаменовать вас по русской и всеобщей истории, русской словесности, алгебре, физике, латыни, греческому, французскому и немецкому языкам.

Надеюсь, вы понимаете, что их следует отблагодарить?

- Конечно, я согласен.

Свидетельство об успешном испытании было получено. Но в штабе кавалерийской бригады, в которую входил Гродненский полк, выяснилось, что оно поддельное. Началось предварительное следствие.

- Как же так, Ян Мечиславович? - чуть не рыдал несостоявшийся гусар. - Вы заверяли меня, что все вполне законно. Три тысячи на расходы взяли.

- Какая клевета! - возмущался отставной поручик. - Вы врёте, молодой человек, нагло врёте.

Судебный следователь придерживался того же мнения. Высокие нравственные качества Яна сомнений у него не вызывали. Но адвокат Пшешпинский, нанятый отцом Магнусского, оказался человеком дотошным - не поленился поехать в Вильну, откуда был родом Ян. Через несколько дней пришло отношение от прокурора Виленского окружного суда:

Коллежский регистратор Пинский Ян Мечиславович в декабре прошлого 1874 года был уволен от должности лесного кондуктора и привлечён к следствию. Подозревается в совершении мошенничества, грабежа и покушения на убийство. У него была отобрана

подписка о невыезде за пределы Вильны, но в январе нынешнего года он скрылся в неизвестном направлении. На основании вышеизложенного настоятельно прошу принять меры к задержанию Пинского и этапированию его в Вильну.

Следователь, захватив городского, отправился на квартиру Яна. Тот встретил их выстрелами...

- Городового насмерть, а дураку следователю только бедро прострелил. Он потом долго сокрушался, дескать, нельзя было догадаться, что такой респектабельный господин преступником может оказаться. А Феликс догадался. За что, как теперь понимаю, жизни и лишился, - вздохнул Астанин. - А Егерь после этой истории надолго исчез. По непроверенным сведениям в Гродно его видели, под Люблиным, где был убит судебный пристав, везущий в казначейство собранные недоимки. Сообщали, что предводитель банды грабящей имения в Новоминском уезде на него похож... В Варшаву вернулся в конце позапрошлого года. Много чего на его счету. Угрожал нотариусу, у которого хранилось завещание известной благотворительницы Теклы Ропаккой. Она оставила 190 тысяч рублей на стипендии для учащихся, приюты, дешёвые кухмистерские, а ещё 82 тысячи - на строительство костёла. А Егерь ему подсовывал фальшивку, по которой всё

переходит некому юному таланту Казику Чехоцкому, коему суждено стать вторым Шопеном и прославить Польшу в веках. Допрашивал я малолетнее дарование - волчонок, вроде того огольца, которого я вчера возле пассажа скрутил, начинающий сутенёр и шулер... А читали зимой в газетах о пропаже детей?

В феврале во многих газетах была напечатана заметка, вызвавшая законное беспокойство у большинства родителей:

Варшава. Случаи бесследной пропажи детей, и преимущественно детей христиан, повторяются. Недавно пропали девочка 12 лет и мальчик 8 лет. Полиция не может напасть на след похитителей.

- Слухи сразу пошли: это, мол, жиды виноваты, они кровью христианских детей на свою пасху разговляются... А они не причём. Пинского это работа. Детей он родителям вернул: девочку за три тысячи, а мальчишку за пять. Мы в месте передачи засаду устроили... - Астанин замолчал.

- Упустили? - спросил Муравьёв.

- Ушёл Егерь. Тройку нашу угнал, двух моих лучших агентов наповал уложил... Ничего, он мне за них и Феликса ещё ответит.

Муравьёв во время его рассказа рисовал на листе бумаги какие-то кружочки, треугольники, стрелки. Потом скомкал его:

- Озадачил ты меня, Алексей. Я уже не сомневался, что эту кашу заварил наш Чекан, а тут ты со своим Егерем. Не стану спорить, на роль главного в хороводе он тоже подходит.

- Да какая разница, Николай Гаврилович?! - засмеялся Астанин. - Поймаем, тогда и разберёмся... Что мне делать?

- В каком смысле?

- В самом прямом. Не могу я остаться в стороне от розыска Егеря: в лицо его знаю, о привычках и склонностях осведомлён, да и должок взыскать не терпится. Ну а если это все-таки ваш Чекан, то и тогда в обузу не буду - сысканого опыта мне не занимать, сами знаете.

- Ох, и любишь ты хвастаться, Алексей!

- Жизнь такая.

- Хорошо. Сегодня же телеграфирую Илье и попрошу откомандировать тебя в моё распоряжение на две недели.

Конечно, такие вопросы обычно решаются более высоким начальством - обер-полицмейстерами, генерал-губернаторами, директором Департамента полиции, а то и самим министром внутренних дел. Но у Муравьёва с начальником варшавской сысканой полиции титулярным советником Ильёй Петровичем Лисоцким давно установилось полное взаимопонимание, поэтому они обходились без формальностей.

Потом Муравьёву пришлось поспорить о ближайших планах с Малининым. Тот доказывал, что в Москве сейчас ему делать нечего:

- Новая встреча с пропойцей Низовским пустая трата времени - таких к серьёзным делам не привлекают. Досмотр номера в «Лоскутной», где жил Тамара, тоже ничего не даст - прислуга давно навела порядок. Да и в адресном столе...

Его поддержал Астанин:

- Не сомневаюсь, сведений о Пшепшинском там нет. Не станет Егерь сдавать на прописку чужой паспорт... Жертва готовящегося преступления находится сейчас в Туле. Туда поехал Тамара. Туда же направлялся Рогов. Там находится и атаман.

- Кроме того в Туле проживает некий граф Николай де Тулуз-Лотрек о котором сообщила Лиса, - добавил Сергей.

- Вы недооцениваете важность отработки московских связей Тамары и Пшепшинского. Думаю в «Шато-де-Канкаль» и у Трамбле, где по словам Лисы часто бывал адвокат, можно узнать много интересного, - возражал Муравьёв. Но, в конце концов, махнул рукой. - Ладно, этим Степанов займется, а вы оба отправляйтесь в Тулу. Только под пули, там, без толку, не суйтесь.

Глава 17

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Лавровский проснулся ближе к полудню с тяжёлой головой. Не надо было ночью жжёнку пить, подумалось с запоздалым раскаяньем. Вкуснейший, конечно, напиток, не оторваться. Только больно уж от него потом скверно. Взглянув на себя в зеркало, вздохнул:

- Ну как с такой помятой рожей на свидание идти? Нельзя. А надо.

Вызвал коридорного:

- Принеси-ка, Мишаня, пива.

- Какого прикажите-с? У нас тридцать восемь сортов лучших тульских, московских, петербургских, калужских и орловских пивомедоваренных заводов. Имеется «Дурдинское светлое» и «Дурдинское тёмное», калашниковские «Богемия», «Шведское» и «Санкт-Петербургское кабинетное», «Английский эль» и ...

Алексей нетерпеливо перебил:

- Тащи любое! Только похолоднее!

- Тогда порекомендую водочки-с. В ваших обстоятельствах оно полезнее. Вон господин Тамара, как уж с утра страдал - даже блевал-с. А выкушал полштофа шустовской, брусничной водой запил и полегчало-с. Снова спать лёг и велел до вечера не будить-с.

- Тамара? Разве он у вас остановился?

- Нет-с. В другой гостинице. Только в какой под утро вспомнить не смог-с. Вот и остался в номере господина Савина Николая Герасимовича на диване почевать.

В памяти вновь всплыли строчки из телеграммы Сергея про «наездника Николая».

- Что за человек этот Савин?

Постояльцы гостиничную прислугу за людей не считают и, ничуть не стесняясь, судачат при ней о своих знакомых. Поэтому Мишаня о корнете Савине был наслышан. При том, как с положительной, так и с отрицательной стороны.

... Человек исключительной честности: прошлым летом гуляя в Кремлёвском сквере, нашёл золотой перстень с крупным рубином и незамедлительно дал об этом объявление в «Губернских ведомостях». Отличается крайней непорядочностью и беспардонностью: не только отказался оплачивать свои векселя, но и изорвал их, а клочки бросил в лицо кредитору. Вот за такие проделки и изгнали его с позором из гвардии, говорили одни. Ничего подобного, возражали другие, наказан за связи с революционерами... Беззаветный патриот не о чинах и наградах пекущийся, а о благе Родины: пошёл добровольцем на турецкую войну, проявлял чудеса храбрости, под Плевной тяжело ранен. Наглый лжец: в боях не участвовал, а ранение получил в трактирной драке где-то в Румынии... Соблазнил порядочную даму, заставил

развестись с мужем, а потом обобрал до нитки и бросил. Нет, не он её бросил, а она его - убежала с каким-то французиком, да ещё и восемьдесят тысяч с собой прихватила... Сказочно богат: одно имение в Тульской губернии, другое в Калужской. Почти нищий: его Руднево под Тулой давно заложено и перезаложено, а в Срединском под Калугой недавно дотла сгорел барский дом. О пожаре этом тоже рассказывали разное: кто-то не сомневался, что это месть цыган, которых Савин поймал на конокрадстве и, как следует, поучил арапником, а иные уверяли - дом спалил сам хозяин, предварительно застраховав его на большую сумму...

Преинтересный тип, очень подходит на роль «наездника Николая», подумал Алексей и поинтересовался:

- Николай Герасимович, поди, ещё то же спит после вчерашнего?

- Нет-с. Он ещё утром в Калугу уехал. Какую-то телеграмму важную оттуда получил... Ну, так прикажите принести водочки-с?

Алексей был сильно раздосадован тем, что не удосужился своевременно пообщаться с одним из возможных участников «хоровода». А всё эта жжёнка, проклятая!

- Воздержусь, - решительно сказал он. - Дел у меня на сегодня много намечено... Пойду лучше позавтракаю.

В просторном ресторанном зале никого не было кроме Офросимова и Котикова. Несмотря на обильные ночные возлияния на отсутствие аппетита они не жаловались. Да и на плохое настроение тоже.

- А мы, вот, с Адамом надумали сейчас ко мне в Солосовку поехать, - сказал Сашет, отрезая большой кусок горячего ростбифа. - Может и ты с нами, Алексей? Рысачков, вот, моих посмотрим, в баньке попаримся... А завтра с утра, вот, в Прилепы.

- Соглашайтесь, Алексей Васильевич, - поддержал его Котилов, пододвигая к себе тарелку гурьевской каши. - За Сашетом из имения изумительную тройку прислали. Он согласился, чтобы я ею правил. Обещаю, увидите такой класс езды! Всех московских и тульских троечников за пояс заткну! А если серьезно, имеется у меня корыстный интерес: очень хочется узнать мнение редактора спортивного журнала о моих методах работы с молодняком.

Лавровский развел руками:

- Рад бы, но вынужден задержаться в городе. А наш лихой корнет тоже с вами едет?

- Нет. Николай двенадцатичасовым вяземским в Калугу отправился. У него, вот, неприятности. Судебный следователь телеграммой вызвал его на допрос. В какие жуткие времена мы живем! Такого почтенного

человека взяли и, ни с того ни с сего, заподозрили в устройстве поджога собственного дома, вот.

- Да, уж, - притворно согласился с ним Алексей. На самом деле Николай Савин, чем дальше, тем больше казался ему подозрительным.
- А, что за поляк с ним был?

- А чёрт его, вот, знает. Я его впервые видел. Адвокатишка какой-то бездарный.

- Это точно, - согласился Котиков. - Попросил я его объяснить ту статью майского манифеста, где говорится о сроках давности по денежным начётам наложенным судом за упущения по службе. А он ни бе ни ме ни кукареку.

- И про оставление без взыскания недоимок в пошлинах с межевых планов ничего сказать не смог. Пустой, вот, человек.

Действительно, странный какой-то адвокат, подумал Алексей. Ведь их всех сейчас мёдом не корми дай только порассуждать о Высочайшем манифесте от 15 мая 1883 года о даровании милостей подданным по случаю коронавания Александра III. Любые вопросы с помощью сего документа решать вызываются, на чём хорошие деньги имеют. Несомненно, тоже из шайки. И так, кто у нас в «хороводе»? Актёр Тамара, корнет Николай Савин, трое поляков, один из которых картавит совсем как та барышня, что подошла к

Добрынину на Курском вокзале. А где же Чекан?
Чудеса какие-то...

Отвлекаясь, совсем не заметил, как подошёл половой.

- Чего тебе, любезный?

- Кушать, что будете?

- Ах, да, кушать...

- Рекомендую ростбиф. Осетринка паровая сегодня удалась.

- Возьми ещё гурьевскую кашу, - посоветовал Котиков. - Она здесь не хуже чем у Тестова.

Тут же возмутился Сашет:

- Я хоть и тульский патриот, но с тобой, Адам, вот, не соглашусь. Чайкинской гурьевской каше до тестовской, как моим Амбициям до голицынской Зимы. Орехи прокалили плохо, от этого, вот, сероватый цвет получился. А цукаты повар забыл смочить в апельсиновой настойке. Вот!

- А подай-ка мне яичницу с ветчиной, - распорядился Алексей. - И чайку покрепче.

Наскоро перекусив, он отправился на рекогносцировку.

Считается, что карты и бутылка вина, тем более, если она не одна, лучшие средства

скоротать дорогу. Но и тому и другому далеко до интересного собеседника. За разговором время летит незаметно. Довольно скоро перешли на «ты». Вначале Малинин расспрашивал Астанина, как ему служится в Варшаве:

- Трудно, наверное, приходится? Не любят там русских.

- А мы любили бы поляков, сиди в Москве наместник их круля? Нет, тоже бы проклинали захватчиков ляхов, лишивших нашу, некогда великую, державу свободы.

- Во многом мы виноваты сами, слишком уж часто ненужную жестокость проявляли. Прагу поляки нам долго помнить будут, - сказал Малинин, имея в виду штурм российскими войсками варшавского предместья Прага в октябре 1794 года. - Отличились тогда суворовские чудо-богатыри - больше двадцати тысяч мирных жителей уничтожили.

- А десяти тысячный гарнизон ты тоже к невинно убиенным обывателям относишь? Нет, Серёжа, это были солдаты, которые дрались до последнего. Да и остальные десять тысяч были не такими уж мирными - стреляли в наших из окон каждого дома, с крыш... И вообще очень интересная картина получается. О резне в Праге - весь мир безутешные слёзы льёт. Суворова после неё европейские газеты «кроважadem полудемоном» прозвали. А о Варшавской заутрене молчат стыдливо! Слышал о такой?

- Слышал, - кивнул Сергей.

Варшавская заутреня случилась за полгода до штурма Праги. В пасхальную ночь варшавяне напали на русский гарнизон и вырезали, по разным сведениям, от двух до четырёх тысяч застигнутых врасплох солдат. Их убивали на улицах, в домах и даже в костёлах.

- Как аукнется, так и откликнется, - продолжал Астанин. - Обозлили русского солдата - вот и получили в ответ. Суворов, между прочим, не послал на штурм те полки, которые больше всего в этой чёртовой заутрене пострадали, всячески хотел излишнего кровопролития избежать. Да не удалось.

Вспомнили дела давно минувших дней: как поляки ещё при Ярославе Мудром Киев захватили, как Гришку Отрепьева на русский престол посадили. О недавних событиях поговорили - о мятеже 1863-1864 годов, во время которого обе стороны с пленными особо не церемонились. И пришли к единому мнению - прав Пушкин, написавший:

Уже давно между собою

Враждуют эти племена.

Не раз клонилась под грозою

То их, то наша сторона.

Кто устоит в неравном споре

Кичливый лях иль верный росс?

*Славянские ль ручки
сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.*

- Не при нас сия семейная вражда началась, не при нас, думаю, и кончится, - сказал Малинин.
- Расскажи лучше, Лёша, о Егере. Убедил ты меня не Чекан у Добрынина деньги вымогает, а он.

- Да вроде всё, что знаю о нём, уже рассказал.

- А почему он рубашку никогда не снимает? У нашего Чекана на спине рубцы от наказания кнутом. А у вашего Егеря?

- Понятия не имею. Между прочим у меня самого привычка догола раздеваться только в бане... Да, чуть не забыл, живым Егеря, ни в коем случае, брать не станем. Так в рапорте потом и напишем: «При задержании оказал ожесточённое сопротивление. Мы были вынуждены применить огнестрельное оружие, в результате чего...»

- А если он сопротивления не окажет?

- Не имеет значения.

- Но это произвол! Кто дал нам право брать на себя роль судей и палачей? - возмутился было Сергей, но поймав на себе насмешливый взгляд варшавского сыщика замолчал.

- Сразу чувствуется, Сергей, что сыском ты занимаешься от случая к случаю. А вот когда станешь мазуриков разных каждый день ловить -

по-другому заговоришь. Ты их ловишь, а судебные следователи отпускают за недоказанностью преступления. Обеспечил доказательства - с поличным взял, при свидетелях, а присяжные заседатели выносят вердикт: «Виновен, но заслуживает снисхождения». Упекли какого-нибудь изверга на каторгу - смертной казни за уголовные преступления у нас, сам знаешь, нет. Глядишь, он снова на свободе - сбежал с этапа или «сменился» с кем-нибудь.

Малинин знал, что побеги с этапа не редкость, «сменка» - обмен именами долгосрочного арестанта с краткосрочным - тоже.

- Ян Пинский, как я теперь окончательно убедился, никогда не забывает расплатиться с теми, кто ему помешал. Нотариус, отказавшийся подменить завещание пани Робацкой, спустя месяц взял да и повесился. На отца украденного мальчонки, сообщившего в полицию о похищении, осенью напали какие-то босяки, ограбили и забили до смерти. Феликс Пшешпинский, разоблачивший тёмное прошлое Егеря, сгорел. В меня в последнее время, что-то уж слишком часто стали, дело не по делу, стрелять... Сомневаюсь, что к тебе с напарником и вашим коннозаводчиком Пинский будет более снисходителен.

Возражений у Сергея не нашлось.

В Серпухове пошли в буфет пить чай. Третий звонок не услышали. Пришлось бежать по

перрону, догоняя последний вагон набирающего скорость поезда.

- И всё из-за какой-то бурды, - ворчал потом Астанин.

- Вполне приличный чай был, - возражал Малинин. - Жидковат, правда.

- Не люблю я чай, Сергей. То ли дело - кава по варшавски.

- Кофе с молоком? Эка невидаль!

- Во-первых, не с молоком, а на чистом молоке. Притом, обязательно, на топлёном. Во-вторых, с зёрнышками ванили... А если к нему подают кремувки или наполеонки...

- А разве это не одно и то же?

- Господь с тобой, Сергей! Кремувки - со сливочным кремом, а наполеонки - с ванильным пудингом. Кстати, когда будешь в Варшаве, никогда не заказывай кофе со сливками.

- Почему?

- Смеяться долго будут. Вот, скажут, сумасшедший выискался, кофе с помоями ему потребовался. Спрашивай, каву со сметанкой...

Пять с половиной часов пролетели незаметно.

- Станция «Тула». Стоянка поезда пятнадцать минут, - объявил кондуктор.

Погуляв вокруг гостиницы Чайкина и ближайшим улицам Лавровский понял, почему вымогатели назначали своей жертве встречу у подъезда «Московской», выходящего на Площадную. Киевская улица для подобных предприятий не подходит. Это своего рода тульский Невский проспект или московская Тверская. На ней прекрасное освещение и очень многолюдно.

- И долго здесь публика гуляет? - поинтересовался он у городского, неторопливо прохаживающегося возле гостиницы.

- До поздней ночи, - отвечал тот. - Начиная от Кремля и до самой Киевской заставы, каждый вечер идут здесь и гулянья, и катанья. Сейчас-то народа ещё совсем мало. А вот пошабашат заводы, да подвалят зареченские, так от Посольской до Площадной на тротуарах яблоку негде упасть будет. Потом охотнички наши рысистые подъедут - себя показать, да лошадами своими похвастаться. Здесь я слежу, не позволяю слишком шибко ездить. А за Площадной, вверх к заставе, прямо форменные состязания идут.

Площадная улица не столь многолюдна. Фонарей здесь намного меньше, следовательно вечером бывает достаточно темно. Буквально рядом, Кашинский переулок, в котором находятся все тульские публичные дома. Одиноким мужчиной стоящий поздним вечером на углу внимание городского не привлечёт. К тому же не станет

страж порядка сюда заглядывать - ему и на Киевской дел хватает. С Площадной легко попасть на Калужскую. А там и до Серебрянской улицы рукой подать. До той самой Серебрянки, где, как говорил Муха, от полиции схорониться не трудно.

Городового с Киевской, в случае чего, всегда свистком вызову, стал прикидывать Лавровский, прогуливаться по Кашинскому переулку Георгия отправлю. Эх, мне бы ещё одного человека надёжного у церкви Петра и Павла поставить, чтобы перехватить сволочей на Калужской. Добрынина попросить? Нет, он мужик смелый, только в таких переделках этого недостаточно. А вот шубу и шапку на сегодняшний вечер у него позаимствовать придётся.

Когда собирался уже возвращаться в гостиницу, его окликнули:

- Лёша!

Обернувшись, увидел вылезающего из саней Малинина и незнакомого невысокого широкоплечего молодого человека.

Когда Сергей представил их, Лавровский не смог скрыть довольной улыбки:

- Нашего полку прибыло! Теперь нам, друзья мои, сам чёрт не брат! А то, что ты, тёзка, варшавский сыщик, особенно приятно. Значит,

верный след я взял: причастны к этому делу гастролёры из Царства Польского.

- Причастны? - хмыкнул Астанин. - Скорее уж ваши тульские причастны, а варшавские первую скрипку играют. Извини, Алексей, перебил тебя.

- Разведал я кое-что о двух фартовых из варшавских. Появились они в Туле осенью, промышляют грабежом и разбоем. У одного кличка Буря. На вид ему лет сорок, невысокий, толстый. А напарника его Зубом прозывают. Он ещё совсем молодой - лет двадцати. Высокий, стройный. Картавит слегка: не выговаривает «р», если за ней согласная буква идёт. Зуб хороший мастер карманной выгрузки. Сергей, тебе это описание никого не напоминает?

- Картавая барышня, которая к Добрынину на Курском вокзале подходила? Да, переодеться в женскую одежду не трудно.

- Зубу, друг мой, это не только не затруднительно, но и, напротив, удовольствие доставляет. Он содомит, «тётка». От надежного человечка слышал, Буря его пользуется.

Лавровский торжествующе посмотрел на собеседников. Вот, мол, какой я ловкий, всего сутки в Туле, а уже столько разузнал.

- Молодец, - похвалил Астанин. - Теперь можно не сомневаться, деньги у Добрынина вымогает шайка Яна Пинского по кличке Егерь.

Буря, по-польски Бужа, его давний подельник, известный душегуб. Про второго, признаюсь, мне раньше слышать не приходилось. Нет в нашей картотеке ни Зуба, ни Зомба... Ну, да и чёрт с ним. Нас сейчас, куда больше, интересует сам Янек. По внешности он очень похож на вашего неуловимого Чекана: роста выше среднего, волосы светлые, глаза серые, носит пышные усы. Ты тёзка, такого типа случайно не встречал?

Лавровский смутился. Он понял, что минувшей ночью сделал большую ошибку: сосредоточив всё внимание на Тамаре, да ещё на жжёнке, совсем упустив из виду не только «наездника Николая» - корнета Савина, но и поляка, пришедшего с ним на пирушку.

- Было дело. Видел его мельком. Вначале подумал, что он театральный антрепренёр, а потом узнал - адвокат. Зовут Феликсом.

- Это он! Убил, мерзавец, присяжного поверенного Феликса Пшепшинского, а теперь выдаёт себя за него. Где проживает, знаешь?

- Нет. Его привёл отставной корнет Николай Герасимович Савин.

- Тогда Савина надо немедленно найти!

- Не получится. Он ещё днём в Калугу уехал. Судебный следователь подозревает, что Савин поджёг свой дом, чтобы страховку получить... Кстати, друзья мои, интересный сюжет получается. Савин, как мне говорили,

служил раньше в Гродненском гусарском полку, который в Варшаве квартирует. Может он с тех пор с Егерем знаком?

- Вполне вероятно, - согласился Астанин. - Но корнетом потом займёшься. Не сомневаюсь, калужский судебный следователь обяжет его подпиской о невыезде... А сейчас давайте Егеря искать... Придётся в местную полицию идти. В Москве Пинский чужой паспорт, скорее всего, побоялся на прописку сдать, но в провинции подобную вольность может себе позволить.

- Четверть восьмого, - взглянув на часы, сказал Малинин. - В адресном столе уже никого нет. А обращаться к начальству...

- Пустое дело, - закончил за него Лавровский, вспомнив свою первую встречу с полицмейстером Тришатным. - Боюсь, с распростёртыми объятьями нас не встретят. Начнут долго и нудно расспрашивать: «Кто?», «Зачем?», «На каком основании?». А мы с Сергеем частные лица. Да и ты. тёзка, как понимаю, находишься здесь приватно.

- Не совсем, - возразил варшавянин. - Я выполняю поручение начальника управления Московской сыскной полиции.

Лавровский придал голосу и лицу начальственную важность:

- А документ соответствующий у вас где? Нет? Тогда извольте ожидать, пока полковник

Муравьёв ответит на мой запрос касательно ваших полномочий. А будете своевольничать, распоряжусь выслать из города!

Все рассмеялись.

- Не знаю, как у вас в Польше, а в России, тёзка, без бумажки ты букашка.

- У нас тоже похожая пословица есть: «С бумажкой ты пан, а без бумажки - хам». Однако, что же делать?

- Имеется у меня, друзья мои, один план.

Выслушав Лавровского, Сергей сказал:

- Вечно ты, Лёша, к чёрту на рога лезешь.

Впрочем, в голосе его слышалось не осуждение, а скорее легкая зависть. Всегда Лавровскому достаётся самое опасное и интересное!

Астанин немного подумав, одобрил:

- Замечательный план. Только мы его малость подправим. Где здесь можно купить пару книг на хорошей бумаге?

- Зачем? - не поняли Лавровский и Малинин.

- «Куклу» приготовить... А ямское заведение поблизости имеется?

- Да. На Посольской конный двор извозопромышленника Лабызова. А мы собираемся куда-то ехать?

- Скорее наоборот. Только для этого нам потребуются две тройки запряжённые «гусем». И желательно без ямщиков... А где бы водку похуже найти?...

В конце концов, от «замечательного плана» Лавровского не осталось ничего, кроме того, что на встречу с вымогателем пойдёт он, переодевшись в шубу и шапку Добрынина.

Глава 18

ОХОТА НА ЕГЕРЯ

Возле подъезда гостиница Чайкина, выходящего на Площадную улицу, прохаживался представительный господин в дорогой собольей шубе. Он громко ворчал:

- Совсем порядка не стало. Считай в самом центре города, пьяные валяются. И никому до этого дела нет! Завтра же полицмейстеру нажалуюсь.

Недовольство его было вызвано тем, что возле фонарного столба сидел на снегу прилично одетый молодой человек, от которого за версту разило сивухой. Вернее не сидел, а пытался встать. А после каждой неудачной попытки раздражался отборной бранью по адресу погоды, дворников, городского головы.

- Насчет головы попридержи язык, - возмутился господин в шубе. - За поносные слова про моего батюшку могу и по морде дать.

- Пошёл, на ... Не, стой! Сыщи мне извозчика, а я тебе за это гривенник на водку пожалую.

Редкие прохожие делали вид, что не слышат просьбу господина в шубе пригласить городского с поста за углом.

В четверть одиннадцатого с Киевской на Площадную въехали сани, в которые была запряжена пара крупных вороных рысаков. Остановились у подъезда.

- Садитесь, ваша милость. С ветерком прокачу, - предложил толстый кучер с окладистой, как у Александра III, бородой.

- Езжай, любезный, своей дорогой, не до тебя мне сейчас.

- Так то я пану Добрынину свидание и назначил.

- Врёшь. На Чекана ты совсем не похож. А я только с ним разговаривать стану. В отличие от вас, господа мазурики, я со всей серьезностью отнёсся к нашему делу. Даже задаток принёс, - Алексей вытащил толстую пачку двадцатипятирублёвок, перетянутую бечёвкой. В действительности это была «кукла»: кредитки только сверху и снизу, а между ними простая бумага.

- Так я пана к Чекану и доставлю. Садитесь.

Лавровский быстро прикидывал: тот, что в санях на Егеря тоже не похож - тонок и молод. Значит, главарь побоялся приехать на встречу. Что делать? Брать этих? Или рискнуть?

- Бужа! Шухер! - крикнул человек в санях. - Это не Добрынин! Гони!

Не раздумывая, Алексей прыгнул в сани, ударил кричащего по голове, навалился всем телом. Тот отчаянно сопротивлялся, расцарапал Лавровскому щёку, укусил за руку.

- Багбос проклятый... Бужа... Помогите!

Но Буже было не до напарника. Увидев, что к нему с револьвером в руке бежит протрезвевший «пьяница», тряхнул вожжами:

- Но-о-о! Но-о-о!

И тут же осадил лошадей - дорогу перекрыла вылетевшая из Кашинского переуллка ямская тройка запряжённая «гусем». Разворачиваться смысла не было - другая тройка загородила выезд на Киевскую. Поляк успел выхватить «Смит-Вессон» и несколько раз выстрелить. Мимо! Астанин оказался более метким: обе его пули достигли цели.

- Анджей Бужинский, он же Бужа, - сказал варшавский сыщик, склонившись над трупом. - Всегда он никудышным стрелком был. Из-за этого и дезертиром стал. Замордовал его взводный. А он ему штык в брюхо и сбежал... Тезка, твой-то крестник хоть жив?

- Жив. Я его только малость оглоушил. Кусачий, зараза! Не иначе за это его и Зубом прозвали.

Подбежали переодетые в ямщиков Малинин и Рибопьер.

- Господа, извольте возвратиться к тройкам. Прошу не допускать на место происшествия посторонних, - деловито распорядился Астанин. - Теперь будем ждать местную полицию... А ты, Алексей, засунь Зубу за пазуху «куклу» - лишняя улика не помешает.

Лавровский поморщился. К педерастам он испытывал непреодолимую брезгливость. Но делать нечего: расстегнул пальто Зуба, пиджак, жилет... И не удержался от восклицания:

- Однако! Ну и ну!

- Ты чего? Нашел, что интересное?

- Ага... А ведь это не «тётка»... Нет, тётка, конечно, только в прямом смысле.

- Ничего не понимаю!

- Это женщина.

- Ты не путаешь?

- Не в том я возрасте, тёзка, чтобы бабу от мужика не отличить. Всё при ней. Вот и в себя пришла... И как же теперь тебя звать-величать прикажешь, красавица?

- Убери граблюхи багбос... Скажу Янеку. что ты меня лапал, так он тебя до смегти за...

- Такой ревнивый? Это хорошо. Интересно будет посмотреть на него, когда узнает как тебя покойный Бужа тараканил.

- Врёшь, мегзавец! Врёшь!

- Правду говорю. На малине у Кудлатого это было.

- Мегзавец!

- Алексей, тульское начальство прибыло, - сказал Астанин. - Не беспокойся, будет у тебя ещё время с мадмуазель Икс на любовные темы побеседовать.

Прав был Лавровский, предполагая, что тульская полиция с распростёртыми объятиями их не встретит. Астанин представился полицмейстеру Тришатному, доложил по каким делам находится в Туле, попросил содействия:

- К сожалению, Ян Пинский на встречу не пришёл. Надо гостиницы проверить. Он может проживать по паспорту убитого им...

Тришатный его не дослушал:

- Всё это, разумеется, интересно. Но вначале извольте объяснить: почему вы занимаетесь самоуправством? Варшавский обер-полицмейстер должен был снестись со мной...

- О том, что Пинский в Туле, я узнал, находясь в отпуске. Начальник московской сыскной полиции не возражал...

- Ваш Муравьёв для меня не начальник!

Подошёл пристав 1-й части:

- Александр Александрович, что с ямщиками делать?

- Запишите фамилии и гоните их в шею, - распорядился полицмейстер.

Пристав подозвал своего помощника:

- Займитесь.

Тот, в свою очередь, велел городовому:

- Слышал? Тогда исполняй!

В разговор вступил, молчавший до сих пор судебный следователь титулярный советник Булах:

- Позвольте, Александр Александрович?

- Разумеется, Владимир Филиппович.

Следователь снял очки, протёр их белоснежным батистовым платком, снова водрузил на нос и только после этого неторопливо начал:

- В действиях губернского секретаря Астанина усматриваются составы преступлений предусмотренных статьями 345-й, 346-й, 347-й и 348-й второй главы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», в которых

говорится о превышении власти. Следы побоев на лице задержанной подтверждают нанесение оскорбления действием. В соответствии со статьями 250-й, 288-й и 297-й «Устава уголовного судопроизводства» у меня имеются все основания для начала предварительного следствия.

Обескураженный таким напором Лавровский шепнул Астанину:

- Похоже, попали мы, тёзка.

Варшавский сыщик беспечно улыбнулся:

- Пустое. Мне с судейскими крючками воевать не впервой... Господин титулярный советник, вы случайно или намеренно исказили название главы второй «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»? Напомню его полное название - «О превышении власти и о противоправной оной бездеятельности».

- При чём здесь это? - следователь неприязненно посмотрел на сыщика.

Лавровскому вспомнилось, как однажды старый полицейский Карасёв в притоне на Грачёвке отчихвостил местного участкового пристава. Устыдившись своей минутной растерянности, он кинулся в бой:

- А притом! Варшавские и московские сыщики приехали помочь вам. От душегуба Бури уже туляков избавили... А вы нам палки в колёса ставить? Так и доложу Владимиру Андреевичу!

- Какому ещё Владимиру Андреевичу? - побагровел Тришатный. - Нет у нас в Туле таких.

- Зато в Москве есть! Он-то вас к порядку призовёт!

Полицмейстер сразу понял, кого имеет в виду этот наглец. И, ведь, оборвать его боязно. А вдруг, действительно, вхож к Долгорукову? Не зная на ком сорвать злость, набросился на пристава:

- Я же приказал удалить с места происшествия посторонних? Почему до сих пор ямщики здесь?!

Пристав посмотрел на помощника. Тот толкнул в бок городского.

- Ваше высокоблагородие, это вовсе не ямщики. А оказывающие, по своей охоте, содействие сыскной полиции подполковник гвардии граф Рибопьер и кандидат прав Малинин, - доложил городской.

Свою лепту в сумятицу и скандал внёс сильно подвыпивший Алексей Добрынин. Неохотно остался он в номере Лавровского, когда другие пошли брать вымогателей. В конце концов, томительное ожидание надоело, и он вышел на улицу. Увиденное и услышанное ему совсем не понравилось:

- Какого чёрта, Сан Саныч? С меня разбойники тридцать тысяч вымогали. Я

московских сыщиков пригласил. А вы их под суд?!

- Алексей Николаевич, вам следовало обратиться ко мне, - стал объяснять ему Тришатный. - Думаю, мы быстро бы изловили...

- Вы?! Изловили?! - пьяно захохотал Добрынин. - А что же вы столько лет Чекана поймать не можете? Или не хотите?

- Милостивый государь, извольте выбирать слова! - в который уже раз побагровел полицмейстер. - При всём уважении к вашему отцу, я не позволю...

Неизвестно чем бы всё это кончилось, но на место происхождения приехал прокурор окружного суда Давыдов. Отозвав полицмейстера в сторону, он сказал:

- Полубоопытствуйте, какую телеграмму я из Москвы получил.

Подойдя к фонарю, Тришатный стал читать:

В связи с проведением предварительного следствия о покушении на ограбление жены тайного советника Нейдгард Марии Александровны и совершении ряда других преступлений в Московской зпт Тульской и Привисленских губерниях к вам командирован судебный следователь по особо важным делам Быковский тчк Прошу оказать ему всемерное содействие зпт а также потребовать такового

от полиции городов и уездов вашего судебного округа тчк Одновременно извещаю зпт что для розыска и задержания подозреваемых в Туле находятся чины московской и варшавской сыскной полиции тчк Прокурор Московской судебной палаты действительный статский советник Гончаров

Полицмейстера сразу будто подменили:

- Господа сыщики, прошу не сердиться на меня за резкость. Из-за моего чрезмерного служебного рвения недоразумение вышло. Можете рассчитывать на любое содействие. Поедем ко мне, там все и обсудим.

Наверное, никому из служащих тульской городской полиции не удалось поспать в ночь со вторника на среду. До утра были ярко освещены все окна приземистого двухэтажного дома с колоннами недалеко от пересечения Киевской и Верхне-Дворянской улиц. Подчинённые давно не видели полицмейстера столь энергичным. Он распорядился выставить усиленные посты на выездах из города и возле вокзалов, велел приставам провести обыски во всех притонах на Серебрянке, возле Всехсвятского кладбища и в Заречье. Отправил наряды для проверки гостиниц и постоялых дворов, сам участвовал в допросах задержанных.

Причина приступа кипучей деятельности объяснялась просто - прокурор Давыдов сказал, что приезжие, действительно, могут пожаловаться московскому генерал-губернатору.

- Неужели у них такие большие связи? - засомневался Тришатный.

- А вы как думали? Граф Рибопьер один из богатейших людей страны. Со многими сильными мира сего в родстве или свойстве... А этот Лавровский с половиной Москвы на «ты». Между прочим, он вчера с нашим предводителем брудершафт пил.

- С Андреем Алексеевичем? - спросил Тришатный, имея в виду уездного предводителя дворянства.

- Да нет, с губернским, с Фёдором Александровичем.

Много чего удалось узнать за ночь.

... В притоне Кудлатого на Серебрянке, на который Лавровский посоветовал обратить особо пристальное внимание, задержали трёх беспаспортных и нашли десяток новеньких берданок, явно украденных с казённого оружейного завода. Вот хозяин и стал словоохотливым:

- Бывал у меня Буря. Деловой он: по-свойски кумекает, за бугром гостил, при бабках всегда. Шпанка наша вокруг него так и вилаась. Да он привередливый. К Мухе сперва

присматривался, а потом послал его куда подальше - портяночник, мол, ты. Одного Гришку Мясника в свой хоровод взял.

- А Зуб к тебе приходил?

- Редко.

- Он из «тёток»?

- А кто его знает. Не слежу я кто, кого и как... Да и не за блудным делом ко мне люди ходят, а водочки своей кумпанией выпить, в картишки перекинуться.

- Зуб сильно пьёт?

- Он, видать, из барчуков: водку на дух не переносит, дорогого вина ему подавай.

- А играет?

- Да уж! И в карты, и в кости, и об заклад побиться любит. С марвихером Правшой на две катеньки поспорил, что лопатошник и бимбары на Московском вокзале сработает. Выиграл!

- Егерь вместе с Бурей и Зубом приходил?

- Никогда я о таком не слышал.

... Тульского мещанина Григория Волкова взяли в доме сожительницы на Матякинской улице.

Когда-то был он приказчиком в мясной лавке. Но проворовался, и прогнали его с места. После этого нигде не служит, все дни проводит в

трактирах и чайных, якшается с тёмными людишками, подворовывает.

На допросе Мясник повёл себя нагло:

- Какая такая буря? Ничего не знаю... И про егерей с зубами не слыхивал... И вообще, нет такого закона, чтобы честных тружеников по ночам хватать и в полицию тащить. Прокурору жаловаться стану.

У Малинина кулаки сами по себе сжались, теперь он хорошо понимал Муравьёва, занимающегося рукоприкладством:

- А в морду хочешь?

- Спокойно, Сергей, без этого обойдёмся, - остановил его Астанин. - Пошли, Гриша.

- Куда это? В чижовку? Не имеете правов...

- Не волнуйся, Гриша. В камере тебе ночевать не придётся. Проведём сейчас очную ставку и распрашиваемся.

Мясника привели в полицейский морг, где лежал голый труп Бури.

- Узнал? - спросил варшавянин. - По глазам вижу, узнал. Вот и замечательно. А теперь раздевайся.

- Зачем?

- Продаст сторож одежонку твою, да и выпьет за помин души. А изгваздаешь её

кровищей, кто купит-то? - Астанин достал «Смит-Вессон». - Да поторапливайся, а то озяб я что-то.

После этого Мясник охотно ответил на все вопросы. Правда, знал он не много: о Егере слышал, но никогда его не видел; на дело Буря и Зуб брали только один раз - когда артельщика с товарной станции грабили. А вчера, велели ему с девяти до без четверти десять прогуливаться возле гостиницы Чайкина, по Киевской и Площадным улицам, Кашинскому переулку.

- Буря мне сказал: «Заметишь фараонов или легавых - беги из города. Не увидишь ничего подозрительного, приходи в трактир «Санкт-Петербург». Только не мешкай, а то голову оторву». Пришёл я, доложил. Он мне красненькую дал.

- Молодец, Гриша, - похвалил Астанин. - На суде тебе это зачтётся.

И вдруг ударил Мясника в ухо.

- Сейчас-то зачем бить? - поморщился Малинин.

- А это ему подлецу, за косушку коньяка, которую он у меня спёр, когда я под фонарём валялся. Холодно же на снегу! Рассчитывал я, потом согреться, да из-за этого сявки не получилось. Теперь чувствую, насморк начинается.

... След Яна Пинского отыскался в гостинице «Эрмитаж», что на Посольской улице

недалеко от Николочасовенской церкви. Разумеется, знали его здесь не как фартового Егеря, а как почтенного адвоката Пшепшинского.

- Съехал вчера от нас Феликс Ксаверьевич. - словоохотливо рассказывала хозяйка гостиницы Саламатина. - Он ведь у нас полгода проживал. Бывало, отъедет на неделю в Москву и опять к нам. В столицах, говорит, дела вести хорошо, а жить надо в таких городах как Тула, тихо здесь и благостно... Побольше бы таких постояльцев: пьянок-гулянок не устраивал. Девочек уличных и шансонеток разных в номер не водил.

- Гости к нему приходили? - поинтересовался Лавровский.

- Одна только племянница Надежда Ивановна раза два-три в неделю его навещала. Такая скромная барышня, такая красавица и так мило картавит.

- Как её фамилия?

- Откуда мне знать? Мы у гостей паспортов не спрашиваем, только у жильцов.

У горничной о племяннице было совсем другое мнение:

- Сожительствовала она с дядей, оглобля бесстыжая. И с другими распутничала. Сама видела: отлучился как-то Феликс Ксаверьевич, а Надька сразу юрк в соседний номер, где господин Савин остановился.

- Может по делам зашла?

- Ага, по этим самым. В коридоре слышно было.

Обыск номера, который занимал Егерь, ничего не дал. Не удалось найти и извозчика, на котором он уехал из гостиницы.

... Актёра и антрепренёра Тамару привезли в городское полицейское управление под утро из гостиницы «Биржа», где он снимал номер. Перепуган он был не на шутку.

- Чем провинился, Александр Александрович? - заискивающе улыбаясь, спросил он полицмейстера, с которым был немного знаком.

- Что?! - рявкнул Тришатный. - Да как ты смеешь со мной фамильярничать?! Мошенник! Плут! Рассказывай всё на чистоту.

- О чём, ваше высокоблагородие? Ей богу, чист перед законом и совестью.

- Странно слышать такие слова от шулера и сводника, - вмешался в допрос Малинин. - Впрочем, подобные мелочи нас сейчас не интересуют. Вы оказались в полиции из-за слежки за господином Добрыниным. Не хочу пугать, но для вас это может кончиться судом и каторгой.

- С разбойниками спутался, мерзавец! - грохнул кулаком по столу полицмейстер. - А я, дурак, за тебя перед городским головой хлопотал!

- С какими разбойниками? - побледнел Тамара. - Об этом мелком одолжении меня попросил Николай Герасимович Савин. Давай, говорит, над Алексеем Николаевичем подшутим. Все, дескать, знают, что его Олимпиада Платоновна страсть как ревнивая, потому он ей и не изменяет. Вот, мол, посмотрим, что Добрынин делать станет когда, с одной стороны, интересная дама на свидание приглашает, а с другой жена следит.

- Савин, говорите? А в разговоре с госпожой Старцевой вы сослались на просьбу некого графа Николая де Тулуз-Лотрека.

- Так это же одно лицо! Николай Герасимович мне сам рассказывал, что получил от родного дяди, умершего в Северо-Американских Соединённых Штатах, богатое наследство и графский титул. Только, дескать, пока всё в законном порядке оформить не успел.

Тамара без утайки рассказал и про трагика Эраста Низовского, и про сдобную дамочку Анну Александровну.

- Все это нам известно, - кивнул головой Малинин. - Вижу, не врёте. А теперь хотелось бы услышать про адвоката Пшешшинского.

- Ничего не могу сказать про этого господина. Впервые увидел его в понедельник у Чайкина. Слава богу, не знаком с ним, - актёр поёжился. - У него глаза убийцы.

...Настенные часы пробили семь утра.

- Поеду я на вокзал московского гостя встречать, - сказал полицмейстер. - Следователь Быковский телеграмму прислал, что выехал тульским пассажирским.

Глава 19

ДОЧЬ ПРЕСТИДИЖИТАТОРА

Вместо судебного следователя по особо важным делам Быковского полицмейстер вернулся со Степановым.

- Василий Романович, соблюдая служебный этикет, отправился с визитом к прокурору, - объяснил тот. - А мне велел, не медля, с вами встретиться и в курс дела ввести. Правда, желательно, сделать это за завтраком, больно уж проголодался.

- Тогда пошли к Чайкину, - предложил Лавровский. - Недалеко и кормят замечательно.

По дороге к Чайкину Степанов рассказал о московских событиях.

- Только Сергей с Алексеем Фёдоровичем уехали, возвращается Смолин...

... Старому сыщику мальчишка, вырвавший сумочку у госпожи Нейдгард, показался подозрительным: одет в рваньё, а сам чистый, даже грязи под ногтями нет; по разговору на слабоумного похож - мычит, что-то непонятное, слюни пускает, а взгляд дерзкий и недобрый, как

у волка. Не доводилось Смолину встречать таких огольцов на Грачёвке и Хитровке. Забрал он его из участка и привёз в сыскное - пусть начальство разбирается.

Муравьёв, для начала, пообещал задержанному:

- А вот станут тебя одной селёдкой кормить и воды давать не будут, так сразу поумнеешь.

Подросток радостно заулыбался:

- Селёдочка... солёненькая... скусно... Дай! Дай, дядя!

- Похоже, в самом деле, дурачок, - сказал Муравьёв, у которого убогого бить рука не поднялась. - Вася, выясни, не было ли за последние дни побегов из приютов и лечебниц для скорбных умом.

В это время пришёл хозяин цирка на Цветном бульваре Саламонский.

- Большое спасибо за помощь, Константин Гаврилович. Всех карманников ваши ребята распугали. С Рождества в моём заведении ни единой кражи не случилось. Позвольте выразить искреннюю признательность, - он незаметно положил между бумаг на столе конверт. И тут обратил внимание на огольца. - Константин Гаврилович, а чем провинился этот бедный мальчик?

- Вы его знаете? - насторожился Муравьёв.

- Нет. Но он очень похож на сына моего давнего коллеги по арене Жана де Ла-Дана.

- Француз? - поинтересовался Муравьёв.

- В России все цирковые французы или итальянцы, - улыбнулся Саламонский. - Эквилибрист Даниленко стал Розетти, дрессировщик Шевченко - Манжелли... А Ваня Зубко для привлечения публики взял себе псевдоним «Шевалье де Ла-Дан».

- Понятно, - кивнул Муравьёв, - «Зуб» по-французски «дан», а «де» и «ла» для солидности.

- Отличный наездник был, - вздохнул Саламонский. - А фокусник и того лучше... Фокусники, да будет вам известно, делятся на два разряда: иллюзионисты и притворщики. Первые совершают всевозможные чудеса с помощью различных хитрых механизмов, вторые - исключительно благодаря ловкости своих рук. Но настоящий артист должен гармонично сочетать в себе оба начала. Именно таким и был Ваня.

- Альберт Вильгельмович, а почему вы о нём в прошедшем времени говорите? - спросил Степанов.

- Вы про пожар в Бердичеве слышали?

В один из первых дней января прошлого года во время представления цирка Феррони в Бердичеве случился страшный пожар, о котором

писали все российские газеты - погибло более трёхсот человек.

- Вот и Ваня с женой там сгорели. У них двое детей было - Надя и Миша. Талантливые дети! Чуть не с пелёнок отцу во всех номерах ассистировали... Пытался я их разыскать, но безуспешно. Одни говорят, погибли вместе с родителями, другие, будто бы, видели их после пожара. Этот мальчик показался мне чем-то похожим на Мишу, только у него очень уж придурковатое лицо...

- Пошёл я, на всякий случай, в адресный стол, - продолжил рассказ Степанов. - И выяснил: в Малом Сокольничем переулке в доме мещанки Косичкиной с июня прошлого года квартирует полтавская дворянка Зубко Надежда Ивановна двадцати двух лет от роду, вместе с которой проживает малолетний брат Михаил тринадцати лет. Помчались мы с Муравьёвым в Сокольники. Дворника и кухарку расспросили... Короче, Надежда Зубко эта никто иная как картавая воровка, которую мы давно и безуспешно ловим.

- Уже поймали, - довольно улыбнулся Лавровский. - Теперь ясно почему она себе такую кличку взяла. И ловкость рук понятна - с детства соответствующую практику имела. Видел я однажды её в работе.

Все вопросительно посмотрели на него.

- В цирке, на представлении видел.

Лавровскому очень хотелось рассказать, как это было. Но, вспомнилось правило, которому научили его в молодости бывалые люди - «Нашел - молчи, украл - молчи, потерял - молчи». Не обо всём при посторонних говорить можно.

... Лет десять тому назад работал он крючником в Рыбинске - таскал девятипудовые кули муки с барж на берег. Как-то в воскресенье пошёл прогуляться по городу и забрёл в цирк на ярмарочной площади.

Третье отделение началось с того, что важный, в золотых позументах шпехшталмейстер торжественно объявил:

- А сейчас, уважаемая публика, проездом из Санкт-Петербурга в Константинополь, профессор чёрной и белой магии, первый престижиджитатор Франции, личный факир магараджи Кашмира шевалье Жан де Ла-Дан! Маэстро, тушь!

На арену вышел высокий стройный мужчина в превосходно сшитом фраке и цилиндре.

- И его ученица, очаровательная мадмуазель Надин!

Девочка лет двенадцати в розовом платье грациозно раскланялась с публикой.

Факир прошёлся по арене, на лету поймал несколько букетов и поднял руку, призывая к тишине.

- Показывать опыты натуральной магии в перчатках - дурной тон, - сказал он, снял лайковые перчатки и подбросил их в воздух. Они исчезли.

- Надин, где мой магический жезл?

Девочка подала фокуснику палочку черного дерева в палец толщиной. Тот щёлкнул по жезлу ногтем и извлёк из него апельсин.

Публика рукоплескала.

- А теперь приглашаю на арену того у кого имеются самые дорогие часы.

Вышел солидный бородач в старомодном сюртуке и плисовом картузе - один из крупнейших рыббинских хлеботорговцев.

Престижджитатор оценил его часы:

- Редкая вещь, настоящий брегет. А теперь положите его на этот столик. Накройте своим картузом... Поднимите картуз.

Часов на столике не оказалось.

- Вы эти штучки бросьте! - возмутился купец. - Я и в полицию...

- Не волнуйтесь, почтенный. Часы в вашем правом кармане.

Хлеботорговец полез в правый карман и извлёк из него... кружевные дамские панталоны. Точно такие же оказались и в левом кармане. Зал знавший купца, как большого «ходока», хохотал.

- О, да вы проказник! - погрозил пальцем фокусник. - Я сразу догадался, что у вас в зале подельник. Надин, приведи на арену господина в канотье из третьего ряда. Часы у него.

Брегет действительно оказался у господина в канотье в жилетном кармане....

Через несколько дней Алексею пришлось срочно распрощаться с Рыбинском - узнал, что полиция готовит большую облаву, а паспорта у него, конечно, не было. Зато деньги водились. Приоделся поприличнее и взял билет во 2-й класс на пароход идущий в Астрахань. На палубе за чаем познакомился он с Жаном де Ла-Даном и его семьёй: женой - миниатюрной женщиной восточного типа, дочерью - той самой Надин, и забавным карапузом лет трёх - сынишкой Мишей.

Иван Зубко любил цирк больше всего в жизни:

- Когда-то я в уланах служил, о военной карьере мечтал, в Николаевскую академию Генерального штаба поступать готовился. Но попал однажды совершенно случайно в цирк и понял - здесь моё место. Ведь каждому бог свой особый талант даёт: одному лечить людей, другому - учить. А моё призвание веселить их. Здорово ведь с часами получилось?

- Забавно, - согласился Алексей.

А Надин фыркнула:

- Лучше было бы, папа, окажись брегет не у господина из третьего ряда, а в твоём кармане. Купил бы мне новое платье и туфельки, взял каюту в 1-м классе...

- Ты это, Надька, брось, - погрозил пальцем престижитатор. А потом рассмеялся. - Дурная кровь, видать, сказывается. Мои предки были запорожцами. Это Гоголь их лыцарями без страха и упрёка, защитниками веры христианской описал. А на самом деле - разбойники чистой воды, грабили всех подряд - и мусульман, и католиков, и православных, водились бы только гроши. Признаюсь, меня по молодости и самого на авантюры разные тянуло. Но повзрослел - поумнел...

А Степанов тем временем продолжал:

- Прислуга рассказала, что Надежду и Михаила Зубко почти каждый день навещал их дядя - высокий сероглазый мужчина. Частенько ночевать оставался. Околоточный как-то заинтересовался им, попросил паспорт предъявить. Тот только плечами пожал: смотрите, мол, на здоровье, мне скрывать нечего. Нашли мы околоточного, он фамилию дяди запомнил.

- Пшепшинский? - не выдержал Астанин.

- Совершенно верно: присяжный поверенный Феликс Пшепшинский... Обыск в доме, как сами догадываетесь, ничего не дал. Не такой человек ваш Егерь, чтобы уликами

разбрасываться. Тем более, целый портфель ворованных ценностей он на сохранение Старцевой передал... Вернулись мы в сыскное, а там переполох - Муравьёва вместе с обер-полицмейстером Козловым к генерал-губернатору требуют. Приехали они. В кабинете у Долгорукова Мария Александровна Нейдгард сидит, успела уже пожаловаться. Наш Владимир Андреевич при дамах покрасоваться любит. Начал он Козлова чихвостить: «Распустили мазуриков! В самом центре города уже грабят! За что только вы тринадцать тысяч рублей в год получаете?». Обер-полицмейстер с ноги на ногу переминается, да краснеет. Возразить-то нечего. А наш Муравьёв подождал, когда Козлов красным как рак станет, и докладывает: «Ваше сиятельство, вина московской полиции в случившемся, конечно, усматривается. Но прошу принять во внимание, что попытка ограбления Марии Александровны нами успешно пресечена. Попытка сия была совершена гастролёрами - шайкой варшавских фартовых. Мои агенты установили, что возглавляет её некий Ян Пинский, по кличке Егерь. На его счету ряд дерзких преступлений совершенных в Царстве Польском - мошенничества, грабежи, разбой и убийства. В настоящее время Пинский находится в Туле. В Москве он проживал по паспорту убитого им адвоката Феликса Пшепшинского». Мария Александровна, как услышала это, так ей дурно сделалось, пришлось за врачом посылать.

Оказывается Пшепшинский к ней вхож: в гости частенько заезжал, услуги разные «Дамскому попечительству о бедных» оказывал.

- Дальше всё понятно, - кивнул Лавровский.
- Очухалась Мария Александровна и взмолилась: «Владимир Андреевич, голубчик, велите изловить этого изверга! Пока он на свободе я спать спокойно не смогу!» Вызвал Долгоруков прокурора судебной палаты, велел выделить лучшего следователя, телеграмму в Тулу отбить... Удачно для нас всё сложилось. Одно плохо, на показания Михаила Зубко теперь рассчитывать не приходится... Так, Василий Васильевич?

- Так. Мария Александровна своей добротой и мягкосердечием известна. Вы, говорит, Константин Гаврилович, только не вздумайте бедного мальчика бить, он ни в чем не виноват, его трудная жизнь и бедность испортили. Короче говоря, забрала от нас задержанного и в Рукавишниковский приют поместила. А нам, господа, теперь в Москву без Пинского возвращаться нельзя. Необходимо представить живым или мёртвым.

- Последнее предпочтительнее, - сказал Астанин и подозвал полового. - Подай, голубчик, ещё ваших тульских пряников. Признаюсь, они мне лучше варшавских наполеонов показались.

После первого допроса Надежды Зубко судебный следователь по особо важным делам Быковский сокрушённо покачал головой:

- Да, на весь мир барышня озлоблена. Всех ненавидит: отца в нищете жившего, не смотря на свои таланты; мать связавшую судьбу с бродячим артистом; хозяина цирка, платившего жалкие гроши за выступления; публику, которую развлекать, приходилось; знакомых, бросивших после бердичевского пожара её с малолетним братом на произвол судьбы. Одно светлое пятно в её жизни - Янек Пинский. Он и в трудную минуту на помощь пришёл, и к интересному, денежному делу приставил... Ничего полезного сейчас Зубко нам не скажет, будет молчать. Вот когда мы Егеря поймаем, тогда она сразу поразговорчивее станет - не захочет, чтобы благодетель узнал, как она с Бурей ему рога наставляла... Из Григория Волкова вы уже вытрясли всё, что можно. Эта шестёрка нам ничем больше помочь не может... Признаюсь, определённые надежды возлагал я на допрос отставного корнета Савина Николая Герасимовича. Но он, как сообщили из Калуги, по вызову судебного следователя туда не прибыл, исчез в неизвестном направлении... Как видите, батеньки, положение наше не столь блестящее, как на первый взгляд казалось. Где искать Егеря мы не знаем. Притом на содействие туляков особо рассчитывать не приходится. Им сейчас не до какого-то варшавского Егеря - своего Чекана

ловить надо. Этот разбойник в последние дни опять о себе напомнил.

- Вы о подготовке побега его подельников из губернского тюремного замка? - спросил Лавровский.

- Не только. Готовилось ограбление Каширского общественного банка, которое, слава богу, тоже удалось предотвратить. Между прочим, благодаря вам, Алексей Васильевич.

- Благодаря мне? - искренне изумился Алексей.

- Вот именно, батенька. Ведь это вы в поезде Матвея Рогова взяли?

- Было дело.

- При обыске в сапоге у него нашли записку, адресованную старшему кассиру Каширского банка, примерно, такого содержания: *«Уважаемый Иван Иванович! Предложение ваше меня заинтересовало. Шепните подателю сего письма когда в кассе будет достойный куш, остальное его забота. Ваша доля - четвёртая часть»*. Наводчика-кассира уже арестовали... Кроме того полицмейстеру донесли, что в понедельник вечером Чекана видели на Воронежском шоссе. Теперь понимаете, что тулякам сейчас не до нас? Так, что вся надежда на вас, господа сыщики.

Эх, знал бы, что всё так сложится, с грустью подумал Лавровский, не этой пустышкой Тамарой

бы в понедельник занимался, а поляком и корнетом. Вполне ведь мог подойти к ним, не вызывая ни малейшего подозрения. Он стал вспоминать все услышанное и увиденное в тот вечер. Пшешинский и Савин говорили о какой-то премьере. Теперь понятно, что не о спектакле шла речь, а о готовящейся мошеннической проделке. Вполне возможно, что, как раз, о вымогательстве денег у Добрынина. Часть исполнителей поляк собирался рассчитать. Убить? Скорее всего... И вдруг его словно осенило:

- А я ведь знаю, кто нам поможет найти Егеря!

Все с интересом посмотрели на него.

- Когда Савин спросил поляка, где его искать, если срочно потребуется, тот ответил: «Родака спроси. Он всегда знает, где я». Значит, нам нужен человек с весьма редкой фамилией Родак. Думаю в Туле таких ...

- Ошибаешься, тёзка, - сказал варшавский сыщик. - Это не фамилия. «Родак» по-польски «земляк».

- В таком случае, вряд ли это нам поможет, - заметил Быковский. - В Туле, насколько мне известно, проживает более семисот поляков. Кто знает, кого из них имел в виду Пинский?

Однако Астанин придерживался другого мнения:

- Вы не правы, Василий Романович. Варшавянин никогда не назовёт земляком жителя Калиша, а люблинец - поляка из Кракова. Думается, земляками Ян Пинский считает только тех, кто, как и он сам, родом из Виленской губернии. Уверен, таких в Туле немного. Надеюсь, тульская полиция, не смотря на всю свою занятость, поможет нам их установить.

Глава 20

НА ЖИВЦА

Выяснилось, что в городе проживают трое уроженцев Виленской губернии: начальник станции «Тула» Московско-Курской железной дороги Станислав Лазарович, секретарь прокурора окружного суда Збигнев Лесинский и приёмщик городской телеграфной станции Казимир Крушинский. Все, на первый взгляд, люди исключительно положительные и, по сведениям полиции, ни в чём предосудительном не замеченные.

- Ну и, что вы теперь собираетесь делать? - спросил Быковский. - Обеспечить плотное наружное наблюдение за ними, у нас сил нет. Да и слишком много времени слежка занять может.

- Василий Романович, вы, помнится, рыбак? - хитро прищурился Лавровский.

- Совершенно верно. Нравится мне это занятие, успокаивает оно нервишки. Как сказал какой-то известный поэт, Некрасов, кажется:

*Люблю я летом с удочкой
Над речкою сидеть.
Бутылку винца с рюмочкой
В запас с собой иметь.*

- Это не Некрасов, а Николай Иванович Пастухов в молодости написал, - улыбнулся Лавровский. - А как вы относитесь к ловле на живца?

- Положительно. Для сома, будет вам известно, лучшей наживки, чем вьюн нет. А вот голец хорош при ловле крупного окуня и щуки. В прошлом году поехал я... Постойте, батенька, вы кого под живцом подразумеваете?

- Себя в первую очередь.

Алексей коротко изложил свой план.

- Ох, и авантюрист вы, - покачал головой следователь. - Так и лезете к чёрту на рога.

Степанов предложения не одобрил:

- Это чересчур опасно, Алексей Васильевич. С таким зверем, как Егерь идти на неоправданный риск чревато.

Зато Малинин с Астаниным дружно встали на защиту идеи Алексея.

- Полно, Вася, - стал урезонивать Степанова Сергей. - Вспомни, как ходили мы с Алексеем в пивную полковницы на Грачёвке, как во

вспомогательном поезде террористов брали... И ничего с нами не случилось!

- Василий Васильевич, другого выхода у нас всё равно нет, - вторил ему варшавский сыщик. - А, что касается опасности, то она не больше, чем при задержании любого вооруженного преступника... Правда превосходный план Алексея Васильевича требует некоторых усовершенствований, чтобы рыба обязательно клюнула.

Дружными усилиями Степанова уломали. Но когда стали распределять роли в предстоящей операции, он возмутился:

- Позвольте, господа! А я по-вашему должен сидеть сложа руки? Не согласен!

- Ни в коем случае, Василий Васильевич, - успокоил его Лавровский. - Вам с графом Рибопьером в нашем предприятии отведено очень важное место - охрана Добрынина. Вдруг Егерь на все наши соблазнительные приманки внимания не обратит, а захочет расправиться с ним?

- Не исключено, - поддержал его Астанин. - Егерь никогда не прощает тех, кто помешал осуществлению задуманного им. Добрынин, не сомневаюсь, в списке его будущих жертв стоит на одном из первых мест.

Начальник железнодорожной станции «Тула» Лазарович был изрядно озадачен просьбой жандармского унтер-офицера Гвоздилина:

- Объясните вразумительно, зачем вам ночью паровоз потребовался?

- Начальство приказало мне человека одного в Козловку отвезти.

«Козловкой» туляки называли станцию «Козловка-Засека», что в одиннадцати верстах от города.

- Пусть едет курским пассажирским. Мы ему даже в 1-м классе место предоставим.

- Нет, Stanisław Антонович. Пассажирский приедет в Козловку без трёх минут четыре. А ему там надо быть на час раньше.

- Что за привередливость такая! Наверное большой начальник?

- Ага. Чин у него, правда, незначительный - губернский секретарь. А вот должность..., - жандарм перешёл на шёпот. - В варшавской полиции он служит, одним из лучших сыщиков считается. Астанин его фамилия. К нам приехал варшавских гастролёров брать.

- Тех, которые рысаков господина Стаховича из вагона увели?

- Их, Stanisław Антонович, их проклятых. Одного, по кличке Зуб, уже поймал. А второго, Бурю, при задержании самолично застрелил... Вы

уж с паровозом меня выручите. У Астанина в Козловке, видать, встреча, с агентом секретным назначена. Не дай бог сорвется. Тогда с меня начальство не только погоны - голову снимет.

- Хорошо. Я распоряжусь, чтобы выделили для вашего сыщика маневровую «кукушку».

- Благодарствую, Станислав Антонович. За мной, сами знаете, не пропадёт. Отслужу. Только о том, что я вам рассказывал - никому ни слова.

Гвоздилин ушёл. Начальник станции тут же вызвал своего помощника:

- Степан Лукич, оставляю вас вместо себя. Меня в губернское правление срочно вызвали. Понять не могу, что им потребовалось?

Судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Быковский неторопливо вошёл в приёмную прокурора Тульского окружного суда. Секретарь при прокуроре, коллежский регистратор Лесинский, поспешно вскочив с места, вытянулся в струнку перед важным московским гостем:

- Здравствуйте, ваше высокоблагородие! Николай Васильевич, к сожалению, отлучился. Может быть я могу быть вам полезен?

- Можете, батенька. Тулу я совсем не знаю. Подскажите, где храм Рождества Пресвятой Богородицы находится?

- В Заречье, напротив арсенала.
- Спокойное место?
- Днём вполне безопасное. А вот вечером туда ходить не рекомендую - пошаливают.
- Блатные?
- И они, и фабричные хулиганы.

В последнее время это модное английское слово стало вытеснять старое название дебоширов - башибузуки. Видать приглянулось оно русскому человеку из-за своего созвучия с одним весьма забористым словом.

- Хулиганы, говорите? Это не хорошо. Однако, делать нечего. Придётся туда идти.

- А зачем, Василий Романович?

- Да письмишко одно занятное в мой номер сегодня подбросили. Полюбопытствуйте, - следователь протянул Лесинскому четвертушку писчей бумаги.

Г-н Быковский!

Я располагаю важными сведениями о шайке Яна Пинского, по кличке Егерь. Думаю, они помогут вам изловить главаря. За скромную, но достойную плату, готов ими с вами поделиться. Ежели моё предложение вас заинтересует, то приходите сегодня в полночь к церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Буду ждать вас не более четверти часа.

- Неужели пойдёте? - спросил Лесинский.

- Конечно. Сведения могут оказаться действительно полезными.

- Но это опасно, Василий Романович. А вдруг письмо сам Егерь прислал?

Отговорить московского гостя от рискованной затеи Лесинскому так и не удалось. Посмотрев Быковскому вслед, секретарь торопливо надел шинель и шапку.

- Когда вернётся Николай Васильевич, доложишь ему, что я пошёл в городское полицейское управление, - сказал он канцеляристу.

Последняя гастроль

Много злодеяний на счету шайки возглавляемой виленским дворянином Яном Пинским, более известным под кличкой Егерь: мошенничества и вымогательства, грабежи и разбои, убийства и похищения детей с целью получения за них выкупа. Когда варшавская полиция обложила Егеря со всех сторон, он перебрался в Тулу.

Тульская гастроль стала последней. Преступники потребовали у коннозаводчика А.Н.Добрынина тридцать тысяч рублей, угрожая в противном случае сжечь его завод. Но Добрынин не испугался и сообщил о случившемся

куда следует. При передаче «куклы» - пачки нарезанной бумаги прикрытой сверху и снизу кредитками - началась перестрелка. Один из вымогателей - неоднократно судимый Буря - был убит. Его сообщница - дочь провинциального престижистатора Надежда З. - арестована.

Вскоре взяли и главаря. О хитрости и ловкости Егеря ходили легенды. На деле же, честно говоря, оказался он не столь уж и умён - попался по собственной самонадеянности и глупости. Но об этом мы расскажем в следующем номере.

Ал.Л-ский.

Перечитав заметку несколько раз, Лавровский остался доволен. Хорошо написана. Если попадёт она в руки Пинского наверняка не сможет он удержаться от соблазна разделаться с наглым репортёришкой. А вот в случае, если наши расчёты не оправдаются, большого конфуза не миновать, подумал Алексей. Ладно, будем надеяться, что один из родаков с Пинским связан.

Потом принялся сочинять вторую телеграмму редактору «Московского листка» Пастухову:

Николай Иванович! Завтра утром срочно выезжаю в Прилепы к Добрынину. Вернусь, пришлю следующую заметку. Мог бы написать ещё несколько, но думаю, что не надо. Не стоит Егерь большого внимания «Листка». Далеко

этому полячишке до таких русских разбойников как Васька Чуркин и атаман Чекан.

Алексей отдал обе телеграммы приёмщику городской телеграфной станции, расплатился и, решительно отказавшись почти от рубля сдачи, попросил:

- Вы уж, пожалуйста, отправьте их незамедлительно.

- Не извольте беспокоиться, сударь. Я, признаюсь вам, большой поклонник «Московского листка», третий год его выписываю, - заулыбался приёмщик и подозвал морзиста. - Сергей Петрович, вот эти телеграммы прошу отправить вне всякой очереди.

Телеграфист заверил:

- Будет исполнено, господин Крушинский.

На полустанции «Козловка-Засека» и днём-то всегда малоллюдно, а уж ночью тем более. Ровно без трех минут четыре, строго по расписанию, прибыл из Тулы курский пассажирский поезд № 5. Ни один человек не сошёл в Козловке. Изрядно продрогнув, Астанин отправился в зал ожидания. Там тоже не было ни души, даже сторож куда-то запропастился. Сев на деревянный диван и полуприкрыв глаза, сыщик сделал вид, что дремлет. Трудно подыскать лучшее место и время для нападения, подумал он,

не должен Егерь упустить такую возможность разделаться с давним врагом.

В томительном ожидании прошло около часа. Вдруг хлопнула дверь и в зал, стремительной летучей походкой, вошёл немолодой бородач. Отряхнув снег с валенок, принялся снимать какой-то несуразный башлык голубоватой шерсти. Астанин окинул его изучающим взглядом: седая борода, густые брови, высокий шишковатый лоб, широкий нос. На вид ему лет шестьдесят, сложения крепкого. По опыту сыщик знал, в драке такие жилистые деды молодых стоят. Одет как простой деревенский мужик. Только руки выдают, что это маскарад - белые, с длинными аристократическими пальцами... В картотеке варшавской сыскной полиции человека со столь примечательной внешностью нет. Очевидно, это новый подельник Пинского из московских или тульских фартовых. Ждать когда нападёт? Или лучше самому...

Снова хлопнула дверь. Рука Астанина непроизвольно сжала рукоятку револьвера. Нет, это не Егерь с подручными, а железнодорожники: один, в красной фуражке, начальник полустанции, а второй, судя по охапке дров в руках, сторож.

- Лев Николаевич! - пробасил начальник полустанции. - Вот уж не ожидал вас увидеть. Ведь вы на курском почтовом в Москву никогда не ездите.

- Софья Андреевна вчера телеграмму прислала. Заболела она. На вечерний пассажирский я не успел, хотел было дневным скорым поехать. Да не выдержал: и не спится, и не работается. Вот и велел лошадей заложить, да на станцию.

- Смелый вы человек, Лев Николаевич. Нынче ночью через лес не каждый поедет.

- А чего бояться, Дмитрий Иванович? Места у нас тихие.

- Чекан, поговаривают, снова объявился. На Воронежском шоссе его в понедельник видели.

- Атаман Чекан? Охотно познакомился бы с ним. Романтическая личность. Напоминает он мне пушкинского Дубровского.

- Лев Николаевич, до поезда ещё почти час. Позвольте вас к себе пригласить. Чайку попьём, я вас печёными яблочками угощу.

- Печёными? С удовольствием.

Посмотрев в след ушедшим, Астанин спросил сторожа:

- Это кто же такой?

- Сразу видно, барин, что вы не из местных будете. У нас графа Льва Николаевича Толстого каждый знает.

- Так это был Толстой? Знаменитый писатель?

- Он самый. Его Ясная Поляна верстах в одиннадцати от Козловки.

До прихода шестичасового почтового поезда какие-либо подозрительные личности на станции так и не появились. Сыщик окончательно убедился, что Станислав Лазарович, хоть родом и из Виленской губернии, но с Егерем не связан.

- Расскажи кому, как я автора «Войны и мира» и «Анны Карениной» за подручного варшавского делового принял, так не поверят! - смеялся Астанин сидя за чаем в одном из номеров гостиницы Чайкина. - Войди начальник станции на минуту позже, непременно скрутил бы я Льва Николаевича... А ваш вояж в Заречье тоже безрезультатным оказался?

- Совершенно...а...а...пчихи..., - Быковский оглушительно чихнул. - Совершенно верно...а...а...пчихи... Промёрз только зря, простудился. Я, когда возвращался, понял, что коллежский регистратор Лесинский о безрассудстве московского следователя заранее полицмейстера известил, а тот согнал в Заречье городских со всей Тулы.

- Нас с Сергеем ещё не доходя до церкви, задержали, - улыбнулся Лавровский. - Долго пришлось объяснять, кто мы такие и почему ночью там оказались. Да уж, не оправдали господ Лазарович и Лесинский наших надежд.

Не беда... Телеграфист Крушинский нас не подведёт.

- С чего вдруг такая уверенность? - спросил Астанин.

- Виделся я вчера вечером со своим давним знакомым, который несколько лет с «Московским листком» сотрудничает. Извините, друзья мои, фамилию называть не стану. Не дай бог узнает губернатор Ушаков, что один из его чиновников корреспондентом «Листка» заделался, так он его со свету сживёт. Человек этот, скажу я вам, репортёр от бога! Всё про всех знает. А уж про местных поляков особенно. Порасспросил я его о трёх родаках Пинского. Начальник станции Лазарович порядочный, даже взятки не берёт. А семья большая, жалования не хватает. Вот он за вознаграждение и сообщает моему приятелю обо всех новостях. Поэтому напрасно, тёзка, ты разбойников в Козловке ждал. Не им, а газетному репортёру железнодорожник о твоей поездке донёс... Секретарь при прокуроре Лесинский известен всей Туле своей крайней осторожностью, живёт по правилу «как бы чего не вышло». Разумеется, узнав, что Василий Романович надумал ночью идти в Заречье, он незамедлительно уведомил об этом полицмейстера.

- А телеграфист Крушинский, что собой представляет? - нетерпеливо перебил его Астанин.

- Три года назад переведён в Тулу из Варшавы. Снимает неплохой домик на Верхне-Дворянской улице. Большой ходок - любовниц меняет, как перчатки. Кутнуть любит. Игрок. Летом ни одного бегового дня не пропускает. Притом меньше сотни никогда не ставит. Несоответствие столь значительных расходов и не очень большого жалования телеграфиста 2-го разряда объясняет тем, что получил богатое наследство от тётушки. А самое главное, несколько раз видел его Захарий Ми... э ... мой знакомый вместе с пышноусым блондином, на Егеря похожим.

- Ключнула рыбка, - сказал Малинин, до того в разговоре не участвовавший, поскольку был занят важным делом - чистил револьвер. - Лёш, во сколько тройка от Лабызова будет?

- К девяти обещали. До этого мы вполне позавтракать успеем. Рекомендую яичницу с ветчиной. Здесь её чудесно жарят.

От Тулы до Прилеп семнадцать с половиной верст. Сначала, верст семь, ехали по Воронежскому шоссе. Потом свернули на просёлок.

Тройка, нанятая у извозопромышленника Лабызова, была разномастная: коренник пегий, одна пристяжная гнедая, а другая - буланая. Да и красотой хода она не отличалась. Лошади то шли

рысью, то начинали скакать, потом снова переходили на бег. Но для ямской тройки, в отличие от «охотничьей», не это главное. Для неё куда важнее сила и выносливость. Ну, ещё и достаточная резвость.

Лавровскому невольно вспомнился рассказ старого бегового спортсмена Михаила Ивановича Бутовича, о том, как летом 1847 года на Ходынском поле, на трёхверстном скаковом круге впервые разыгрывался троечный Императорский приз.

... Публика была уверена, что победит тройка князя Трубецкого, составленная из лошадей донской породы. Не сомневался в этом и Бутович, хотел даже заклад за неё держать. Но Василий Иванович Коптев (тот самый, который позднее стал первейшим российским иппологом) отсоветовал.

- Эта тройка, Миша, при всех своих достоинствах, проиграет от недостатка сил, - сказал он. - Сам посуди, откуда им взяться у сухопарых дончаков? Нет, они бесспорно красивы: длинные крестцы, сухие ноги, сверкающие глаза, пылающие, как раскаленные угли, ноздри. Но, увы, слишком уж скудные плечи и мышцы. Поверь моему слову, эти недостатки не дадут тройке Трубецкого резво пройти тридцать три версты. Погаснут дончаки, как фитиль без масла, и встанут за две-три сотни сажень от выигрышного столба.

- А тройка Шидловского имеет шансы? - спросил Бутович. - Она ведь из кровных рысаков подобрана.

- Никаких. Эти красавцы чересчур перекормлены. Задохнутся они от своей тучности на шестом круге.

- Кто же тогда, Вася, по-твоему, выиграет?

- Тройка извозопромышленника Караулова.

- Простая ямская тройка?!

- Вот именно, Миша. Ей к длинным дистанциям не привыкать.

Так и случилось. Проехав десять вёрст, карауловские лошади были в мыле. На других десяти верстах они просохли, отдохнули, опять взмокли и снова высохли. Они ехали некрасиво - скакали, бежали и вновь скакали.

Десять с половиной кругов тройка Трубецкого вела бег, а карауловская «сидела на её плечах». Когда до призового столба осталось всего полторы версты, она обошла красавцев дончаков будто стоящих.

Тридцать три версты были пройдены за один час 21 минуту 11 секунд. При этом ямские лошади выглядели так бодро, что все понимали - они запросто могут пробежать ещё верст десять - пятнадцать...

- О чём задумались, Алексей Васильевич? - спросил молодой ямщик, сидящий на облучке.

- Лошадьми люблюсь, Павел Александрович. Хорошую тройку на Лабызов дал.

- Одну из лучших, - согласился ямщик. - Я его сразу предупредил: не исключено, придётся злодеев догонять.

Ямщик этот был вовсе не ямщик, а коллежский регистратор Павел Делекторский. По штату он числился полицейским надзирателем города Алексина, но распоряжением губернатора прикомандировали его к Тульскому городскому полицейскому управлению, где поручили создать сыскную часть. Дело в том, что Быковский, после бесполезного ночного похода в Заречье, заранее сообщил о готовящемся предприятии полицмейстеру. А тот настоял на участии в нём своих сотрудников.

Дорога шла по живописной местности, среди холмов покрытых мелким лесом.

- Красота какая! - невольно восхитился Алексей. Деревья в белом уборе, посверкивающий на солнце снег, чистый и прозрачный воздух настраивали на поэтический лад. В голове, словно сами по себе, стали складываться строчки:

*Видел Волгу я и парки Вены,
Море Чёрное, Задонья степи,
Только этот лес обыкновенный...*

«Степи» ни как не желали рифмоваться, на память приходили только «цепи» и «в вертепе».

Ну и ладно, подумал Алексей, не до стихов сейчас, о другом думать надо.

- Павел Александрович, где, по-вашему, они нас поджидают?

- Затрудняюсь ответить. Для этой цели, в общем-то, удобна вся дорога от Воронежского тракта до Прилеп. Но я бы на их месте устроил засаду здесь - между Никола-Зарытовым и поворотом на Бorykовo.

- Почему?

- Во-первых, здесь роща - есть, где спрятаться. Во-вторых, через Бorykовo можно уйти к Упе, а потом по льду...

Он не договорил. Недалеко от поворота стояла «пара с отлётом», запряженная в беговые санки. Возле них прохаживался офицер довольно высокого роста, судя по голубым петлицам на шинели - жандарм.

- Это кто такой? - спросил Алексей.

- Не знаю, - смутился Делекторский. - Я в Тулу две недели назад из Алексина переведён. Со всем полицейским начальством познакомился, а вот с жандармами пока не успел.

Жандарм жестом приказал им остановиться.

- Тпру, тпру! - осадил лошадей тульский сыщик. - Что случилось, ваше благородие?

- Помощь твоя мне нужна, братец. И ваша, сударь, тоже. Будете понятыми при обыске

опасного преступника, задержанного нами. Попрошу проследовать за мной в Борыково.

Лавровский окинул его взглядом. По росту, комплекции и цвету глаз похож на Пинского. Но тот пышноусый блондин без особых примет, а у этого чёрные усы ниточкой и шрам на правой щеке. Конечно, перекраситься и загримироваться дело не хитрое. Он или не он? Надо потянуть время и присмотреться.

Откинув полость, неторопливо вылез из саней. Достал сигару:

- Преступника? Неужели неуловимого атамана Чекана заарестовали?

- Нет, - улыбнулся жандарм. - Нам рыба покрупнее попалась - главарь варшавских гастролёров Егерь!

- Вот это удача! Везучий же я человек - такой интересный материал самотёком пришёл. Ведь я, господин ротмистр, репортёр «Московского листка». Вы не будете возражать, ежели я об этом заметочку в газете тисну?

- Да, бога ради, - великодушно разрешил жандарм.

- Тогда назовите, пожалуйста, свою должность и фамилию.

- Начальник Тульского уездного жандармского управления ротмистр Ковальский.

Егерь, радостно ёкнуло сердце Алексея, он, вне всякого сомнения. Настоящий жандарм никогда не назовет себя просто ротмистром, а с чувством собственной значимости скажет: «Отдельного корпуса жандармов ротмистр...». А кроме того, нет в Тульской губернии уездных жандармских управлений. Согласно высочайше утверждённому «Положению о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 года они были созданы только в Царстве Польском и Северо-Западном крае. То есть в тех самых местах, откуда приехал Пинский!

- Куда же записная книжка подевалась? Не забыл ли я её в гостинице? - Лавровский принялся хлопотать себя по карманам. Вспомнилось напутствие Астанина: «Ты, тёзка, если встретишь Егеря, не будь законником и чистоплюем - сразу стреляй». Ну, это все-таки перебор, можно и другими средствами обойтись. - Нашёл!

Алексей выхватил кастет и ударил «жандарма» в челюсть. Тот, как подкошенный, рухнул на снег.

- Павел Александрович, наденьте на него наручники. Это не жандармский ротмистр, а Ян Пинский.

- Сразу догадался. Какие в нашей губернии уездные жандармские управления? По штату начальнику ГЖУ всего два помощника по уездам положено.

Алексей подошёл к «паре с отлётом»:

- Замечательные лошадки у этого разбойника. Коренник, между прочим, краденный. Это тот самый Алмаз, который у Телегина из вагона...

Грохнул выстрел. Ещё один. Алексей почувствовал, как что-то сильно ударило его в спину. Перед глазами всё закружилось, поплыло. Потом наступила темнота.

Глава 21

В ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Кто-то осторожно тронул дремавшего в кресле Малинина за плечо. Открыв глаза, он увидел старшего врача Тульской губернской земской больницы Преображенского - представительного мужчину лет за пятьдесят с пышной седеющей шевелюрой и бородой как у американского президента Авраама Линкольна.

- Как он, Василий Григорьевич? - с тревогой спросил Малинин.

- Да успокойтесь вы, молодой человек. Очнулся. Следовательно, всё будет превосходно... Ну, что такое для эдакого богатыря одна пуля?... А честно говоря, в рубашке родился ваш друг - пуля не задела ни одного жизненно важного органа. Меня беспокоила большая потеря крови. Но теперь всё позади.

- Можно к нему?

- Ни в коем разе!

- Ну, хоть на пару минут.

- Нет. Вы ведь начнёте о делах рассказывать, а ему сейчас волноваться противопоказано.

В кабинет вошёл городской врач коллежский асессор Архангельский. Должность у него хлопотная - надзор за деятельностью всех тульских лечебных заведений и вольнопрактикующих врачей. Но когда Преображенскому приходится делать особо сложную операцию, он всегда просит Архангельского ассистировать ему. Так было и на этот раз. Малинин знал, что после операции Архангельский больше суток не отходил от постели раненного Алексея.

Устало улыбнувшись, Архангельский поправил очки и, видимо продолжая давний спор с коллегой, сказал:

- А вот в этом, Василий Григорьевич, я с вами категорически не согласен.

- Федя, брось эти либеральные штучки, - шутливо погрозил ему пальцем Преображенский.

- Покой и строгий режим необходимые условия для скорейшего выздоровления.

- Всё равно остаюсь при своем мнении, что положительные переживания для любого больного нужны не меньше чем лекарства, уход и

правильное питание. Новости же у Сергея Сергеевича, как я понимаю, хорошие.

- Самые наилучшие, Фёдор Сергеевич, - заверил Малинин. И он не лукавил. Главная цель их поездки в Тулу была достигнута - Прилепскому конному заводу больше ничто не угрожало...

...Как оказалось, в роще прятались трое подельников Егеря. Плохо пришлось бы лежащему без сознания Лавровскому и Делекторскому, у которого была прострелена правая рука. Но в это время подоспели Астанин с Малининым. В завязавшейся перестрелке все разбойники были перебиты. Получил пулю в голову и Пинский, так и не очухавшийся после удара Алексея. Варшавский сыщик слов на ветер не бросал.

Арестованный в этот же день телеграфист Казимир Крушинский сразу начал давать признательные показания. А что ещё ему оставалось? При обыске выяснилось, что награбленное шайка Егеря хранила в его доме на Верхне-Дворянской улице. На конюшне стоял один из телегинских рысаков, украденный из вагона где-то на перегоне между Скуратово и Тулой. Нашелся и план Прилепского завода - крестиками были отмечены места планирующегося поджога.

Конечно, телеграфист выкручивался, пытался переложить вину на других. Но, тем не менее, рассказал много интересного:

- Всё это затеял отставной корнет Николай Герасимович Савин. Мы с ним познакомились в Заречье на «мельнице» Агея Южакова. Общие знакомые у нас нашлись.

- Вы имеете в виду вашего земляка и друга детства Пинского? - уточнил судебный следователь Быковский.

- Да. Поэтому мы с Савиным сошлись довольно близко. Я не раз гостил у него в Руднево и он ко мне частенько заглядывал. Как-то, за бутылкой вина, зашла у нас речь о человеческих слабостях. Савин стал утверждать, что у каждого без исключения человека найдётся чувствительное место: карьерист ничего не пожалеет, лишь бы не предавали огласке порочащие его сведения; добропорядочный семьянин последнюю рубашку продаст, чтобы только отвести угрозу от близких; а лошажник всё отдаст, спасая своих рысаков или скакунов. Потом Савин задумался и говорит: «А, ведь, это Казик, мысль! Мы на любви к лошадям хороший куш взять можем». Он предложил угрожать коннозаводчикам от имени атамана Чекана, тут же наметил жертвы: в Туле - Алексей Добрынин, в Орле - Василий Николаевич Телегин, в Рязани - Мархелевич... Прошу записать в протокол, что я

категорически отказался участвовать в задуманном им преступлении.

- А антрепренёр Тамара? - живо спросил Быковский.

- Его Савин использовал «в тёмную». Пообещал выхлопотать аренду летнего театра в Кремлёвском сквере. Вот тот и делал, что велят - проследить, встречу назначить.

- Понятно, на подхвате, - кивнул следователь. - Но Савину вскоре потребовался серьёзный помощник, который может, в случае если угрозы не подействуют, перейти от слов к делу. С Пинским вы его свели?

Телеграфист замялся.

- Казимир Сигизмундович, даю слово, что сотрудничество со следствием вам зачтётся. В моей власти расценить ваши действия как пособничество или как доноительство. А от этого, сами понимаете, многое зависит.

- Хорошо, я буду с вами предельно откровенен. Савин попросил меня связаться с Пинским и пригласить его в Тулу. Янек охотно согласился, так как к этому времени варшавская полиция обложила его со всех сторон. Он приехал вместе с известным разбойником Бужей и своей любовницей - дочерью фокусника, сгоревшего в бердичевском цирке. Уже в Туле Бужа завербовал в шайку ещё четверых - Гришу Мясника и трёх солдат, дезертировавших из 6-го гренадёрского

Таврического полка, расквартированного в Тульской губернии.

Телеграфист снова замолчал.

- Продолжайте, Казимир Сигизмундович, - подбодрил его следователь. - Вы уже почти убедили меня, что виновны только в недоносительстве. В протоколе, пожалуй, запишем, что вы не предполагали, что рысак, стоящий на вашей конюшне, краденный.

- Буду очень вам признателен за это... Николай Герасимович натура увлекающаяся. Ему не раз случалось бросать, не доводя до ума, самые прибыльные дела. Так и на этот раз вышло. Загорелся он какой-то миллионной аферой в Италии.

- Что за афера такая?

- В подробности не посвящён. Знаю только, что она каким-то образом тоже с лошадьми связана. А тульское дело Савин полностью передал в руки покойного Янека...

Архангельский попробовал было ещё раз уговорить Преображенского:

- Василий Григорьевич, учитывая, что хорошие новости, очевидно, связаны с тем важным делом, ради которого господин Лавровский приехал из Москвы в Тулу, может быть...

- Нет, Федя. Преждевременно. После хлороформного наркоза больной вряд ли сейчас способен понять услышанное.

- Не скажите, Василий Григорьевич. Он уже неплохо себя чувствует. Даже шутит.

- Да ну? - удивился старший врач.

- Вот именно. Я его приободрить решил: ничего страшного, дескать, бог не выдаст... А он в ответ: «А свинью мы и сами съедим. Люблю я жареную свинину, да под холодную водочку».

Преображенский расхохотался:

- Так и сказал?! Ну, молодец! Экая жизненная сила!

Однако навестить Малинину друга он все равно не разрешил:

- Приходите завтра утром. А сейчас идите-ка, молодой человек, спать, на вас лица нет. И выпейте на сон грядущий бутылочку хорошего красного. Это я вам, как врач, рекомендую.

Лавровский внимательно выслушал рассказ приятеля.

- Дело сделано, - сказал он. - Злодеев извели. Прилепский завод уберегли. Насте приданое обеспечили. Молодцы... Все хорошо сработали... Один я сплеховал. Свалил Егеря и вообразил, что бога за бороду ухватил. Нашёл время телегинским Алмазом любоваться! Вот и

схлопотал свинцовый гостинец... Ладно, в другой раз умнее буду...

Выглядел он, честно говоря, не очень: забинтованная грудь, бледное лицо, небритые щёки. Но уже улыбался.

- Какой у нас сегодня день?

- Суббота.

- Пора тебе в Москву возвращаться. Следующий номер готовить надо. Тем более, завтра приз принца Валлийского разыгрывается, обязательно ты на бегах должен быть.

- Это не факт. Семён отчёт получше моего напишет. Замечательного репортёра ты воспитал.

- Действительно, неплохого... Но всё равно, ты сегодня же поезжай...

- Да как я тебя одного в чужом городе оставлю?

- Почему это одного? Я, друг мой, теперь в Туле вроде народного героя. Утром Василий Григорьевич список показывал. Двадцать пять персон меня проводить желают, да ещё каких! Городской голова, полицмейстер, прокурор, губернский предводитель дворянства... Кого, спрашивает, принять соблаговолите? Только учтите, больше двух посетителей сегодня все равно не допущу, - Алексей тихо засмеялся и тут же поморщился

- Что? Плохо? - встревожился Малинин.

- Нет, друг мой, - успокоил его Алексей. - Просто курить хочется.

- Да тебе сейчас, наверное, нельзя.

- Можно. Архангельский разрешил. Только не люблю я в постели курить. Вот когда на ноги встану, тогда и...

Алексей, не договорив, замолчал.

- Заснул, - шёпотом сказала незаметно подошедшая сиделка, молодая невысокая полная блондинка. - Пойдёмте, сударь, не будем ему мешать. Сон для него сейчас полезнее всего.

Когда вышли в коридор, Малинин спросил её:

- Что ему из еды передать?

- Ради бога, ничего не приносите. А то вчера вечером заезжали сын городского головы Добрынин с господином Офросимовым, поинтересовались, какие продукты полезны при потере крови. Я, по простоте душевной, и перечислила им всё. Так с утра целую подводу подвезли. Чего там только нет! Говядина нежирная, печёнка, лососина, форель, сыры разные, устрицы, артишоки, персики... Одного дорогого красного вина три корзины! Что теперь со всем этим делать? Я Алексея Васильевича спросила, а он улыбается. Угощай, говорит, Ольга, всех пациентов. Они, дескать, у вас люди не богатые, когда им ещё случай представится «Шато-Лафита» и артишоков отведать?

Проснувшись, Алексей увидел сидящего у его постели графа Георгия Рибопьера.

- Как же тебя, Лёша, так угораздило? - сочувственно спросил тот.

- Самонадеянность подвела, друг мой, как и тогда под Харьковым, когда на засаду навались. Не учёл я, что у Егеря шайка большая... Ладно, слава богу, жив. И, как уверяют доктора и очаровательная Ольга Сергеевна, скоро буду здоров... Да хватит обо мне. Расскажи лучше, как в Прилепы съездил. С пользой для дела?

- Несомненно. У Добрынина есть чему поучиться. Завод в хорошем порядке. Лошадей кормят, не скупаются. Молодняк усиленно работают: летом на замечательном беговом круге, а зимой на реке Упе, где с декабря, обыкновенно, устанавливается превосходная дорога. Состав маток выше всяких похвал. Лучшая, на мой взгляд, серая Добрыня, мать Ратника, который в прошлом году Воейковский приз взял. Просил я Алексея Николаевича уступить её, да он упёрся.

- А как тебе кобылы, поступившие к Добрынину с завода князя Черкасского?

- Хороши, особенно Чародейка - крупная, белая, сухая. Догоняиха тоже впечатляет. А вот знаменитая Арабка, признаюсь, меня разочаровала.

- Почему? - изумился Лавровский. - Кобыла изумительной красоты. Ей даже высшую награду на Всероссийской выставке дали.

- Я бы не дал. Нижняя линия шеи небезупречна - кадычок, - сказал Рибопьер, имея в виду кадык, считающийся существенным недостатком экстерьера лошади. - Тем не менее, охотно купил бы я всех трёх. Но Добрынин и слышать не хотел о продаже. Два дня я его уламывал. Наконец уступил он мне жеребую Догоняиху. Кроме неё, купил я у него голицынскую Западню и сенявинскую Подругу. Рассчитываю хороших лошадей от них отвести.

- О моей просьбе присмотреть за Мартемьяном Борисовским не забыл? Как-никак я его отцу обещал.

- Присмотрел, - кивнул головой Георгий. - Попробовал было этот «саврас без узды» за хозяйкой ухлёстывать, так я отозвал его в сторонку и объяснил всю неуместность подобного поведения. А торговать лошадями он даже не попытался. Не ассигновал видимо отец ему таких сумм.

Вошла сиделка Ольга Сергеевна.

- Алексей Васильевич, попейте клюквенного морсу, - сказала она и многозначительно посмотрела на Рибопьера.

Тот сейчас же поднялся.

- Всё, всё... Ухожу. Поправляйся, Алексей.

Посетителей в субботу оказалось не двое, как строго-настрого приказал старший врач Преображенский, а трое. Захарий Кобылинский жил по правилу, которого придерживаются все репортёры: «Когда тебя гонят в дверь - лезь в окно». Не сумев договориться с бдительной сиделкой, он выбрал момент когда она на минуту отлучилась и не пожалел трёшницы для подкупа палатного служителя.

- Захарий Михайлович, как вы пробраться умудрились? - искренне изумился Алексей. - Ольга Сергеевна самому губернскому предводителю дворянства Свечину от ворот поворот дала.

- На то я и репортёр газетный. Но ей богу, не стал бы нарушать запрета доктора Преображенского если бы... если бы... Короче говоря, только что получил я позавчерашний и вчерашний номера «Московского листка». Не сомневаюсь, они для вас лучше любого лекарства будут.

- Читайте поскорее, Захарий Михайлович.

В номере от 12 января была напечатана заметка Лавровского «Последняя гастроль», на которую он, как на живца, поймал Егеря. Алексей с удовольствием отметил, что Пастухов не исправил в ней ни единого слова.

- Ну, а что у нас в пятничном номере? - с нетерпением спросил он. - В четверг я был не в состоянии что-нибудь написать.

- Это я написал. Оцените.

Кобылинский стал читать большую, строк на сто пятьдесят, корреспонденцию «Конец атамана».

- Недурно, - одобрил Алексей. - Такое впечатление, словно вы всё время рядом со мной находились. Только приукрасили малость: *«Репортёр нашей газеты Алексей Лавровский одним ударом кулака свалил закоренелого злодея...»* Не кулаком я его, а кастетом.

- Незначительное преувеличение, Алексей Васильевич, всегда допустимо. Но вы не дослушали до конца. Тут ещё несколько строчек от редакции:

Сообщаем нашим читателям, что как только г-н Лавровский оправится после ранения полученного в схватке с варшавскими разбойниками, мы приступим к публикации его уголовного романа-фельетона из жизни волжских бурлаков.

Алексей от радости чуть с постели не вскочил. И сразу скривился от резкой боли:

- Ох! Мать твою так и эдак!

В палату тут же вбежала сиделка:

- Что с вами, Алексей Васильевич? Плохо?...
А вы, сударь, каким образом здесь очутились?
Немедленно уходите! Больному нужен покой.

Лавровский широко улыбнулся:

- Ольга Сергеевна, он сейчас уйдёт. Только сперва налейте мне морсу клюквенного, а Захарию Михайловичу и себе по стаканчику «Шато-Лафита». Давайте выпьем, друзья мои. Как говорит мой учитель Николай Иванович Пастухов, удачу завсегда вспрыснуть надо, а то, ведь, она и отвернуться может.

От автора

(вместо эпилога)

Удача от Алексея Лавровского не отвернулась. Скоро он пошёл на поправку: на четвёртый день встал с постели и с наслаждением закурил сигару, на десятый перебрался из губернской земской больницы в дом Добрынина на Петропавловской улице, а в конце января вернулся в Москву.

Сергей Малинин, после того, как друг снова взял бразды правления журналом в свои руки, поступил на службу в полицию. Достойной вакансии в сыском не было, но полковник Муравьев отправился на приём к генерал-губернатору Долгорукову. И вопрос решился положительно - Сергея назначили старшим помощником пристава 1-го участка Мещанской части и прикомандировали к Московскому управлению сыскальной полиции для усиления штата. Первое дело, которым поручили ему заняться, было связано... с бегам. От судьбы не уйдёшь. Но об этом мы расскажем в другой раз.

Пока не знаю с кем из героев «Тульской гастролки» нам доведётся ещё встретиться. Поэтому, на всякий случай, немного о судьбах некоторых из них.

...Добрынинские лошади много лет блистали на бегах. Особенно прославила Алексея Николаевича и Олимпиаду Платоновну серая Баядерка, от Ратника и Арабки. На её счету многочисленные победы в самых престижных призах. Под занавес своей карьеры она взяла Императорский приз, установив при этом рекорд Семёновского ипподрома.

Добрынин был большим поклонником орловских рысаков, «американцев» он не любил. Однако именно ему суждено было стать одним из виновников роста их популярности в России.

Многие коннозаводчики с недоверием относились к заокеанским производителям, привезённым в конце 80 - начале 90-х годов позапрошлого века в нашу страну. Но в 1897 году вороная Клеопатра, рождённая в заводе князя Сергея Голицына от «американца» Принца-Варвика и добрынинской Крали, показала невиданную для трёхлеток резвость - пробежала полторы версты за 2 минуты 23 с четвертью секунды. Она стала резвейшей лошадью сезона в Петербурге, выиграла «Московское Дерби»... И отношение к метизации сразу изменилось. Уже в следующем году заводчики отправили под американских жеребцов более трехсот кобыл.

Алексей Николаевич умер в 1898 году. Его завод ненадолго пережил своего хозяина. Олимпиада Платоновна, по словам современников, любила выпить и погулять. При муже она ещё держалась, а оставшись одна, пустилась «во все тяжкие». Через несколько лет вдова окончательно разорилась. Всё в Прилепах, до последнего стула, было продано с молотка, а само имение по закладной досталось тульскому богачу Платонову.

Несколько слов о Прилепах. Для российского коннозаводства это место знаковое. С ним неразрывно связана жизнь Якова Ивановича Бутовича не только создавшего здесь в начале XX века один из лучших конных заводов дореволюционной России, но и собравшего

уникальную коллекцию художественных ценностей иппологической направленности... Сегодня в Прилепах находится племенной конный завод, имеющий славную почти шестидесятилетнюю историю. В этом хозяйстве было выращено много рысаков высокого класса, в том числе несколько дербистов. Далеко не случайно на всех российских ипподромах до сих пор разыгрывается «Приз в честь Прилепского конного завода»...

...Александр Павлович Офросимов на лошадей тратил большие деньги. Его рысаки бежали в Туле, Москве, Петербурге. Правда, без особого успеха. Ничего путного, как сказал один коннозаводчик, отвести ему не удалось. В историю коннозаводства он не попал. А вот в русской литературе остался. Лев Толстой, друживший с ним, сделал его персонажем «Живого трупа». Это Афремов - такой же как Сашет, поклонник цыган, превосходно танцующий «цыганочку с выходом», поющий романсы и аккомпанирующий себе на гитаре. Только вот, вместо излюбленного офросимовского «вот», всё время говорит «понимаешь».

Офросимов, действительно, завещал жене позвать на его похороны цыганский хор. Она его волю выполнила. Пришли цыгане и запели его любимую похоронную - разухабистую «Шэл мэ вэрсты»:

Машенька, Сашенька трэ кала якха

По что сгубила молодца меня?

А вот Сашет своего слова не сдержал - не вскочил из гроба. Жалко. Хороший человек был, даже, по словам весьма злого на язык Якова Бутовича - высокопорядочный, добрый и весёлый.

... Рысистые бега сегодня особой популярностью не пользуются. Неудивительно, что забыли туляки о своих земляках - коннозаводчиках Добрынине и Офросимове. В этом я убедился, собирая материалы для повести. А вот о врачах Преображенском и Архангельском потомки, слава богу, помнят. Эти люди многое сделали для развития здравоохранения в Тульской губернии.

Василия Преображенского современники уважали и любили. Все отзывались о нём, как о смелом искусном хирурге и акушере, человеке со светлым и острым умом, добрым сердцем и обширными знаниями. Кроме этого имелся у него, говоря современным языком, опыт руководящей работы - он несколько лет возглавлял больницу приказа общественного призрения. Поэтому, когда в 1867 году в здании бывшего Александровского кадетского корпуса на Набережной улице открыли земскую больницу, ему предложили стать старшим врачом. Согласился, хоть и знал, работы там непочатый край.

Двадцать лет отдал Василий Григорьевич губернской земской больнице. При нём перепланировали и отремонтировали здание; устроили аптеку; прачечную; не плохую по тем временам, кухню; подобрали штат хороших специалистов; открыли школы фельдшеров и повивальных бабок.

Как это часто случается человек лечащий других совсем не обращает внимание на своё собственное здоровье. Не дожив и до шестидесяти, Преображенский умер от скоротечной чахотки.

Забот и хлопот у городского врача больше чем достаточно. И всё-таки Фёдор Архангельский никогда не отказывался от частной врачебной практики. Среди его многочисленных пациентов был купец Дмитрий Ванькин, державший в своих цепких руках всё похоронное дело в Туле. Миллионщика хватил апоплексический удар - он не мог ходить, на ногах открылись незаживающие язвы. Закончив осмотр и процедуры, Архангельский всегда находил время, чтобы поговорить с больным. Он считал, что иногда душевная беседа нужнее любого обезболивающего.

Как-то Ванькин сказал, что составил духовное завещание, по которому все его капиталы пойдут на благотворительные цели:

- Всё хочу оставить православным храмам, приютам и ночлежному дому.

- Благородный поступок, Дмитрий Яковлевич, - одобрил его Архангельский. - Приюты и ночлежка дело нужное. Надо сирым и убогим помогать... Знаете, сколько народа каждый год в Туле умирает?

- Гробовщику, да не знать. Тысячи две с половиной.

- Побольше. Около трёх с половиной. И каждый второй из них ребёнок в возрасте до десяти лет.

- Всё в руках божьих, Федор Сергеевич. Ему решать, кому жить, а кому умереть.

- Так-то оно так. Но основываясь на собственном опыте и статистических данных, берусь утверждать: очень многие остались бы живы, получи они своевременно медицинскую помощь.

Ничего не ответил купец. Только на следующий день переписал он завещание - оставил на строительство больницы 325 тысяч рублей.

В январе 1908 года новая больница приняла первых пациентов. Она существует и сейчас. Это «Тульская городская клиническая больница скорой медицинской помощи Д.Я.Ванькина»

... Дело Крушинского и Зубко слушалось в Тульском окружном суде. Актёр и антрепренёр Тамара на скамью подсудимых не попал - на предварительном следствии подтвердилось, что

его использовали «в тёмную». Ему предложили в 24 часа покинуть город. При этом полицмейстер Тришатный доходчиво объяснил:

- Если ты, сукин сын, у нас ещё появишься...

- Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие, не появлюсь, - заверил его актёр. На следующее утро он уехал в Курск. Правда, перед этим выманил у Веры Белотеловой деньги, собранные на аренду летнего театра.

Судебный следователь Быковский всегда держал слово - Казимира Крушинского судили не как участника или пособника шайки Егеря, а за недонесение о готовящихся преступлениях. Приговорили к ссылке в Восточную Сибирь. Там он устроился неплохо - телеграфисты нужны везде. Окружающие ему сочувствовали. Ведь, при случае он намекал им, что пострадал по политическим причинам:

- Конечно, формально я уголовный преступник, а фактически... Разве мог я донести на друга детства, вся вина которого была в любви к нашей несчастной Польше?

Надежду Зубко обвиняли в более серьёзных преступлениях - шантаже, кражах, разбоях. Ей грозила каторга. Но молодой присяжный поверенный влюбился в свою подзащитную. После его выступления некоторые из присяжных заседателей украдкой вытирали слёзы. В его речи было всё: злой рок неожиданно лишивший юную

наивную девушку обожаемых родителей; маленький слабоумный брат, оставшийся у неё на руках; закоренелый злодей, в которого Надя влюбилась, а тот коварно воспользовался её телом и талантом... Расчувствовавшиеся присяжные единогласно вынесли вердикт: «Виновна, но заслуживает снисхождения».

Дочь престижистатора, как и Крушинского, сослали в Сибирь. Только не в Восточную, а в Западную, где климат помягче.

... В судебном заседании не раз упоминался корнет Савин. Прокурор назвал его «истинным вдохновителем гнусного вымогательства и шантажа, к сожалению ускользнувшим от правосудия». А Савин в это время был уже в Риме. Туда его привело стремление получить подряд на поставку лошадей для итальянской армии.

Выдавая себя за крупного русского коннозаводчика, Николай Герасимович обзавёлся знакомствами в высших сферах. Своим острым умом и широкими познаниями он сумел произвести должное впечатление на начальника генерального штаба Энрико Козенца и премьер-министра Агостино Депретиса. Их заинтересовала идея Савина: отказаться от услуг венских и будапештских конеторговцев, немислимо взвинчивающих цену, и назначить уполномоченное лицо, которое будет на прямую вести дела с заводчиками. Корнет не навязывался

итальянцам. Они сами попросили его разработать план ремонта конного парка, а потом предложили взяться за его выполнение. Савин согласился.

Вскоре из России прибыли первые партии верховых и упряжных лошадей. Приёмная комиссия военного министерства была в восторге от их качества и цены.

Добросовестного поставщика удостоил аудиенции король Гумберт I, рассматривался вопрос о его награждении орденом «Корона Италии». Большая честь! Только Николай Герасимович неожиданно исчез. А вместе с ним и деньги, выделенные на закупку нескольких тысяч лошадей.

Это был первый, но далеко не последний «подвиг» международного афериста корнета Савина, почти на тридцать лет ставшего постоянным героем уголовной хроники русских, европейских и американских газет.

... Суд над остатками шайки варшавских гастролёров особого интереса у публики не вызвал. Зато когда судили атамана Чекана, несколько лет державшего в страхе Тулу и окрестные уезды, зал был полон.

Арестовали Чекана совершенно случайно.

Как-то в первых числах февраля Лавровский просматривал газеты. Ничего интересного не попадалось. Но заметка в «Новостях дня» сразу привлекла его внимание.

Вчера по Тверскому бульвару на лихаче проезжал молодой человек, весьма элегантной наружности, в николаевской шинели с дорогим бобровым воротником. В это самое время в одном из домов случилась мелкая кража - какой-то оборванец увёл у кухарки, заболтавшейся с товаркой, корзинку с провизией. Дворник выбежал на улицу в погоню за улепётывающим ворюшкой с криками: «Лови его! Держи разбойника!». Дремавший седок в бобрах, открыл глаза и, неожиданно соскочив с дрожек, пустился наутёк. Извозчик, с которым он не расплатился, погнался за ним. Догнал. Беглец выхватил револьвер. Не миновать бы беды. К счастью, по бульвару прогуливались полицейские надзиратели Соколов и Рабинович. Они обезоружили странного молодого человека и отвели его в сыскное. При обыске у задержанного нашли паспорт на имя каширского купеческого сына Василия Голикова и указ об отставке на имя поручика 9-го драгунского Казанского полка Михаила Воронова. Но по внешности (на вид около тридцати лет, рост выше среднего, волосы светлые, глаза серые) и особым приметам (рубцы на спине, оставшиеся от наказания кнутом) в нём опознали знаменитого разбойника атамана Чекана.

- Ни хрена себе! - невольно вырвалось у Алексея. - Даже не верится.

- Ты о чём, Лёш? - спросил Сергей, оторвавшись взглядом от афишки ближайшего бегового дня.

- Помнишь, я тебе рассказывал о Мишеле Воронове, с которым мы вместе в Тулу ехали?

- О приятеле Кривцова, из окружного суда? Помню. А что?

- Оказывается это атаман Чекан. Очень симпатичный человек и вдруг разбойник. Впервые на моей памяти такое.

- Да ну? - улыбнулся Сергей. - А Аркадий Иволгин? А дядя Фриц? А...

Он перечислил с десяток опасных преступников, с которыми сводила их жизнь.

Подумав, Алексей согласился:

- Пожалуй, ты прав, друг мой. Не в первый раз такое. Наверное, и не в последний.

Январь-июль 2017 года